

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»**

ИТОГОВАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ РАБОТА
по программе профессиональной переподготовки
«Психоанализ»
на тему:
**«Аналитическая психология К. Г. Юнга: основные понятия и
принципы»**

Автор работы:
Слушатель
Рыбкина Марина Викторовна

Волгоград 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	Введение.....	4
2.	Биография Карла Юнга.....	9
3.	Карл Юнг, Зигмунд Фрейд и теория либидо.....	12
4.	Юнгианская теория.....	18
5.	Эго – субъект сознания.....	19
6.	Личное и коллективное бессознательное.....	21
7.	Психические функции.....	27
8.	Теория комплексов – бесценный дар Юнга.....	29
9.	Персона – психическая «кожа» эго.....	47
10.	Психический бессознательный фактор эго – Тень.....	51
11.	Психические универсалии – архетипы.....	58
12.	Архетип Трикстера.....	69
13.	Архетип Жертвоприношения.....	72
14.	Парные факторы души – анима и анимус.....	76
15.	Архетип смысла или старого мудреца.....	83
16.	Мана-личности – духовная энергия.....	91
17.	Психологические типы.....	93
18.	Юнговский анализ.....	117
19.	Перенос и контрперенос.....	119
20.	Символы – сердцевина юнгианской психотерапии.....	135
21.	Сновидения и активное воображение.....	142
22.	Индивидуация - процесс самореализации и превращения в полноценного человека.....	155
23.	Потенциальное состояние цельности – Самость.....	161
24.	Синхрония – созидание души.....	170
25.	Заключение.....	182
26.	Библиографический список.....	197

«Доктор Юнг, можете ли Вы мне сказать, встречался ли Вам за Вашу долгую практику, кто-то достигший Самости, руководствуясь некоей техникой, может быть, Вашей, преобразовавший себя и сместивший центр своего сознания? Я больше склоняюсь к мнению, что совершить такое невозможно, и это, скорее, нечто врождённое. Некоторые, как мне кажется, имеют такой дар от рождения. Я не знаю — и не знает никто — почему люди рождаются настолько различными. С другой стороны, может существовать и какое-то откровение, посвящение. Но даже оно, кажется, не способно сравниться с могуществом врождённого дара. Вероятно, такой естественный отбор связан с тем, что индусы называют кармой и перерождением. Возможно даже, что Ваша работа (и моя) созреет и принесёт плоды только в ком-то, кому ещё предстоит родиться. Урожай нынешней работы пожнут завтра. И может быть, этот кто-то, родившийся, где-то в будущем, снова окажется одним из нас. Но всё же, поскольку время — это иллюзия, наша работа даёт мгновенный результат.»

С лучшими пожеланиями, Мигель Серрано [3, с.110].

ВВЕДЕНИЕ

"Пророк, сумевший сдержать всеохватывающий
натиск рационализма и давший человеку
мужество вновь обрести свою душу".

(Из погребальной речи пастора на Прощальная церемонии с Юнгом)

«Юнг сидел у окна, так же, как и во время наших предыдущих встреч. Однако сегодня он был одет в японскую церемониальную мантию, так что в послеполуденном свете казался магом или жрецом некоего древнего культа. Когда я вошёл в комнату, Юнг хотел встать с кресла, но я поспешно остановил его. Потом я передал ему маленький подарок, который привёз ему с Востока — бирюзовую шкатулку из Кашмира, такую же, какую я и подарил Герману Гессе в Монтаньоле. Он взял её в свои старческие ладони, разглядывая и ощупывая её, а после сказал:

— Бирюза из Кашмира. Я никогда не был там; я посетил только Бенгалию и северо-восток Индии, и остров Мадуро на юге. Спасибо вам за этот прекрасный подарок. [11, с.126].

- Я только что закончил читать книгу, написанную китайским дзен-буддистом. И мне показалось, что мы говорим, в сущности, о том же, а единственное отличие в том, что пользуемся в описании разными словами. Таким образом, сам термин «Бессознательного» не важен; важна лишь идея, лежащая за словом.

На столике возле кресла, в котором сидел Юнг, лежала книга Тейяра де Шардена «Феномен человека». Я спросил Юнга, прочёл ли он её.

— Это замечательная книга, — сказал он. Его бледное лицо, казалось, озаряется странным внутренним светом. Кисти его рук в широких рукавах восточной накидки были узловатыми и изящными одновременно. Я снова заметил гностическое кольцо у него на пальце, и спросил о значении его символов.

— Это египетское кольцо, — сказал он, — здесь вырезана змея, символизирующая Христа. Над ней лицо женщины; снизу цифра 8, символ Бесконечного, Лабиринта и Дороги к Бессознательному. Я изменил одну или две

детали так, чтобы символ был христианским. Все они полностью оживают во мне, и каждый находит отклик в моей душе.

Тогда я сказал Юнгу, что он в своём бытии воплощал связь с секретами прошлого.

— Вы нашли связующий мост, тропу, потерянную со времён Просвещения, если не ранее. Подобно тому, как Возрождение отыскиало связь с внешним классическим веком, вы, в наше время, установили связь с его внутренней стороной. И теперь, благодаря вам, сущностные качества человека могут выжить.» [11, с.129].

В лето, когда умер Юнг, это было в 1961 году, когда человечество вступало в эру исследования космического пространства и умы были захвачены соревнованием между Америкой и СССР: кто первым из них достигнет поверхности Луны. Все взоры были прикованы к этому великому приключению — покорению космоса. Впервые в своей истории люди смогли оторваться от *terra firma* [твердая земля — лат.] и направлялись в путешествие к звездам. [12, с.9].

Рано или поздно человеку придётся вернуться на Землю, в ту землю, которая родила его; так сказать, человеку придётся вернуть себя. Космические полёты — всего лишь бегство, попытка сбежать от себя самого, ведь проще отправиться на Марс или на Луну, чем проникнуть в собственное существо. Опасность этого безумного интереса к пространственным завоеваниям проявляется в том, что он символизирует состояние тревоги в человеке. Эта тревога, кажется, вызвана страхом демографического взрыва. В какой-то мере, космические полёты кажутся инстинктивной реакцией на эту проблему. [11, с.129].

Юнг тихо почил в своём доме неподалеку от Цюриха, в комнате с окнами на запад, на спокойное озеро. К югу оттуда видны Альпы. За день до ухода он попросил сына помочь ему добраться до окна, чтобы бросить последний взгляд на любимые горы. Всю свою жизнь он исследовал внутренний мир и рассказывал об этих открытиях в своих книгах. [12, с.9].

Прикосновение к Юнгу может показаться чем-то подобным проникновению в «Море Тайн», о котором писал Фуэнтес, имея в виду первопроходцев, отправлявшихся в плавание из Испании через Атлантический океан. Именно такое чувство — восторг, смешанный со страхом, — рождается, когда приближаешься к неведомым берегам.

Собственное путешествие Юнга было гораздо более пугающим. Он действительно не был уверен, найдет ли сокровища или окажется за пределами этого мира, в открытом космосе. Бессознательное на самом деле было *Mare Ignotum*, когда он впервые погрузился в него. Он был молод, бесстрашен и полон решимости для того, чтобы открывать новое. И он отправился в путь.

Юнг часто называл себя пионером и исследователем тайны, для которой не существует карты – тайны человеческой души. Видимо, в нем жил дух авантюризма. Для него – как все еще и для нас – психическое представляло собой обширную территорию, большей частью еще не изученную. Она была тайной, бросающей вызов храбрецам, маня их обещанием сокровищ, а робким угрожая безумием. Для Юнга изучение души имело огромное значение, ибо, как он однажды сказал, весь мир висит на единственной нити и этой нитью является *psyche* – человеческая психика. Поэтому так важно, чтобы мы все ближе ее узнали. [12, с.10].

Задайте себе вопрос: «Какое слово или понятие, занимающее центральное место как в психологии, так и в психиатрии, почти полностью исключено из современных методов лечения?» Как бы иронично это ни прозвучало, но это именно психе — коренная метафора двух этих слов, если не обеих практик.

Современная психологическая и психиатрическая практика разбирает человека с точки зрения поведения, мысли и химии тела — все это поддается разумным наблюдениям и потенциальному измерению. И хотя без всего этого человека просто не существует, все мы являемся также чем-то большим — гораздо большим. Вы сочли бы оскорбительным, если бы кто-то просто разложил по полочкам ваши поступки, обобщил ваши мыслительные процессы, изучил вашу медицинскую карту, а затем сказал, что знает теперь вас настоящего. Вы бы возразили, что представляете собой нечто большее, чем сумма этих вещей. Психе — слово, означающее в переводе с греческого языка «душа» и напоминающее нам о том, что человек является животным, которое жаждет смысла и страдает от его потери. Конечно, мы являемся набором поведенческих паттернов, рефлексивных, неисследованных мыслительных процессов и биологических импульсов. Но ограничивать подход только наблюдаемыми аспектами жизни — значит не иметь смелость взяться за решение более глубоких и не имеющих количественного выражения вопросов о ее смысле. Глубинная психология отличается от других форм

дисциплины тем, что она представляет собой попытку изучить человека как единое целое, вступить в диалог с сущностной тайной, которую все мы воплощаем. [15, с.43-44].

Есть небольшое селение Боллинген на берегу Цюрихского озера в 40 км от Цюриха на первый взгляд ничем не отличается от соседних деревень. Но для юнгианцев это место особенное. Именно здесь находится знаменитая Башня Юнга, дом, который Карл Густав Юнг построил собственными руками по лично созданному проекту. Начав строительство в 1922 году, учёный закончил ее только в 1950-м. По его собственному ощущению и по словам представителей его окружения, в отличие от дома в Кюснахте, где он жил и работал, и который символизировал его это, Башня относилась к центру его личности, к архетипу Самости (более точно, путь от Аида к Гермесу, от архетипа Колдуна к архетипу Учителя, от символизма к модернизму):

И по сей день сюда съезжаются паломники, чтобы рассмотреть знаменитую Башню Юнга вблизи и приобщиться к его жизни, полной чудес и удивительных видений. Швейцарцы называют Башню Chateau de Bolligen (Замок Боллинген) и с удовольствием возят к нему туристов.

Сам Юнг характеризует это строение как «выраженные в камне глубинные мысли и то знание, которое я получил... символ веры в камне». Замысел Башни гораздо глубже, чем интеллектуальное упражнение в духовном символизме. Учёный интуитивно предчувствовал, что Дом тесно взаимосвязан с великой тайной мира, что Бог зашифровал в этом символе (архетипа Дома) величайшие знания, которые только нужно было открыть миру...

Он выстроил её, повинувшись импульсу, а её конструкция определялась сновидениями. Эта башня была попыткой Юнга выразить идею Самости в камне. Таким образом, она воплощает всю его систему психологии. В былые годы Юнг проводил там выходные. У него была небольшая парусная лодка, на которой он катался по озеру. Он разводил костёр, готовил еду на огне и не пользовался электричеством. На каменных стенах башни он вырезал изречения гностиков и египетских алхимиков; он также изобразил мандалы и прочие волшебные символы. [11, с.125].

Двадцатитомное Собрание сочинений К. Г. Юнга дает нам полное представление о широте мировоззренческих взглядов и огромной житейской мудрости зачинателя психологического направления — аналитической психологии. Здесь мы встречаем цикл психиатрических изысканий, уникальную разработку символической интерпретации мифологических мотивов и образов сновидений. Представлены основополагающие работы по теории архетипов и понятию коллективного бессознательного. В ряде статей и эссе перед нами предстает, так называемый, “мистический” Юнг — один из первых современных психологов прокомментировавший эзотерические алхимические тексты средневековья и выпустивший принципиальную работу о мистической связи между материей и разумом, проявляющейся в синхронистических переживаниях. Ну и, конечно, важнейшей работой Юнга является его грандиозный труд по психологической типологии — “Психологические типы”, представленный в шестом томе. Во всем этом поражающем многообразии идей и мыслей постоянно — явным образом или незримо — присутствует и земное смиренное понимание разрушительного аспекта неизбежной психической смуты — “человеческое, слишком человеческое”, — порождаемой бессознательными комплексами, и напряженное духовное величие смысловой картины мира. Не случайно Юнг в конце своей жизни на вопрос, верит ли он в Бога, ответил: “Я не верю, я знаю”. [18, с.7].

Проследить источники аналитической психологии – трудное дело, так как требуется знания философии, психологии, истории, искусства и религии.

Сила Юнга и его невероятная креативность - неотъемлемая часть аналитической психологии, требующей равно живой и творческой реакции. Юнг никогда не хотел, чтобы аналитическая психология стала набором догм. Он хотел, чтобы его идеи были понятны и отражали эпоху, в которой он жил: «то, что происходит в определенный момент, неизбежно имеет качества, особые для этого момента». Значительная часть его утонченности потеряна для современного не столь широко образованного читателя, но это было важной частью его характера и духа того времени. Как истинный исследователь, Юнг осознавал пределы своих знаний; он писал, что, как любой первопроходец, находится в невыгодном положении:

«Идешь по неизвестным областям, спотыкаясь; уводят прочь аналогии, и ты навсегда теряешь нить Ариадны; переполняют новые впечатления и новые

возможности; а худший недостаток, - что только в конце узнаешь, что же нужно было знать в начале». [5, с.55].

Древняя и давно вышедшая из употребления идея, говорящая о том, что человек является микрокосмом, содержит высшую психологическую истину, которую еще предстоит в должной мере осознать. В прежние времена эта истина проецировалась на тело так же, как алхимия проецировала бессознательную душу на химические вещества. Но все происходит по-другому, когда микрокосм понимается как внутренний мир, духовная природа которого появляется и исчезает в бессознательном... И так же, как космос не является просто хаотической массой частиц, а находится в согласии с Божественным замыслом, так и человек не должен растворяться в вихре противоречивых возможностей и стремлений, навязанных ему бессознательным, но должен стать тем единым, которое включит в себя их все. [5, с.110]

БИОГРАФИЯ КАРЛА ЮНГА

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года в Кессвиле, кантон Тургау, на берегу живописного озера Констанц. Его мать Эмили, была из хорошо известной семьи в Базеле. Она была отстраненной особой, много времени болела после его родов, и поэтому мальчик долго страдал экземой. Сейчас все психотерапевты понимают, что детская экзема — это психосоматика, как невыразимый крик. Это крик ребенка, который не подхвачен матерью. Мать была эмоционально неустойчива, и поэтому он писал: «Я помню, что был очень обеспокоен отсутствием матери. С тех пор я всегда чувствовал недоверие, когда кто-нибудь при мне произносил слово „любовь“. Чувство, которое у меня ассоциировалось со словом „женщина“, было чувством естественной незащищенности». Как такое послание влияет на дальнейшую жизнь мальчика, на его решения и поступки? Как это влияет на его отношение к собственному телу, к своей аффективной жизни, к его связям с миром чувств, духа, вдохновения? Чувствует ли он потребность найти раненую женщину и исцелить ее? Или же он будет недоверчив к женщинам, будет пытаться взять над ними контроль, или избегать их, или постоянно пытаться радовать их и делать счастливыми? Он будет произвольно и настойчиво пытаться наделить

женщину своей жизни чрезмерной силой – не ее внутренней силой, а той, что была передана ей под тяжестью внутреннего имаго.

А что можно сказать об отце?

Когда Юнг подходил к своему отцу с религиозными вопросами, тот отвечал, что нужно просто «верить», не мудрствуя лукаво. Так Юнг перестал верить в своего отца: «„Отец“, с другой стороны, означало надежность и слабость». Тяжелый груз получается: «ненадежная» мать и «слабый» отец. Что же человеку делать со всем этим грузом посланий и императивов? [16, с.61-62].

Считается, что его дед Карл Густав Юнг - незаконнорождённый ребенок Гёте. Все немецкие философы, которых можно представить – это были знакомые, причем близкие знакомые деда отца. Отец его занимался арабистикой изначально, хотя потом стал пастором. И написал работу по переводу «Песнь Песней Соломона», знал много языков. Но потом он забросил свою научную карьеру и переехал в какой-то провинциальный кантон Швейцарии и стал местным пастором. Разумеется, для Юнга тема отца и тема матери, являлись эмоционально нагруженными темами. Дед Юнга – Карл Густав Юнг – основатель сионизма. Они были чистокровные дворяне, никого отношения к евреям не имели, но очень интересовались иудаизмом и, разумеется, Библией. Дед Юнга был медиком. Его тоже звали Карл Густав Юнг старший. Он был основателем медицинского факультета Базельского университета. Два основания жизни – одно естественно-научное, он все-таки врач, а второе мистическое. А к мистическим относятся всякие видения. У него есть автобиографическая книга «Воспоминания, сновидения и размышления». В доме умершего деда был стол и когда садились ужинать ставили тарелку и стол время от времени скрипел. В семье Юнга это было на полном серьезе. Мир духов и реальности у него был с самого начала: эти два мира были очень тесно сплетены. И это не было как-такое чудачество, а так повелось. Юнг говорил сам про себя, что был амбициозным и умным мальчиком. И на то было много оснований - Юнг знал много языков, в том числе древние. У него была одна из лучших коллекций книг по алхимии. Эпоха, разумеется, конец 19 века и ещё жизнь в кантоне всё вместе, конечно, такую умозрительную, рефлексивную, остановочную часть психики развивала, не быстро-быстро что-то делать, а постепенно. В подростковом возрасте Юнг заболел, у него начались всякие видения, что в современной психиатрии

называют шубом, и вызвали врача-психиатра, который вынес неутешительный приговор. Юнг подслушал разговор, и очень испугался. Но решил, что он не будет болеть. И вскоре выздоровел. Для него это было первый опыт, когда можно свою болезнь преодолеть усилием воли. Для психиатрии это удивительный случай выздоровления, когда у человека уже существует два мира и после всех имеющихся галлюцинаций.

Юнг хотел быть археологом, ему казалось, что это очень интересно: из кусочков каких-то обломков, составить что-то целое. Даже если это фрагменты, то даже по нескольким фрагментам можно создать целое, никаких свидетельств этому, кроме умозрительных, нет. И фактически этот метод реконструкции Юнг потом применил к толкованию сновидений наших психических образов, никогда нам наша психика не дает все целиком. К сожалению, его планам стать археологом не суждено было совершиться, потому что умер его отец, фактически отец был кормильцем семьи. Семья стала очень нуждающейся и единственное место куда он мог пойти – это медицинский факультет, потому что ректором этого университета был его дед и он мог пойти на стипендию. И он пошел учиться, можно сказать куда пришлось, не желая этого. Позже Юнг философски подошел к этому, видя в этом некий промысел: когда мы попадаем в ужасные ситуации, когда наше сознание не хочет в этом есть какой-то смысл.

Поскольку Юнг был амбициозный, умный учился он очень хорошо, а по ту пору терапия считалась такой привилегированной специализацией. Лучшие ученики имели право выбирать последующую специализацию, и, к удивлению, всех он выбрал психиатрию. В психиатрию брали двоечников, тех кого никуда не взяли, тех брали в психиатрию. И вот попасть из блистательных учеников, в психиатрию – это был очень странный выбор. Он переехал в клинику, в которой работали многие известные психиатры. Он был ассистентом по началу. В этой клинике остался жить. Лечили тогда душем Шарко. Транквилизаторов и нейролептиков тогда не было, они появились значительно позже, когда стали лечить диабет и случайно обнаружили, что это нейролептик. Это был дом смирения. Его приязнь к археологии в нем ожила, и он стал записывать бред сумасшедших. И оказалось потом, спустя много-много лет, когда к этим записям вернулся, оказалось, что в этом бреде сумасшедших были архетипические пласты. В одном таком бреде, было движение солнца, его колебания,

как потом оказалось, что это был древний папирус литургия Митры, на тот момент непереуведенный. Его нашли во французской библиотеке и расшифровали. А это был какой-то безграмотный 19-летний сантехник. Текст литургии на тот момент в науке был никому не известен, но бессознательно он ее выдал. Таких записей, которые служили прототипом последующих либо научных открытий, либо культурных текстов, которые нерасшифрованные, оказалось очень много, которые были малоизвестны. В 19 веке, нормальные ученые резали лягушек, и никто не слушал какие-то непонятные бредни полусумасшедших людей. [31, ч.1].

Через два года после начала работы, Юнг начинает свои эксперименты с тестом словесных ассоциаций (1902 - 1906). Пациентам предлагается дать немедленную ассоциацию на слово-стимул. В результате обнаружилось, что даже незначительные задержки в ответах на отдельные слова показывают аспекты «комплекса»: Юнг был первым, кто использовал данный термин в его современной интерпретации. Он продолжал развивать ассоциативный тест до 1909 года и далее применял его с пациентами в течение всей своей жизни. Вариации этого теста до сих пор используются в практике психотерапии. Эти находки привели Юнга к идеям, которыми в то время занимался Фрейд. [5, с.11].

В 1903 году Юнг публикует диссертацию «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов». И в этом же 1903 году Юнг женился на Эмме Раушенбах. Эмма происходила из богатой семьи промышленников, что дало определенную финансовую свободу молодому ученому и возможность посвятить себя научным исследованиям без оглядки на ежедневный заработок.

КАРЛ ЮНГ, ЗИГМУНД ФРЕЙД И ТЕОРИЯ ЛИБИДО

Важнейшим событием его юности несомненно стало знакомство с основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом. А началось оно с прочтения «Толкование сновидений», которая на тот момент произвела фурор во всей культурной жизни Европы. Фрейд был пионер, он впервые высказал, что сновидения бессмысленны – «это царская дорога бессознательное», что к сновидениям можно относиться всерьез. Для естественно-научного устроения – это был взрыв. Сейчас, когда у нас полимодальная культура, чтобы что-то могло с такой же силой,

повлиять на ученые умы, где нет единой точки зрения. А вот тогда, когда естественно-научный подход только набирал силу и нормальные ученые это были те, которые писали формулы и сказать, что нечто имеет смысл, хотя это явная бессмыслица, это, конечно, был фурор. И Юнг, будучи очень восторженным человеком, написал очень пафосное письмо Фрейду. У них была встреча в Вене, известно, что они в кафе проговорили 14 часов. И Фрейд абсолютно влюбился в Юнга, а Юнг влюбился в Фрейда. На символическом уровне это можно толковать, как гомосексуальные отношения. Но между ними были отцовско-сыновьи отношения. В одном из писем к Юнгу Фрейд описал его, как «способнейшего помощника, до сих пор дающего мне только радость». Сам Фрейд одно время считал Юнга своим приемным сыном и наследником психоаналитического движения. Фрейд часто называл его «своим преемником и кронпринцем» всячески потворствовал продвижению Юнга. В 1911 году по настоянию Фрейда и при явном противодействии со стороны венского психоаналитического сообщества, Юнг становится первым президентом Международной психоаналитической ассоциации. Фрейд опасался, что антисемитизм помешает росту психоаналитического движения, если президентом ассоциации будет еврей. Венские аналитики - по большей части евреи - недолюбливали и не доверяли этому швейцарскому «выскочке» Юнгу, к тому же явному любимчику Фрейда. Старшинство в движении должно принадлежать им, и только им. К тому же они подозревали самого Юнга в антисемитских настроениях.

Всего два года он пробыл этим президентом, и не отбыв полный срок своего президенства, сложил с себя полномочия президента и вышел из ассоциации и перестал использовать в своей практике метод психоанализа.

Потому что в это самое время он писал свою книгу «Либи́до, Его метаморфозы и символы», и он понимал, что он пересматривает теорию либидо Фрейда. [31, ч.1].

Фрейд видел в желании инцеста бессознательное стремление к сексуальному обладанию своей матерью в буквальном смысле. Юнг, напротив, интерпретировал желание инцеста символически, как всеобщую жажду возвращения в райское состояние младенчества. Эта жажда становится более явной, когда человек сталкивается с пугающими жизненными проблемами, с ситуацией взросления, приспособления к изобилующей стрессами реальности. Он хочет забраться в постель и накрыться с головой одеялом. Поиски «матери» связаны, по

символической интерпретации Юнга, с желанием регрессии к инфантильной зависимости, в младенчество, к бессознательному и безответственному состоянию. Такая мотивация стоит за большинством случаев наркотической и алкогольной зависимости. Появление фантазий об инцесте при лечении невроза Юнг интерпретировал бы, скорее, как сопротивление адаптации, чем как проявление действительных бессознательных желаний или как воспоминания о детских фантазиях инцеста.

Практику инцеста среди некоторых древних народов, например у египетских фараонов, Юнг связывал с религиозной символикой, которая подтверждает привилегированный статус и означает единение с божественным источником энергии. Это был брак с Матерью-Источником-Жизни, а не буквальное утоление сексуального желания. В действительности, как утверждал Юнг, инцест редко имеет отношение к сексуальности. Инцест является символически значимым, а не биологически обусловленным. [12, с.73-74].

То, что Шопенгауэр назвал Волей, первопричиной человеческой деятельности и мышления, Фрейд обозначил термином «либидо». Тем самым он хотел подчеркнуть чувственный элемент в человеческой природе, стремление к удовольствию. Для Фрейда душа в значительной степени обусловлена сексуальной энергией. Латинское слово «libido» хорошо подошло для ее обозначения, поскольку Фрейд был убежден в том, что сексуальное желание лежит в основе психической жизни и является источником психического движения. [1, с.66-67].

Фрейд постулировал, что сексуальное желание является главной движущей силой большинства, если не всех, психических процессов и поведения. Либидо — это та горячая смесь, которая приводит в движение человеческую машину и заставляет ее работать, даже если его занятие, кажется, абсолютно не имеет отношения к сексуальной сфере, как например, игра на скрипке или бухгалтерский учет. Сексуальное желание — преимущественная мотивация даже этих видов человеческой деятельности, точно так же оно является первопричиной психологических конфликтов, приводящих к неврозам и еще более серьезным психическим нарушениям, таким как паранойя и шизофрения. Фрейд хотел показать, что все манифестации психической энергии в значительной мере могут быть сведены к сексуальному влечению и его сублимации, или подавлению. Фрейд

настойчиво стремился продемонстрировать, что сексуальный конфликт лежит в основе всех невротических и психотических болезней. С самого начала в дискуссии с Фрейдом по поводу психологической теории и клинической практики Юнг делал серьезные оговорки в вопросе о примате сексуальности и ее роли, считая, что существуют и другие влечения, оказывающие влияние на человеческую жизнь. Например, можно говорить о таком базисном влечении, как голод.

Он вводит более широкое понимание либидо как психической энергии, следуя примеру Шопенгауэра с его концепцией воли.

С этой, более широкой точки зрения, сексуальная энергия является всего лишь одним из частных случаев более общего понятия воли или жизненной силы. Этот основной поток психической энергии разделяется на несколько видов, часть которых играла в истории человечества более важную роль, чем другие. На некоторых этапах человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального, сексуальная энергия являлась более важной и основополагающей; на других этапах это не так.

Более того, как пишет Юнг, можно показать, что те виды деятельности, которые некогда были тесно связаны с сексуальностью и, несомненно, могут восприниматься как производные от сексуального инстинкта, в ходе эволюции человеческого сознания и культуры отделяются от первоисточника до такой степени, что уже не имеют непосредственного отношения к сексуальности.

Для Юнга было очевидным, что не все проявления психической деятельности происходят или имеют целью сексуальность, даже если первоначально в человеческой истории они были с ней связаны. Занимая эволюционную точку зрения, Юнг далее размышляет о том, как те виды деятельности, которые некогда были сексуальными по значению и намерению, например музыка и искусство, в дальнейшем трансформировались в несексуальные. [12, с.70-71].

И в своих воспоминаниях он говорит, что для него был вопрос: либо поддерживать хорошие отношения с Фрейдом, либо дружба, либо истина. И он выбрал истину. В этом его очень сильно поддерживала жена. И произошел разрыв, и для Фрейда это было очень трагично.

(Разрыв отношений Фрейда и Юнга произошёл в 1913 году и сильно сказался на их эмоциональном состоянии. Юнг был опустошён, после разрыва с Фрейдом и впал в продолжительную депрессию, однако стоит упомянуть, что негативные

эмоции стали преследовать Юнга ещё за год до этого и сопровождались кошмарными сновидениями.

Отношения Фрейда и Юнга рухнули, вероятно, не только из-за чисто профессиональных разногласий, скорее всего в них присутствовал ещё личностный, скрытый аспект. Если брать психологические особенности Юнга и Фрейда, повлиявшие на их отношения, то стоит упомянуть, что Фрейд родился и вырос в большом городе, он был первенцем, очень любил свою мать, как и она его, и считал её красивой, что в значительной степени могло сказаться на его теории. Фрейд был экстравертом, рациональным, академичным, в исследованиях опирался на естественные науки, очень зависел от социального одобрения, всё спорное и нерациональное он отвергал. Соответственно Фрейд пытался всё упрощать, возможно, не беря во внимание важные, но малопонятные явления.

Юнг же наоборот родился и рос в деревне, был ребёнком заместителем, так как первенец в их семье умер через несколько дней после рождения. Он считал свою мать не красивой женщиной и не испытывал к ней особой любви. Большее впечатление на Юнга произвела служанка, образ которой, как впоследствии он понял, у него зафиксировался в Аниме. Поэтому он считал, в отличие от Фрейда, что инцест может происходить не только к матери. Юнг был интроверт, интуитивный, творческий, подходил к психологии с точки зрения гуманитарных наук, мифологии, религии, гностицизма, философии, прежде всего ему было важно найти истину, а не мнение сообщества.

В отношениях Фрейда и Юнга, важную роль сыграл отцовский комплекс. Юнг проецировал на Фрейда образ отца и относился к нему с большим уважением. Хотя он имел собственные взгляды на психологию, но сначала побаивался состязательности с Фрейдом, так как Фрейд воспринимал любую критику близко к сердцу. Со временем Юнг в своей критике совершенствовался и даже как он считает, не специально два раза доводил Фрейда до обмороков в ходе их дискуссий. В итоге Юнг ближе к концу отношений понял, что Фрейд сам страдает неврозом и не хочет от него избавляться. Что, как думает сам Юнг, явилось главной причиной того, что они расстались: «Ни Фрейд, ни его ученики не поняли, к сожалению, что означает для теории и практики психоанализа тот факт, что сам учитель не смог справиться с собственным неврозом. И, когда Фрейд объявил о намерении объединить теорию и

метод, создавая из них своего рода догму, я более уже не мог сотрудничать с ним. Для меня не было иного выбора, как выйти из игры».

Важную роль в их разрыве могла сыграть Сабина Шпильрейн. У Юнга и Шпильрейн уже после окончания лечения Сабины была сексуальная связь, которая закончилась неприятным для обоих разрывом, состоявшимся, прежде всего по инициативе Юнга. После этого Шпильрейн написала Фрейду письмо, в котором рассказала об этой связи. А впоследствии поехала в Вену, где стала ученицей Фрейда и проходила у него анализ. Фрейд в письмах просил Юнга дать объяснения, Юнг сначала отпирался, но затем признался в любовных отношениях с Сабиной. Эта история могла, с одной стороны, породить сознательную или бессознательную ревность у Юнга и недоверие у Фрейда.

На момент разрыва с Фрейдом, Юнг работал доцентом в университете, он очень сильно сокращает свои преподавательские нагрузки, и каждый день ходит на берег швейцарского озера и раскладывает там камешки. И в этот момент у него были очень страшные видения – галлюцинации. Он был переполнен ужасами и кошмарами, которые несли галлюцинации. Они его повсюду преследовали, и они прекратились после того, как началась Первая Мировая война. И все происходящее вокруг и с ним, он пытался находить теоретическое обоснование. И он полагал, что встревоженное коллективное бессознательное Европы, которое было уже беременно войной оно и сильно ощущалось у людей чувствительных к спускам вниз. Как это только вышло на поверхность сознания, бессознательные мучения Юнга прекратились. Мы не знаем, какая малая вещь может нас толкнуть на большое несчастье. Это лежит у него в идее, когда он описывает Самость. Что малое больше большого и равно всему и центр всей Вселенной.

Юнг говорил: «Отличие здорового человека от больного состоит в том, что здоровый человек может спуститься в бессознательное и потом оттуда подняться, все, что он подхватил весь архетипический ценностный материал, который хранится в сокровищнице нашего бессознательного, он может этот материал, как-то выловить и поднять на поверхность сознания и перевести в слова и понятия, которые понятны сознанию. А тот, кто находится все время там сумасшедшие, они все время там и находятся. Юнг тоже описывает одного больного, который в своем бреде, абсолютно произвел философскую систему Шопенгауэра, понятно, что этот сумасшедший

никогда этого Шопенгауэра не читал. Чем отличается Шопенгауэр от этого несчастного – Шопенгауэр пласты идей сумел перевести в какие-то категории и понятия нормального языка, языка сознания, а этот сумасшедший для него — это не столько слова сколько слова- образы в одно слово написанные, наплывание одного на другое.

Эмма Юнг занималась Анимусом. Она тоже была юнгианским аналитиком. Кроме жены у него была вторая женщина Тони Вульф, его вторая жена он был двоеженцем, она была той женщиной, которая жила в доме с ними.

Невольно задаёшься вопросом: каково же было его жене? Жить с человеком, у которого была тут же еще вторая женщина. [31, ч.1]

ЮНГИАНСКАЯ ТЕОРИЯ

Переходя к его теории, правильнее это было сказать – вероучение, потому что теория Юнга не соответствует никаким критериям нормальной науки. Это паранормальная наука. В нормальной науке есть система аксиом, есть система правил и дальше выводное знание. У Юнга не так, что это аксиома, а это выводное знание. Кроме того, юнгианская теория, она система постулатов и утверждений, но есть ещё практика, которая в общем-то как отдельный том или отдельный кусок этого вероучения. Потому что, когда Юнг занимается практикой он не очень часто использует свои теоретические конструкторы. Надо сказать, что это сейчас распространяется очень и на наше время, что это даже требование. Как говорил Юнг, любые теоретические постулаты они нас ограничивают. Психика, намного мудрее, сложнее, многограннее, чем можем мы обхватить теорией. Теория, конечно, хорошо, как система колышков, а вот как мы будем по этой тропинке идти - это зависит от конкретного клиента с кем мы работаем. Когда мы имеем дело с сущностями многосложными и детерминированными, непонятно от чего зависящими, никакой рецептуры, никакого справочника, что с этим делать не может быть представлено. Невозможность наших представлений уложить в какую-то систему четких определений выражается даже в таких науках, как психиатрия, потому что уже какая редакция идет МКБ.

Юнгианский материал очень провоцирует наши коллективные пласты, там лежит не только хорошее, но там лежит и плохое все. [31, ч.1]

Наиболее трудным для него решением было дать имя своему методу психоанализа, «поставить личное клеймо». Между 1913 и 1916 годами он называет свой метод по-разному: то «комплексной психологией», то «герменевтической психологией». Но спустя некоторое время принимает окончательное решение – «аналитическая психология». [5, с.16]

Целое связано воедино, даже несмотря на то, что части кажутся разрозненными и функционируют совершенно независимо друг от друга. Юнг не мыслил систематически, как это делают философы, строя свои положения на основании посылок и будучи уверенными, что части согласуются между собой без противоречий. Он претендует на то, чтобы быть эмпирическим ученым, поэтому его теоретизирование отражает неупорядоченность эмпирически переживаемого мира. Как интуитивный мыслитель, Юнг намечает основные концепции, разрабатывает некоторые их детали, а потом переходит к другим концепциям. Он нередко возвращается назад, повторяется и по дороге заполняет пробелы. Это делает его труды сложными для чтения. Чтобы получить общую картину, необходимо знать всю книгу. Читая его работы более или менее вразброс, мы через какое-то время начинаем подозревать, что отдельные части как-то согласуются в собственном представлении Юнга, но, только дочитав до конца и поразмышляв некоторое время, можно увидеть, как они связаны на самом деле. [12, с.19-20]

ЭГО – СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ

Психика – состоит из двух частей, относительно независимых: сознание и второе бессознательное. Это такая топологическая модель, которая напоминает топологическую модель Фрейда.

Начну рассматривать юнговскую карту души с описания человеческого сознания наиболее важной его особенности – Эго. Эго – это технический термин, который происходит от латинского слова, означающего «я». Сознание – это состояние бодрствования, и в центре его находится Я. Это очевидная отправная точка, это вход в обширную внутреннюю область, которую мы называем психикой.

В то же время это сложное специфическое свойство психики, все еще таящее в себе множество загадок и вопросов, остающихся без ответа. Эго, как маленькая точка держится сознанием. Эго, как остров в океане. Юнг называл Эго субъектом сознания. Есть как будто какой-то центр в сознании, который этим сознанием управляет, или куда-то это сознание направляет. Любой круг у нас имеет центр невыявленный. А сознанием он называл – функции и деятельности, которое обслуживает Эго. Эго через сознание, сознание через Эго. Парные категории, определяющее одно через другое. Юнг часто использует через дефис Эго-сознание, правильно про них говорить вместе.

Юнга больше интересовало то, что лежит ниже сознания во внутренних сферах психики, но вместе с тем он поставил перед собой задачу описать и объяснить человеческое сознание. Он хотел создать полную карту души, а Эго-сознание является главной характерной особенностью исследуемой им территории. На самом деле Юнга нельзя назвать эго-психологом, но все-таки он приписал социальную ценность именно Эго. Он предложил список функций Эго и распознал решающее значение большего осознания для будущего человеческого существования и культуры. Кроме того, он хорошо понимал, что Эго-сознание является необходимой предпосылкой психологического исследования. Это инструмент. То, что мы, как человеческие существа, знаем о чем-либо, обусловлено свойствами и ограничениями нашего сознания. Поэтому изучать сознание – значит направлять внимание на инструмент, которым все мы пользуемся в психологических исследованиях и изысканиях. Почему так важно – особенно в психологии – понимать природу Эго-сознания? Потому что нам необходимо вносить исправления в искаженную картину. Юнг говорил, что любая психология – это личное вероисповедание. Каждый творческий психолог ограничен своими собственными личностными предубеждениями и неисследованными предположениями. Не все, что кажется истинным даже самому серьезному и искреннему сознанию исследователя, обязательно является точным знанием. Многие из того, что среди людей воспринимается как знание, при ближайшем критическом рассмотрении оказывается обыкновенным предрассудком или верованием, основанным на искажении, предубеждении, слухах, предположениях или чистой фантазии.

Верования принимают за знание и цепляются за них, будто это надежные и несомненные факты. [12, с.21-22]

Эго – это фокус в пределах сознания, его центральный элемент и, возможно, его наиболее постоянное свойство. Вопреки мнению, господствующему на Востоке, Юнг утверждает, что в отсутствие Эго сознание само ставится под сомнение. Однако верно то, что некоторые функции Эго можно приостановить или даже упразднить, не разрушив сознания полностью и что люди имеют реальную возможность хотя бы в течение короткого периода пребывать в своего рода «сознании без Эго», когда почти не проявляются признаки волевого центра Я. [12, с.26]

По сути, Эго – это виртуальный центр осознанности, который существует, по крайней мере, с рождения, око, которое смотрит и всегда смотрело на мир из этого пункта наблюдения, из этого тела, с этой индивидуальной точки зрения. Само по себе оно ничто, то есть не нечто. Вот почему оно так неуловимо и неосвязаемо. Иногда его существование вообще отрицается. И все же оно всегда присутствует. Оно не продукт воспитания, роста или развития. Оно является врожденным. И хотя оно может принимать тот или иной вид, развиваться, становиться сильнее, проходя через столкновения с действительностью, его ядро – это данность. Оно появляется вместе с новорожденным. [12, с.27]

ЛИЧНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Бессознательное по Юнгу состоит тоже из двух частей – одно называется личное бессознательное, второе коллективное бессознательное. Между сознанием и бессознательным у нас имеется Я. Между сознанием и бессознательным нет четкой границы. Эго находится как поплавоч, либо оно больше в сознании, либо погружается и находится больше в бессознательной части. Если рассматривать соотношение сознания и бессознательного, сознание представляет лишь маленький кусочек, а вокруг него расстилается огромная зона бессознательного.

Юнг назвал путь к бессознательному «странствием по ночному морю», путешествием смерти и растворения, временем переживания страха и трепета перед великим и непостижимым. [7, с.13]

Потом Юнг ввел понятие психоида. Фактически для него бессознательное расширялось не только до всех животных пластов, оно расширялось на неорганическую часть жизни. У него есть такая медитация: «когда я смотрю на камень, может камень тоже на меня смотрит». Кто на кого смотрит, кто кого отражает.

В бессознательном разные слои. Ближайшем к сознанию – это вытесненное, то, что когда-то было в Сознании, а потом, по каким-то причинам из сознания удалилось. При чем это могут быть не обязательно плохое, просто то, что сейчас не находится в фокусе нашего сознания. Мы можем брать других психологов 19 века и находить там схожие параллели. И та область, которая находится ближе всего к сознанию он назвал личным бессознательным, противопоставляя его следующей структуре, которое назвал коллективное бессознательное. Коллективное бессознательное – это уже не забытое вытесненное из сознания, а то, что никогда не было в сознании.

У Юнга есть два определения: «Все из коллективного бессознательного возникает, и сознание – это такое новообразование из коллективного сознания. Коллективное сознание, как некая матрица исходная, которая порождает вот этот островок сознания. Это такое дегенеративное определение коллективного бессознательного. А если мы говорим про феноменологическое, то мы можем сказать так: что коллективное бессознательное определяется как некоторое содержание, которое никогда не было в сознании. [31, ч.1]

Структура коллективного бессознательного не может быть зафиксирована локально, но является вездесущим бытием, идентичным самому себе. [29, с.96]

Его теория построена не по научному принципу, истинность её невозможно проверить научными объективными методами (критерий научности Поппера не выполняется). Это скорее вероучение, оно не как не фальсифицируемо, как знание. [31, ч.1]

Очевидно, такая критика справедлива с точки зрения объективного научного подхода. По сути, коллективное бессознательное трактуется в рамках некоего предназначения или судьбы человека, стремящегося выполнить какую-то земную миссию. Ведь, по мнению К. Юнга, тот или иной комплекс возникает у индивида из-за того, что в его коллективном бессознательном, заложены с самого рождения

определённые цели, стремления и желания. Но индивид в силу тех или иных обстоятельств не в состоянии их выполнить и удовлетворить.

Он сознательно отказывается от них. А коллективное бессознательное напоминает ему об этом посредством зашифрованного символического языка, воплощённого в том или ином комплексе. Остаётся только суметь раскрыть символический язык бессознательного и человека можно не только излечить, но и сделать счастливым.

Бессознательное — это чудесная вселенная, состоящая из невидимых энергий, сил, форм разума, даже отдельных личностей, которые все живут внутри нас. Большинство людей не представляет себе истинных размеров этого великого царства, которое живет своей совершенно самостоятельной жизнью, идущей параллельно нашему повседневному существованию. Бессознательное — это тайный источник большинства наших мыслей, чувств, поступков. А сила его воздействия на нас велика еще и потому, что воздействие это - незаметное. [2, с.7]

Бессознательное проявляет себя посредством языка символов. Мы можем соприкоснуться с бессознательным не только в ходе произвольных поступков. Бессознательное может преодолеть пропасть между ним и осознающим разумом двумя способами. Один способ — это сновидения; другой - воображение. Душа создала эти сложные системы связи для того, чтобы бессознательное и сознание могли общаться друг с другом и вместе работать.

Бессознательное изобрело специальный язык, который используется в снах и в воображении: язык символизма. Как мы увидим далее, внутренняя работа требует, прежде всего, понимания этого символического языка бессознательного. Стало быть, большую часть нашего времени мы должны посвятить работе со сновидениями, воображением и символизмом.

Многие попытки бессознательного связаться с нашим разумом заканчиваются неудачей. Бессознательное всплывет на поверхность снов, но очень немногие люди обладают информацией, необходимой для того, чтобы воспринять свои сновидения всерьез и понять их язык. Результаты деятельности бессознательного явно прослеживаются и в полетах нашего воображения: фантазия, словно гейзер, возникает на поверхности нашего осознающего разума, но мы едва замечаем ее; многие люди не замечают даже целых потоков фантазии, которые, подобно рекам,

частенько бегут по краю их разума. Мы думаем, что мы «думаем», или мы думаем, что мы «планируем», но, чаще всего, мы просто грезим наяву, погрузившись на несколько минут в реку фантазии. Ну а потом мы выбираемся обратно на «сушу», то есть возвращаемся в физическую ситуацию, к неотложной работе, к людям, с которыми мы разговариваем.

Чтобы понять, что мы есть на самом деле, чтобы стать более полноценными и более цельными человеческими существами, мы должны отправиться к бессознательному и установить с ним связь. В бессознательном содержится значительная часть нашего «я» и многие детерминанты нашего характера. Только приблизившись к бессознательному, мы получаем шанс стать по-настоящему мыслящими, полноценными, цельными человеческими существами. Юнг доказал, что жить более полной и насыщенной жизнью можно только в том случае, если приблизиться к бессознательному и понять его символический язык. Мы вступаем с бессознательным в партнерские отношения вместо того, чтобы постоянно воевать с ним или сдаваться на его милость. [2, с.9-10]

Осознающий разом должен до тех пор продолжать вбирать в себя материал бессознательного, пока он не отразит весь объем полного «я». [2, с.13]

Катастрофа, постигшая современный мир, заключается в полном отрыве осознающего разума от своих корней в бессознательном. Все формы взаимодействия с бессознательным, которые так ценили наши предки - сны, видения, ритуалы, религиозный экстаз - нами, по большей части, забыты, поскольку современный разум отвергает их, как примитивные суеверия. Из-за нашего высокомерия, нашей горделивой веры во всемогущество нашего разума, мы отсекали от себя глубочайшую часть нашего собственного "я" и наши истоки, находящиеся в бессознательном.

Мы, живущие в современном обществе, дошли до того, что пытаемся вообще обойтись без признания существования внутренней жизни. Мы действуем так, словно не существует ни бессознательного, ни царства души, словно мы можем прожить полноценную жизнь, сосредоточившись исключительно на внешнем, материальном мире. Все жизненные проблемы мы пытаемся решить, прибегая лишь к внешним средствам: стараемся заработать больше денег, приобрести больше власти, начать новое любовное приключение, в общем, мы пытаемся "совершить что-то" в материальном мире. Но, к нашему удивлению, мы обнаруживаем, что

внутренний мир — это реальность, с которой, рано или поздно, нам придется встретиться лицом к лицу.

Юнг заметил, что в современном мире невроз, ощущение распада личности и утраты смысла жизни, по большей части, происходят в результате изоляции эго-разума от бессознательного. Будучи мыслящими существами, мы все испытываем неясное чувство утраты какой-то части себя, чего-то, что когда-то нам принадлежало, а теперь не принадлежит. [2, с.17]

Под коллективным бессознательным он понимал, наследуемые возможности психического функционирования наследуемых структур мозга. Коллективное бессознательное – это родовое общечеловеческое готовность поступать каким-то образом. И эта готовность каким-то образом, что-то делать, в том числе она и порождает сознание. Для Юнга эта была очень важная вещь, что сознание выходит из бессознательного и сознание противоположно бессознательному. И это для него скорее всего теологический вопрос: зачем бессознательному, которое изначально гармонично, как Плерома, зачем коллективному бессознательному, нужно сознание, которое однолинейно, однонаправленно, знает, что ему надо, все остальное отрицает, смотрит только в одну сторону. Коллективное бессознательное – это кругозор, это во все стороны, а сознание – это в одну сторону, это только это и только так. Зачем ему это нужно? Ответ такой, если Бог все свят, зачем он просмотрел Люцифера? Как он мог допустить падшего ангела? Но если ты все знаешь. У него коллективное бессознательное можно сравнить с божественным Всё. Тогда, как можно допустить порождение сознания. Ответ такой: для того, чтобы понять, что ты есть Всё – тебе нужна некоторая оппозиция. Тебе нужен кто-то кто не Всё. Такой вариант решения был предложен ещё в 10 веке. Эта такая традиция философская, которая продолжается у Юнга. Сознание порождается коллективным бессознательным. У коллективного бессознательного есть потребность, настоятельная необходимость, чтобы возникло сознание, а это сознание потом будет бороться с коллективным бессознательным. Мы как бы сами себе порождаем нашего оппонента, с тем чтобы было быть с кем в диалоге. Потому что диалог нам необходим. И это не только мировоззренческий вывод, но это относится к практике терапии. Для чего клиент приходит к психологу, он что умнее? Нет. Счастливее? Нет. Мудрее? Нет. Потому что психолог умеет быть в диалоге. Потому что сам с собой в диалоге не побудешь.

Потому что заранее знаешь, что сам себе ответишь. Конечно, мы можем быть во внутреннем диалоге, но не в глубинном диалоге, когда кардинально. Юнг говорил, в случае болезни у нас Эго совсем погружается вниз, находится под порогом сознания. У нас есть два разных языка – язык сознания и язык бессознательный – это разные языки. Когда мы переходим на бессознательное там принципиальный язык, поэтому из этих четких определений сознания они, как бы размываются и расплываются. Поэтому и сущности меняются. Как только меняется язык, способ, каким он может передаваться, эти содержания у нас как бы растворяются. Поэтому мы не можем найти неизменное сознание, которое бы в таком же четком виде сохранилось там. Сознание наше полностью уходит, разрушается, наше Эго полностью погружается в бессознательное, и оно трансформируется и в случае выздоровления, когда получается у нас вокруг Эго формируется сознание оно уже другое. Любые погружения в бессознательное – это есть некий способ репарации и изменения Эго. Сознание строит себя вторично, оно строит себя из каких-то прообразов бессознательного. И поэтому у нас есть жизненные кризисы, для того чтобы дальше двигаться, при которых наше Эго должно распасться, а новое возникнуть. Мы не можем быть неизменны, мы изменяемся. И такие перепады, которые, например, в возрастной психологии и называются кризисами. И понятно на момент кризиса нашего Эго кардинально изменяется. Происходит качественный скачок, конечно, в случае позитивного развития. Есть некоторая бессознательная предзаданность, что на каждом моменте жизни нам надо. Если мы ограничены в каких-то наших возможностях, то потом мы ограничены и в наших реализациях. Сознание строит себя из предпозиций, которые исходят из бессознательного. Бессознательное у нас первично, сознание у нас вторично. И из бессознательного строится сознание. Это встречный процесс. Оно строится, потому что есть такое желание или потребность. Современный психоаналитик Питер Фонаги, говорил, что есть такая до – я, которая определяет тот профиль требований, который необходим, чтобы я состоялось. Это относится не только к области патологий, но и к области абсолютной нормы. Личное бессознательное состоит из забытых воспоминаний, подавленного опыта и сублимированных восприятий.

Коллективное бессознательное можно сказать оно состоит из осадка типичных реакций предыдущих поколений. Это определение совсем недоказуемо.

Это как теория Ламарка, которая тоже казалась абсурдной, как, впрочем, и теория Лысенко. (хотя сейчас современные генетики подтверждают, что, действительно многое зависит от тех условий, в которых мы живем, если ДНК – это наша предзаданность, а потом условия и среда подхватывают нашу ДНК).

Какие же это исходные ситуации, которые по наследству переходят у нас из поколений в поколение? Какие эти осадки? Это прежде всего наше поведение, то, что исходит из нашей общечеловеческой природы, а именно, ситуации страха, борьбы, опасности, вот оно паттерное реагирование. Борьба с сверхсилой, отношение к потомкам, отношение детей к родителям – это коллективные прототипы, как матрицы, как мы себя ведем. Отцовские и материнские паттерные поведения, способы поведения, наши поведения в злобе и любви, в ситуациях рождения, в ситуациях смерти и т.д. Это настолько бесконечный список. Перечислены базовые прототипичные ситуации. [31, ч.1]

ПСИХИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Сознание Юнг описывал, как психическую систему, или психическую тотальность, которая имеет, как бы четыре направления. Эти четыре направления, он описывал четырьмя функциями. Эти четыре функции, как азимут задают систему координат. Они в обязательном порядке: мышление противостоит чувству, ощущение противостоит интуиции. Под психической функцией Юнг понимал – форму психической деятельности, которая совершается определенным образом и совершенно не зависит от содержания. И поэтому каждая функция есть некий алфавит, некий способ каким информация берется, неважна какая, неважно какое содержание. И мышление прежде всего рассматривает все – истинно – неистинно. Чувства - противоположная функция – отвечает на вопрос нравится – не нравится. Эти две функции он называл рациональными – и в мышлении, и в чувствах работает «рацио» в том понимании в каком он идет в латинистике, а именно это оценивание, это пропорция. А две другие функции противоположные он называл иррациональными. Иррациональные функции работают по другому принципу. Они не оценивают, там есть буквальная без оценочная фиксация. Это функция ощущения, фиксирующая какое-то качество мира, без оценки того нравится мне это или не

нравится. И Юнг говорит у кого доминирует функция ощущения он видит мир во всех деталях. А противоположная функция – это функция интуиция – это постижение каких-то больших смыслов, масштабных, космических, но не замечая никакие детали.

Интуит знает изначально большую теорию. Гегелю когда-то сказали, что его теория не соответствует практики. На что он ответил: «Тем хуже для практики». Интуит он видит целиком смысл явлений. Там, где интуит увидит смысл явлений, ощущающий тип увидит только отдельные детали, он не поймет этого смысла. Эти функции противоположные.

Если у человека доминирует мышление, то функция чувств всегда находится в бессознательном. И это не обязательно, что человек занимается интеллектуальной деятельностью. Известно, например, что Эйнштейн был интуитом. Понятно, что у него интеллектуальный аппарат работал очень сильно, но изначально это была интуиция. И когда Эйнштейн говорил, что на его теорию его подвигнул Достоевский, он не кокетничал. Он прочел Достоевского и все понял про физику.

То, что находится в сознании это хорошо структурированная дифференцированная функция. Человек понимает, как этой функцией управлять, умеет управлять своим мышлением. Например: я умею управлять своим чувством, если у меня функция чувства является доминантным. Функция, которая противоположна доминантной функции, она является недифференцированной, хаотичной, архаичной и она совсем неожиданно может в любой момент выскочить. Поэтому человек с доминантным мышлением, у него, например, могут неожиданные перепады настроения и может даже не понимать, почему ему, например вдруг стало очень грустно, или неожиданная радость. Две вторые функции называются вспомогательные, и как правило эти функции вспомогательные не одинаково развиты. И четвертая функция почти мало развита. В такой пропорции функции развиты у здорового человека. У невротика развиты две функции, третья совсем в зачаточном состоянии. У пограничника и у психотика только строго две функции, а у человека, который находится в психотическом срыве, все это погружается в бессознательное. Что значит дифференцированные функции – значит они социализированы, и гуманизированы. Юнг писал так: «Не человек владеет функцией, а она владеет человеком». Как часто бывает так – педантичный, очень

строгий и организованный на работе человек, дома из себя представляет сущего тирана, домашние это-то хорошо знают. [31, ч.1]

В терапии, когда необходимо или желательно развить подчиненную функцию, это делается постепенно и прежде всего путем прохождения через одну из вспомогательных функций. Как комментирует Юнг:

Я часто наблюдал, как какой-нибудь аналитик, столкнувшись, например, с преимущественно мыслительным типом, пытается сделать все от него зависящее, чтобы развить чувствующую функцию прямо из бессознательного. Такая попытка заранее обречена на неудачу, поскольку она вовлекает в депо слишком насильственное обхождение с сознательной точкой зрения. Если же тем не менее такое насилие окажется успешным, то появляется прямо-таки навязчивая (компульсивная) зависимость пациента от аналитика, перенос, который можно прекратить только жесткими методами, потому что, лишившись точки зрения, пациент делает своей точкой зрения аналитика. Для того, чтобы утихомирить воздействие бессознательного, иррациональный тип нуждается в более сильном развитии рациональной вспомогательной функции, присутствующей в сознании [и наоборот]. [18, с.27-28]

ТЕОРИЯ КОМПЛЕКСОВ – БЕСЦЕННЫЙ ДАР ЮНГА

У каждого из нас есть эмоциональные травмы и соответствующие им скопления энергии, ибо у каждого из нас есть своя индивидуальная история. Но тогда встает еще более глубокий вопрос: несем ли мы в себе эмоциональные травмы или они движут нами?

Что каждый из нас чувствует, услышав слово отец? Возможно ли дать ответ, не поддаваясь влиянию истории прожитой жизни? Не находимся ли мы в плену у призраков пережитого опыта, а точнее, истолкований пережитого опыта, ставших де-факто нашей историей?

Кто-то в отличие от Юнга ассоциирует отца с силой, которая может служить как благим, так и дурным целям. Одни ощущают отца как некий источник жизни и созидания, другие - как силу, злоупотребляющую собственным могуществом. Одни клиенты на приеме у психолога - описывают отца как могущественного помощника

и мудрого наставника, другие – как чудовище, пожирающее собственных детей из-за собственного гнева, неуверенности и инфантильной ревности.

Для самых первых лет нашей жизни отец, возможно, не так важен, поскольку ребенок очень сильно привязан к матери. Но в период от шести до двенадцати лет отец, являясь необходимым третьим звеном, становится мостом из состояния слияния с матерью. Без этого третьего звена ребенок никогда не оторвется от матери. Все мы видели этих детей весом чуть больше центнера, которые машут с экрана рукой, передавая привет «мамочке». А как же отец? Сегодня все больше мальчиков растут без отцов, а значит, они лишены своевременного перехода во взрослую жизнь. Они либо станут жертвой разного рода зависимостей, либо будут искать извращенные формы взросления в среде своих сверстников.

Ну и, конечно, отец вряд ли сможет исполнить свою архетипическую роль, если у него самого не было отца. Ведь невозможно передать детям то, чего ты сам был лишен. Так, наши школы превратились в емкости для хранения и сдерживания растерянных подростков. Затем они плавно переключаются в университеты, но продолжают тем не менее нуждаться в сильном и дарующем силу отце, одобряющим избранный ими путь, удовлетворяющим их любопытство и нужды индивидуации. Так много молодых людей нуждаются в отцовской силе притяжения, но прокладывать путь в темноте непросто, и не каждый осознает всю важность отсутствующего фрагмента в психической мозаике.

Ни в коем случае нельзя забывать слова Юнга о том, что тяжелейшее бремя детей – непрожитая жизнь родителей.

Прозрение Юнга очень глубоко, и нам нужно постоянно помнить об этом. Психотерапевтам постоянно приходится сталкиваться с призраками родителей пациента, а значит, и с призраками их родителей и более далеких предков, сформировавшими устойчивые комплексы и модели, оставившими вопросы без ответов и наполненными смыслом разные имаго.

Если человек, который ощущает свою сексуальность, только находясь «под кайфом», значит, налицо влияние родительских запретов, комплексов, сдерживающих или карательных посланий, отделяющих человека от его природы. Если перед нами женщина, не способная высказать вслух свой гнев, свои надежды и желания, то налицо сдерживающая одержимость, лихорадочное наваждение. Порой

эти наваждения так четко встроены в структуру личностной истории, что человек попросту не осознает их, думая, что «так всегда и бывает», «такой я и есть на самом деле», «а как может быть иначе?». Перед нами всегда стоит имплицитная задача – получить разрешение на то, чтобы быть собой, желать того, что глубже всего желаешь, служить настоящему мгновению. Однако заряженное имаго, комплекс постоянно противостоит получению этого разрешения.

Поэтому необходимо более подробно остановиться на понятии комплекса, этом бесценном даре Юнга. Из всех его прозрений идея комплекса, пожалуй, самая полезная. Мы всегда боремся с этими призрачными явлениями, имеющими власть над нашим настоящим и способными свести на нет все наши потенциальные способности, вынуждая воспроизводить одни и те же истории. [16, с.62-64]

Немногим более века назад Карл Юнг заканчивал обучение в Базельском университете. Темой выпускного диплома он выбрал интересный случай женщины-медиума, которая якобы общалась с душами умерших. Неправда ли, необычная тема для научной медицинской работы – и тогда, и сейчас?

В этой работе он изучал женщину, способную впадать в сомнамбулические состояния «подвешенного» сознания, во время которых души умерших переговаривались через нее голосами, очень похожими на принадлежащие этим людям при жизни. Была ли она мошенницей? Или у нее был психоз? Какая ей была от этого выгода? Дипломная работа Юнга, написанная в 1903 году, была озаглавлена «О психологии и патологии так называемых оккультных явлений». Однако ее автор скрыл, что объект исследования – его кузина Хелена Прайсверк, которую он знал лично и которой доверял. Исследуя ее необычный дар, Юнг пришел к выводу, что состояние ее Эго было исключительно лабильным, похожим на состояние усталости, алкогольного опьянения или стресса, когда отдельные элементы психики получают независимость и способность к самовыражению. Если рассматривать наши сны как примеры того, насколько различными могут быть аспекты нашей личности, как мы действуем в стрессовом, измененном состоянии сознания, произносим слова, о которых на следующий день жалеем, то поймем, что расщепленные части нас берут начало от сказанных нами же слов. Именно для определения этих энергий Юнг использовал термин комплекс, за десять лет до этого введенный берлинским психиатром Теодором Зихеном. [16, с.66]

Теория комплексов стала наиболее важным вкладом Юнга в понимание структуры бессознательного.

Эта теория явилась развитием точки зрения Фрейда относительно психологических результатов вытеснения: безусловной важности детства в структуре характера и проблемы сопротивления в анализе. Эта теория сохраняет свою актуальность и в современной аналитической практике. Как же Юнг пришел к открытию этой стороны бессознательного?

Вопрос, собственно, состоял в том, как могут быть преодолены барьеры сознания. Сознание можно исследовать путем простого задавания вопросов и фиксации ответов или с помощью интроспекции. Но как можно погрузиться глубже в субъективный мир, исследовать его структуру и функционирование?

Решая этот вопрос, Юнг и его исследовательская группа психиатров провели серию экспериментов с добровольцами, наблюдая, как при воздействии вербальными стимулами возникают ответы сознания – «следовые реакции», если можно так выразиться, тонкие эмоциональные реакции, которые делают очевидным существование более глубоких структур. Работая в тесном сотрудничестве со своими коллегами Блейлером, Верлином, Руерстом, Бинсвангером, Нунбергом и более других с Риклином, Юнг сначала усовершенствовал словесный ассоциативный тест в соответствии со своими целями. Он остановился на четырехстах общих, повседневных и относительно нейтральных словах-стимулах, например: стол, голова, чернила, игла, хлеб, лампа. Среди этих слов были рассеяны и более провокационные: война, честный, протестовать, ударить. Затем количество слов было сокращено до 100. Слова-стимулы последовательно зачитывались испытуемому, который отвечал первым словом, которое приходило на ум и проявлял при этом самые разнообразные реакции. Были зафиксированы длинные паузы, бессмысленные ответы, рифмованные и повторяющиеся ответы и даже физиологические реакции, которые измерялись с помощью устройства под названием психогальванометр.

Юнга интересовал вопрос, что происходит в психике испытуемого в момент, когда звучит слово-стимул? Его внимание привлекали эмоциональные реакции, особенно признаки возбуждения, свидетельствующие о тревоге и ее воздействии на сознание. Фиксировался не только сам ответ, но и время ответа. Затем все слова-

стимулы повторялись снова и испытуемого просили воспроизвести его первые ответы. Снова фиксировались результаты. Анализ теста, в частности, заключался в сравнении времени ответов на разные слова-стимулы. Ответы на одни слова следовали через 1 секунду, на другие – через 10 секунд, а некоторые слова вовсе оставались без ответа. Затем учитывались другие типы реакций. Некоторые слова сопровождалось особыми ответами типа рифм, бессмыслицы или необыкновенных ассоциаций. Юнг полагал, что такие ответы были индикаторами комплекса признаков тревоги и проявлением защитных реакций от бессознательных психологических конфликтов. Что они могли сказать ему относительно природы бессознательного?

Юнг предполагал, что реакции сознания, которые регистрировались и измерялись как ответы на словесные стимулы, были связаны с бессознательными ассоциациями на услышанные слова. Его ход рассуждений согласуется с идеями Фрейда, изложенными в «Толковании сновидений», в частности с представлением о связи содержания сновидений с мыслями и чувствами прошедшего дня (или даже с мыслями и чувствами прошедших лет, вплоть до раннего детства). Такие ассоциации, однако, являются чрезвычайно тусклыми и смутными. Ассоциации существуют, утверждает Юнг, не между стимулом и словесным ответом, а, скорее, между словом-стимулом и скрытым бессознательным содержанием. Определенные слова-стимулы активизируют бессознательное содержание, а оно, в свою очередь, ассоциативно связано уже с другим содержанием. Когда стимулируется сеть ассоциативного материала – вытесненные воспоминания, фантазии, образы, мысли, – происходит некоторое возмущение в сознании. Признаки эмоционального волнения – это индикаторы комплекса. Чтобы определить точно, какова причина волнения, необходим целенаправленный расспрос испытуемого и затем, если это необходимо, внимательный анализ полученных сведений. Но, кроме того, возмущения, зарегистрированные в этом эксперименте, дают ключ к дальнейшему исследованию и подтверждают наличие бессознательных структур, лежащих ниже уровня осознания. Часто испытуемые поначалу не могли понять, почему некоторые слова вызвали у них такие реакции.

Юнг обратил внимание на то, что существенные возмущения потока сознания иногда связаны с внешне безобидными словами-стимулами, например «стол» или

«сарай». При анализе систематических ответов он обнаружил, что, очевидно, беспокоящие слова могут быть сгруппированы тематически. Эти группы указывают на общий контекст. Когда испытуемых расспрашивали об их ассоциациях, связанных с этими кластерами слов-стимулов, они постепенно вспоминали эмоционально заряженные моменты прошлого. Обычно эти моменты включали и травматический опыт. Слова-стимулы вызывали болезненные ассоциации, которые были погребены в бессознательном, и эти стрессогенные ассоциации оказывали возмущающее действие на сознание. Бессознательные содержания, ответственные за эти возмущения сознания, Юнг и назвал «комплексами».

Установив, что комплексы существуют в бессознательном, Юнг продолжил исследование. Используя возможности словесного ассоциативного эксперимента, он мог определять комплексы довольно точно. Точное измерение помогало трансформировать смутные догадки и спекулятивные теории в научные данные, в экспериментальные факты, что соответствовало научным воззрениям Юнга. Юнг обнаруживает, что мог бы измерить степень эмоциональной заряженности, связанной со специфическим комплексом, если подсчитать количество индикаторов комплекса и определить силу возмущений, которые он генерирует. Это показывало относительное количество психической энергии, связанной в данном комплексе. Исследование бессознательного, таким образом, могло опираться на количественные показатели. Эта информация также могла быть полезной для психотерапии, указывая на наиболее серьезные эмоциональные проблемы пациента и на то, что необходимо предпринять для их лечения. Особенно важны такие данные при краткосрочной психотерапии.

Результаты экспериментов утвердили Юнга в мнении, что есть некие психические образования за пределами сознания, которые существуют как спутники эго-сознания, при этом они способны вызывать удивительные, иногда просто драматические возмущения Эго. Эти «гремлины», эти внутренние демоны могут захватывать человека врасплох. Возмущения, исходящие из комплексов, должны быть четко отделены от раздражений, вызванных стрессорами внешней среды, даже притом, что они могут тесно переплетаться с ними. [12, с.43-45]

В 1934 году на 7-м конгрессе по психотерапии Бад-Нейхеме, в Германии Юнг представил «Обзор теории комплексов».

«Обзор» начинается с обсуждения работы со словесными ассоциациями, выполненной в ранний период деятельности Юнга. Уделив значительное внимание реакциям людей друг на друга при общении в клиническом сеттинге и других видах доверительных отношений, он сосредоточивается на психологических закономерностях экспериментальной ситуации как таковой. Он указывает, что ситуация тестирования сама по себе уже ведет к конstellляции комплексов. Люди воздействуют друг на друга, и, когда они вступают во взаимодействие, между ними устанавливается определенное психическое поле, которое пробуждает комплексы.

Термин «конstellляция» часто появляется в текстах Юнга и является достаточно важным в юнгианском словаре. Это слово зачастую понимается не совсем верно. Обычно это относится к воссозданию психологически заряженного момента, когда сознание или уже захвачено комплексом, или приближается к такому состоянию. «Этот термин просто выражает факт, что внешняя ситуация разблокирует психический процесс, в котором определенное содержание собрано воедино и готово к действию. Когда мы говорим, что человек находится в ситуации конstellляции комплекса, мы имеем в виду, что он занимает позицию, в которой он обречен реагировать совершенно определенным образом». Реакции, продиктованные комплексом, абсолютно предсказуемы, если вы знаете, каковы специфические комплексы человека. Мы можем описать нагруженные комплексом области психического как «кнопки». Можно сказать: «Она знает, какие кнопки у меня нужно нажимать!» Когда вы нажимаете определенную «кнопку», то получаете эмоциональную реакцию. Другими словами, вы создаете конstellляцию комплекса. Узнав человека ближе, вы уже знаете некоторые из его «кнопок» и избегаете этих чувствительных для него областей или меняете свой привычный стиль обращения с этими зонами.

Каждый человек знает, что такое конstellляция комплекса, на собственном опыте. Она происходит в широчайшем спектре эмоций, от легкого беспокойства до впадения в бешенство. Когда комплекс конstellлируется, человек находится под угрозой потери контроля над эмоциями и до некоторой степени упорядоченного поведения. Люди реагируют иррационально и часто потом жалеют о содеянном. Психологически мыслящий человек живет с депрессивным осознанием того, что он не единожды был в этом состоянии прежде и реагировал именно таким образом.

Более того, он не способен был воздержаться от повторения этого и на сей раз. При констелляции человек оказывается захвачен демонами, сила которых превышает его индивидуальную волю. Это создает чувство беспомощности. Даже когда человек видит, как он превращается в безвольную жертву внутреннего принуждения, говорит или делает что-либо, прекрасно понимая, что этого лучше не делать, все равно прокручивается знакомый порочный сценарий. Ситуацией, констеллирующей комплекс, вызываются к жизни мощные интрапсихические силы.

Архитектура этих констелляций «определяется комплексами, обладающими своей собственной специфической энергией». «Энергия» комплекса соотносится с потенциальным количеством чувств и действий, которые находятся в «магнитном поле» ядра комплекса. Комплексы обладают энергией, которую можно представить в виде вращения электронов вокруг атомного ядра. При стимуляции ситуацией или событием они порождают вспышку энергии и переходят на другой уровень, и так повторяется, пока они не проявятся в сознании. Их энергия проникает через оболочку эго-сознания и затопляет его, тем самым побуждая разрядить часть эмоциональной энергии. Когда это происходит, Эго не вполне может управлять сознанием, как, впрочем, и телом. Человек оказывается во власти этих разрядов энергии, происходящих вне контроля Эго. Единственное, что остается Эго в случае высокой интенсивности процесса, – это удержать часть энергии комплекса внутри себя и минимизировать эмоциональные и физические вспышки. Но в значительной степени ни один из нас не может быть полностью ответствен за то, что говорит и делает, будучи захваченным комплексом.

Теорию Юнга иногда называли «комплексной психологией» (вместо известного названия «аналитическая психология»); и комплексность, и понятие комплекса составляют основу его представления о психическом. Психическое полицентрично, его различные центры обладают собственной энергией, целями и даже некоторым сознанием.

При таком способе осмысления личностной организации эго-комплекс оказывается одним среди многих. Каждый комплекс при этом имеет собственный специфический квант энергии. Когда мы говорим об энергии Эго, мы понимаем под этим «свободную волю». Если мы хотим определить энергию, связанную с комплексом, мы говорим о силе наших внутренних демонов. Эти иррациональные

компульсивные силы могут захватывать нас и в большей или меньшей степени диктовать нам свои желания. Комплекс, как правило, действует внутри области сознания, но это не всегда так. Иногда возмущения происходят вне психического как такового. Юнг обратил внимание на то, что комплекс может воздействовать на объекты и других людей в окружающем мире, подобно полтергейсту или очень тонкому влиянию на других людей. [12, с.49-50]

Когда скоро комплекс обладает запасом энергии, заряженной историей, он постоянно проявляется через тело – то в виде стеснения в районе горла, то, как волнение в солнечном сплетении, то, как напряжение мышц, но помимо этого комплекс всегда заряжает мгновение определенной эмоцией. И проблема в том, что, находясь под заклятием комплекса, мы всегда воспринимаем эту эмоцию как единственно правильную в данный момент. И только потом мы, возможно, задумаемся: «Почему вчера мы так сильно поссорились?». Народная мудрость знала о комплексах задолго до того, как мы нашли для них имя. «Напиши письмо, но не отсылай его сразу, подожди несколько дней», – и, скорее всего, когда дойдет до дела, мы уже и передумаем. [16, с.68]

Юнг сделал еще одно интересное наблюдение относительно комплексов. Человек иногда может блокировать влияние внешнего стимула и пресекать констелляцию комплекса: «Личности с сильной волей могут посредством словесной активности экранировать значения слов-стимулов быстрой реакцией, так что они не достигают их вообще, исключая случаи, когда защищаются действительно важные личностные тайны». Это означает, что люди могут управлять своими бессознательными реакциями, намеренно экранируясь от внешних стимулов. Преодолевая это препятствие в ситуации тестирования, Юнг создал, по сути, прообраз детектора лжи. Это был побочный продукт словесного ассоциативного эксперимента.

Измеряя электрическую проводимость кожи с помощью психогальванометра, Юнг показал, что изменения в проводимости соотносимы с признаками комплексов. Другими словами, когда человек лжет или пытается скрыть очевидные, заряженные комплексом реакции, Это способно исключить некоторые внешние признаки, но гораздо труднее подавить более тонкие физиологические реакции. При ответе на слово или вопрос, провоцирующее комплекс, человек мог реагировать увлажнением

ладоней, дрожью в теле или сухостью во рту. Измеряя проводимость кожи, Юнг нашел усовершенствованный метод фиксации признаков комплекса.

Большинство людей через эго-функции способно до некоторой степени нейтрализовать эффекты комплексов. Эта способность отвечает интересам адаптации и даже выживания. Это родственно (или возможно идентично) способности к диссоциации. Если этого не происходит, эго-функция может быть нарушена как раз в момент опасности, когда «холодная голова» крайне необходима. В профессиональной деятельности в интересах дела необходимо отодвигать собственные комплексы в сторону. Психотерапевт должен быть способен держать в рамках собственные эмоции и личные конфликты во время работы с пациентами. В интересах пациента, чья жизнь течет не лучшим образом, врач должен оставаться спокойным даже в моменты полного хаоса в своей собственной жизни. Любая работа должна выполняться вне зависимости от того, что происходит в личной жизни. [12, с. 51]

Комплекс способен весьма коварно узурпировать Эго, завладеть сиюминутным состоянием сознания, заставить нас взглянуть на вещи через регрессивную линзу истории и таким образом вынуждает отвечать на новую ситуацию по-старому. Иногда комплексы выполняют функцию защиты. Нам приходится избегать определенного рода угроз, необходимо смотреть по сторонам, переходя улицу, и нам надо приспосабливаться к обстоятельствам, над которыми мы не властны. И комплексы помогают подойти к чему-то новому с уже имеющейся проверенной базой. Человеку, который никогда не переживал опыт доверия к другому, трудно устанавливать какие-либо отношения. Если в отношениях с другими человек сталкивался лишь с предательством и разочарованием, то вряд ли он будет ценить справедливость, равенство и веру в добро. Если человека наказывали за любовь к прекрасному, то, возможно, картина великого художника вызовет в нем отвращение, а Девятая симфония Бетховена не будет иметь на него никакого воздействия. Комплексы по своей сути не являются ни хорошими, ни плохими. Важно лишь то, как они отыгрываются в нашей жизни. И важно то, что они вынуждают нас делать, и то, что они нам делать не позволяют. До какой степени и в какие конкретно моменты мы позволяем истории управлять нами? И какая все-таки особенность комплекса заставляет нас тревожиться и волноваться? Этой

особенностью является его способность снимать уникальное сиюминутное суждение сознания и утверждать (даже навязывать) вместо него некий исторический взгляд, взятый из менее энергетически заряженного момента истории.

Человек, лежащий на кушетке и рассказывающей что-то о маме и папе, стал таким затасканным стереотипом. Но остановимся и задумаемся: что может быть первичнее той информации о себе и других и динамике взаимодействия между ними, чем наши первые переживания отношений, особенно если мы не склонны к сравнительному анализу? Для описания переживания комплекса Юнг использовал слово *Engriffenheit*, то есть состояние одержимости, охваченности. Другими словами, действие комплекса, благодатное или дурное, есть охваченность историей, одержимость прошлым. В такие моменты мы принимаем решения, которые становятся некими моделями, воспроизводящими эпизоды из нашей личной истории, будучи ни благотворными, ни дурными, они – все те же. Конечно же, с утра перед зеркалом мы не говорим себе: «Сегодня я буду заниматься теми же самыми вредоносными глупостями, которыми занимаюсь уже много лет». Но день пройдет, и все так и окажется.

Попробуйте сказать человеку, охваченному комплексом (выражение которого может варьироваться от гнева до тревоги и избегания), что он находится в его власти, – он не просто не согласится с вами, но и найдет разумное подтверждение своей позиции. Фактически мы можем сформулировать следующую псевдонаучную теорему: покуда существуют готовые рационализации, комплекс будет под защитой. Таким образом, мы чаще всего оказываемся пленниками истории, исполнителями призрачных императивов, текущих из прошлого, формируя и окрашивая наше настоящее и принимаемые в нем решения. Каждое мгновение – уникально и ново; его никогда не существовало до этого, но, рефлектируя, мы связываем все мгновения вместе. Иногда это дает нам необходимую непрерывность, но чаще мы регрессивно подчиняемся прошлому. Такова сила комплексов. [16, с.69-70]

Остановившись и сознательно поразмыслив над теми моделями и структурами, на которых строится наша жизнь (особенно это касается разрушительных и саморазрушительных моделей, от которых труднее всего освободиться), мы вдруг понимаем, что действительно являемся источником всех наших проблем. Где же выход из этого неприятного противоречия? Ответом явно

окажется головоломка, над которой все мы бьемся и будем биться в течение жизни. А заключается она в следующем: наше Эго стоит на службе у могущественных, запечатленных в нашей психике «императивов», одни из которых были порождены травмой, другие – постоянным воспроизводством, третьи – «истолкованием» мира вокруг нас. И неважно, верны эти толкования или нет, они в любом случае превращаются во фрактальные сценарии, которым хрупкое Эго следует (верит в них и сверх меры полагается на них). И чем бессознательнее это служение, тем самостоятельней и независимей становятся эти императивы.

Например, женщина, в свое время испытывавшая травматичный опыт покинутости, очень тяжело переживала поездки мужа в командировки. Когда он задерживался (к примеру, из-за плохой погоды), она представляла, что он погиб, а затем представляла, как она продает их дом и переезжает в другой штат, чтобы быть ближе к дочери. Когда же он возвращался, она ощущала отвращение к себе и тревожное облегчение. По существу, она была жертвой призрачного действия истории, порожденной чувством неизбежности покинутости. Подобные неадекватные реакции и фантазии насторожили ее и ее мужа настолько, что они решили вместе пройти курс психотерапии. Муж умолял ее воспринять его смерть (если однажды он умрет раньше нее) не как ситуацию, в которой он ее покидает, а как естественный ход жизни. Он не хотел, чтобы его смерть усиливала ее чудовищный комплекс покинутости. Аналогичным образом человек, выросший без отца и воспитанный сногшибательной матерью, будет навязчиво преследовать свою жену, контролировать ее телефонные звонки, так как будет постоянно ожидать предательства и того момента, когда она оставит его, как это сделали его родители. Такова власть истории, особенно ранней травмы, которая так скручивает наши брови, что нам уже никогда не отбросить эту хмурь.

Как много людей корили и уничтожали себя за то, что снова и снова становились жертвами одних и тех же разрушительных моделей поведения. Но мы должны научиться прощать самих себя, ведь эти призрачные наваждения есть у нас постольку, поскольку у нас есть история. А история жирно вписывает себя в нашу неврологию и психологию. В какой части вашей жизни вы застряли? И что означает застрять? Ведь все мы можем, не раздумывая, сказать, где мы застряли. Вопрос в том, почему не получается выбраться? Мы бичуем себя за то, что снова застряли, и

обещаем себе завтра (или в новом году) начать жить по-другому. Одна из причин нашего бессилия – блокировка нашей воли комплексом, который так же силен, как и наше намерение двигаться вперед. Порой решимости, намерения, силы воли и усилий бывает достаточно, чтобы прорвать блокаду и вырваться на свободу. Но иногда этого мало. Почему?

Глубинная психология учит тому, что все, что мы видим, компенсирует все то, чего мы не видим. И сознание не всегда понимает, что к чему, не всегда видит суть дела. Не удивительно, почему жизнь такая трудная и почему у бихевиоральной психологии столько работы.

Все те места, в которых мы застреваем, так или иначе связаны с двумя экзистенциальными угрозами нашему выживанию и благополучию – с покинутостью и одержимостью. Это угрозы-близнецы и неизменные доспехи наших стратегий и планов действий. Говоря метафорически, наша проблема (место, где мы застряли) связана с архаичной областью нашей психологической истории невидимым проводом. Где бы мы ни переживали опыт одержимости и охваченности, мы также и приобретаем стратегии избегания или борьбы за власть или смирения и податливости. Где бы мы ни переживали опыт покинутости в одной из ее многочисленных форм, мы интернализируем некий недочет как собственную характеристику и начинаем заниматься самовредительством или компенсаторным самоутверждением, зачастую за счет других, или ищем поддержки у других людей, у организаций, у вредных привычек и т. п. Другими словами, наши проблемы связаны не столько с недостатком нашей воли, сколько с могучей способностью призраков нашей истории дотягиваться до нас и «оберегать» от повторного переживания изначального сценария травмы. Рассуждая о навязчивом повторении (комплексе, заставляющем нас застревать в ранящих нас историях), Фрейд утверждал, что мы не просто запрограммированы на повторение, но на определенном уровне мы извращенно стремимся к нему, чтобы испытать ощущение контроля. Удивительным образом это воспроизведение выбранной нами боли оказывается предпочтительнее повторного переживания изначальной боли. Эти перверсивные модели, вступающие в противоречие с сознательной волей, заставляют нас признать могущество призраков нашей истории.

Иногда мы способны распознать его, так сказать, поймать с поличным. Например, мы можем чувствовать избыток энергии, неадекватность ее объема жизненной ситуации. Проблема в том, что, находясь в мощных объятиях комплекса и смотря через линзу определенной истории, мы воспринимаем неадекватный объем энергии как вполне адекватный. И только потом, сменив линзу, мы уже понимаем, что он был избыточным. Однако, размышляя таким образом о роли призраков историй в нашей жизни, мы способны в нужный момент осознать свою чрезмерную заряженность и немного ослабить хватку. И тогда можно избежать неверных решений и ненужного вреда.

Все мы знаем, что во время стресса или любого состояния, когда сознание теряет бдительность (например, под действием алкоголя или каких-либо препаратов), защитные и сдерживающие фильтры ослабевают и человек склонен действовать импульсивно, порой даже применяя насилие. Большинство случаев домашнего насилия происходит в состоянии стресса, под действием алкоголя или других веществ. Человеческое эго-сознание поддается воздействию комплексов удивительно быстро – этот факт отрезвляет. Каждый из нас может с легкостью принять коллективные ценности, пасть жертвой коллективного безумия.

Иногда мы можем заранее предсказать появление комплекса (например, перед экзаменом, походом к зубному врачу) и действовать соответственно с этим. Вполне естественно немного волноваться и опасаться, когда идешь на собеседование, потому что от этого во многом зависит твое будущее. Но насколько же затрудняется этот процесс, если к нормальному уровню стресса добавляются комплекс неполноценности или негативный родительский комплекс!

Периодически некоторые агентства по исследованию общественного мнения от нечего делать расспрашивают людей об их сильнейших страхах. Но ответы всегда одни и те же. Под номером один – не смерть, не терроризм, а выступление перед аудиторией. Почему? Перед каждым из нас так или иначе вставала экзистенциальная задача угодить «большому другому». Этими другими чаще всего оказываются родители или люди, от которых зависит наша жизнь и благосостояние, однако это архаичное имаго, комплекс всегда переносится на аморфного другого, воплощаемого людской массой.

Трагедия современной психотерапии заключается в том, что в большинстве случаев она, по сути, не является психологической, то есть не прослеживает поведения человека до самых его истоков, находящихся в его душе (таково основное значение слова психика). Корректировать поведение человека, не понимая лежащей в его основе психодинамики, — значит оставаться на поверхностном уровне. Человек может изменить свое поведение и свои убеждения, но тогда его душевная травма найдет другой, быть может, более искусный способ внешнего выражения. [14, с.33]

Психологическое направление, изначально известное как «школа объектных отношений», повлияло на многих психологов, включая юнгианцев. Это направление получило такое название благодаря признанию ключевой важности в формировании человеческой деятельности «первичных объектов», в первую очередь — отца и матери. Это не значит, что у нас нет «врожденной» личности и «врожденного» темперамента; они есть, и об этом знают те родители, которые наблюдали за своими детьми со времени их рождения. Но этот «врожденный» характер подвергается влиянию, изменению, иногда — искажению, так что человек становится созданием, порожденным вынужденной адаптацией. [14, с.43]

Психика все помнит, и то, что было забыто, всплывет в форме психопатологии. Психопатология в дословном переводе с греческого означает примерно «выражение страдания души». От чего душе страдать, если у нее не будет своей воли, своих желаний, своих планов, которые срываются судьбой, крушением надежд и ожиданий, результатами тех решений, что мы принимаем, будучи одержимы комплексами.

Сильнейшее наше наваждение — утрата связи с душой, с исконным модусом бытия, за которую приходится слишком дорого платить, примерно с возраста двух лет. Мы начинаем встраиваться в окружающий нас мир, превращаемся в хамелеонов, которые выкрашивают себя под цвет вечно меняющейся среды. Среди многих «жителей» нашей психической жизни есть некий предатель, который готов поступиться принципами ради приспособления, ради признания, похвалы и ослабления внешнего давления. Адаптация защищает, она зачастую необходима, но надо помнить, что она всегда урезает планы и устремления нашей души. [16, с.181]

Ни один человек не пойдет в кабинет терапевта, если работают его адаптивные стратегии поведения. Терапия начинается тогда, когда они терпят крах. Человеку становится ясно, что выбор, который он делает, совершается с целью самозащиты, а не из лучших его побуждений. Еще ему становится ясно, что он страдает от постоянно возобновляющегося переживания первичных травм — таких, как эмоциональное подавление или опустошение, — и отступает перед вторжением самости, которая выражает свое неудовольствие в депрессии, фобиях, зависимостях и т. п. Повернувшись лицом к себе, человек оказывается в положении, когда ему приходится выслушать свою самость. [14, с.47]

Возможности некоторых людей блокируются социальными, экономическими и коллективными практиками, законным путем лишаящими их прав, свобод, не дающим их душе расти. Помимо личных, существуют и социальные, и коллективные комплексы, которые точно так же узурпируют Эго и управляют нашим поведением. Даже сегодня нет такого религиозного, гражданского, образовательного или общественного института, который бы в той или иной мере не ограничивал права, возможности, устремления граждан. Расовые, половые, этические и культурные дискриминации успели всем нам навредить. Ограничения одного конкретного человека отражаются на каждом из нас, так как лишают наш мир диалектического величия, утверждая превосходство одного человека над другим. Все мы сталкивались с призраками общественных институтов прошлого, которые ставили одних людей над другими. Всякий, кто это отрицает, кто считает себя освобожденным от старых напластований, продолжает их дело, даже если не осознает этого и не имеет дурных намерений. [16, с.177]

Главная проблема – это огромный запас энергии, откуда комплексы черпают свои силы. То, что в нашей истории первичнее, архаичнее, то и будет вытягивать больше энергии. Затем стоит отметить ограниченное воображение подобных призрачных явлений. Область действия комплекса всегда ограничена первоначальным временем и местом. Он способен выдать лишь то, что уже записано на пленку, то есть наши защитные механизмы, конкретные ситуации и места, в которых мы можем поступить только так и не иначе. На наше счастье, все мы взрослеем, становимся эластичнее, открываем для себя новые альтернативы и обретаем способность действовать, исходя из настоящего момента. Но никогда

нельзя быть полностью уверенным в том, что комплекс с его программой регрессии не схватит нас вдруг за ногу и не потащит назад. Именно в этом и заключается работа нашей жизни – выходить все дальше за пределы того пространства, в котором комплексы с легкостью могут нас достать. Когда мы начинаем осознавать и узнавать всех этих призраков, мы должны сказать себе: подобная привязанность к прошлому неприемлема! И мы должны героически сражаться за свою независимость и суверенность. [16, с.75-81]

Необходимо помнить: главная проблема бессознательного в том, что оно бессознательно. Мы начинаем осознавать эти наваждения только после того, как пройдем через них снова и снова, когда начнем видеть модель, структуру, когда у нас появятся компенсаторные сны-откровения или когда мы в конце концов дорастем до того, чтобы принять и выдержать груз истории. Когда мы молоды, наше Эго оформлено не до конца, и этот груз нам не по силам. После долгих лет служения призракам Эго может скопить достаточное количество энергии, достаточное для того, чтобы осуществить необходимый самопересмотр.

На первый взгляд кажется, что это просто, однако на деле это не так. Эго придется пройти через страх, смирение и опасности. На словах мы всегда готовы взяться за это, однако обычно, когда страдание становится невыносимым, мы просто обращаемся к тому, что требует большей осознанности.

Без всех этих страданий невозможен призыв к сознанию, невозможно примирение с требованиями жизни. Все мы пытаемся увильнуть, пока что-нибудь не поймает нас и не призовет к ответственности. [16, с.96]

Практическая психиатрия бодро продолжает все «расстройства» диагностировать, описывать, выписывать препараты и сводить их к фобиям, маниям, дистимии и другим волшебным словам. Как будто процесс называния дает нам власть над явлением. И все эти фантазии свидетельствуют о том, что призрачные сущности имеют еще большую власть над нами. Чем уверенней мы в том, что постигли их, тем дальше от их подлинного понимания. [16, с.184]

Юнг говорит, что каждый психотерапевт должен задаться следующим вопросом: какой миссии этот человек пытается избежать с помощью своего невроза? Рано или поздно необходимый способ исцеления станет ясен. Нам не избежать «прохождения». Ведь пройти означает понять, что все то, что мы отрицали, не

осознавали, не воспринимали всерьез, ждет нас, требует проработки и пресуществления. [16, с.97]

Как часто мы позволяем давним ранам и разочарованиям определять нас, позволяем им бесконечно ранить нас снова и снова? Как часто мы упускаем жизнь из рук, слагая полномочия и передавая их роковым богиням судьбы? Как часто наше бессилие демонстрирует нашу незрелость, нежелание расти и взрослеть, наше согласие с ролью жертвы? [16, с.127]

Согласно Юнгу, психике присущ природный исцеляющий процесс, направленный на достижение равновесия и целостности. Кроме того, в психике существуют природные паттерны поведения, которые мы называем архетипами и которые вполне могут служить нам внутренними моделями, даже если внешние модели отсутствуют или нас не удовлетворяют.

Так, например, внутри женщины существует весь потенциал архетипа отца, и этот потенциал может быть реализован, если женщина захочет пойти на риск и вступить в контакт с бессознательным. Следовательно, даже при том, что родной отец или культурно-историческая фигура изначально может сформировать в нашем сознании образ женщины и образ возможной деятельности во внешнем мире, у нас внутри присутствуют позитивные и творческие аспекты архетипа отца, которые могут компенсировать многие негативные влияния разных событий, происходящих в реальной жизни.

У каждой из нас есть внутренний потенциал, чтобы установить лучшую связь с отцовским началом. В образах сновидений часто раскрываются ранее неизвестные черты образа отца, которые мы можем ощутить в своих переживаниях, чтобы достичь большей целостности и зрелости. [7, с.41]

Мы позабыли слова наших святых, мистиков и пророков: если ты умеешь ждать, то тьма вскоре осветится; если слушать тишину, она вскоре заговорит. [16, с.146]

Юнг однажды заметил, что раны не нужно лечить, их нужно перерастать. А если мы не пытаемся их перерасти, то и становимся предателями самих себя. Непроработанной истории ничего не остается, как мучить нас своими призраками. [16, с.139]

ПЕРСОНА – ПСИХИЧЕСКАЯ «КОЖА» ЭГО

Та функция, которая у нас является доминантной она определяет общий хабитус человека, его сознательные установки, его типаж и как его Эго выставляется вовне и это Юнг связывал с понятием Персоны или Маски. И Маска или Персона – это кем человек хочет казаться или кем он представляет себя для внешнего наблюдателя. Можно сказать: я глазами другого. И человек свою доминантную функцию всегда пытается в своей манере поведения демонстрировать. Она будет первая проявляться. Это не зависит от профессии и рода занятий. Эта функция будет лучше развита. Так вот Персона (Маска) – это сверхдифференциация нашей доминантной функции. Когда функция дифференцирована это хорошо, а когда она сверхдифференцирована, она становится, как говорил Юнг – покровом для нашего Эго. И это является нашей хорошей защитой, потому что Персона служит для того, чтобы мы себя защищали от внешнего мира. Потому что мы себя можем защищать тем оружием, которым мы владеем, психологически защищать. А защищаем той функцией, которая у нас сформировалась. И когда мы маленькие, в детстве слой Персоны у нас очень тонкий, его почти нет, по мере нашего взросления, онтогенеза слой Персоны расширяется, Персона становится больше, и хорошо развитая Персона это есть и плюсы, и минусы. Плюс, потому что она нас защищает, минус, потому что она может превратиться просто в раковину. Это защита может к нам прирасти, и тогда мы можем стать человеком футляром, то есть просто той профессией какая у нас есть. Профессия это просто роль, а вот на каком языке это выражено, здесь выступает доминантная функция. А в случае травмы, как правило, у нас происходит смещение доминантной функции. Например, у человека от рождения должна быть доминантная функция чувства, а родители и социум от ребенка требуют мышления. Да и все наше образование построено на доминировании мышления, что чувствует ребенок, нравится ему или не нравится какой-то предмет это не имеет значение. А если это травма, то происходит сдвиг от нашей доминантной функции, от той диспозиции, которая у нас была, и мы переходим к той функции, которая нас может лучше всего скрыть, или нас защитить. И тогда это действительно короста, которая нас покрывает, это панцирь, в случае любой травмы, он, конечно, хорошо защищает, но он не дает человеку дышать и жить. Человек, например, считает, что у него

доминантная функция мышление, что он разумен, рационален, а на самом деле это не его суть, а он человек ощущающий.

Но наши функции идут по спирали и каждые разные функции у нас связываются с разными архетипами, т.е. на четыре функции мы накладываем архетипы, и на каждую функцию теневую часть.

Персона эта маска, которую, как говорил Юнг, надевает актер, чтобы играть какую-то роль, но эту маску мы можем снять, если мы актеры. Но бывает такая неприятность, что маска прирастает, и мы забываем, кто мы есть на самом деле. И мы начинаем быть тем, кем мы себя мнили, как защищались. И это стадия такого тормоза жизненного. Например, женщина может на себя одеть маску хорошей матери, пока ребенок маленький, это правильно, но ребенок вырастает, у оставшись хорошей матерью хочет, чтобы у неё были беспомощные дети – проявляя синдром Мюнхгаузена. И тогда Персона начинает играть против и это все бессознательно происходит.

На формирование Персоны у нас влияет изначальная наша predisposition, влияет Я-идеал. Потому что мы какие-то фильмы смотрим и книжки читаем. На Персону влияет также в какой среде человек растет и как он эту среду видит. Это не чистая среда, а как приходит отражение на человека этой среды. Особенно это важно в детстве, что от ребенка ожидают родители. Юнг сравнивал Персону с защитным валом, который окружает остров от океана, чтобы океан не захлестнул остров Сознания. Но защитный вал может стать такой огромной стеной, что мы уже не сможем выйти к океану и теряем всякий контакт с внешним миром. И тогда Персона становится удушающей Маской, которая не позволяет нам развиваться, дышать, жить. И тогда мы становимся механическими людьми, у которых поведение абсолютно детерминировано и в полной мере подчинено той Персоне, которую на себе несешь. И тогда мы имеем Человека – Кафедру, Человека- Профессора, Человека-Отца, Человека – Руководителя предприятия, который точно знает, как себя вести. И самое главное все-таки, что задача стоит чтобы не в том, чтобы, мы как муравьи выполняли некую социальную функцию, а чтобы мы все-таки были индивидуальны, а за такой удушающей Персоной всякая индивидуальность погибает. [31, ч.2]

Отношения Эго с Персоной сложны, потому что у этих двух функциональных комплексов противоположные цели. Фундаментальное направление развития Эго ведет к сепарации и индивидуации, к достижению позиции, в первую очередь, за пределами бессознательного, а затем за пределами семейного окружения. В Эго присутствует сильное движение в направлении автономии, к Самости, которая может функционировать независимо. В то же время другая часть Эго, где находятся корни Персоны, движется в противоположном направлении, к взаимоотношениям и приспособлению к объективному миру. В Эго присутствуют две противоположные тенденции: потребность в сепарации и независимости и потребность в принадлежности и связи с другими. Радикальное стремление Эго к сепарации/индивидуации часто таится в тени, поскольку представляет угрозу как для групповой жизни, так и для спокойного существования самого человека. Объективно каждый из нас нуждается в других людях, чтобы выжить физически и психологически. Движение Эго в сторону отношений и адаптации к сегодняшнему окружению, которое необходимо, чтобы обеспечить выживание, дает возможность проявиться Персоне. И затем Персона становится самопрезентацией человека в мире.

Конфликт в Эго между индивидуацией/сепарацией и социальной конформностью создает почву для базисной тревожности Эго. Каким образом быть независимым, уникальным, индивидуальным и одновременно быть принимаемым и желанным для других людей, соответствовать их взглядам и потребностям? Таким образом, очевидно, что между развитием Эго и Персоны заключен источник фундаментального конфликта. На этапе взросления есть надежда, что и Эго, и Персона получили достаточное развитие, так что двойственные потребности Эго в независимости и принадлежности были удовлетворены, и в то же время Персона добилась необходимой адаптации, чтобы Эго могло жить в реальном мире. По всей видимости, гении, такие как Вагнер, Бетховен, Пикассо, были исключениями из правила, ведь их дар давал им право в высшей степени быть самими собой. Им прощалось очень многое, поскольку они компенсировали крайности своего поведения тем, что подарили миру великие произведения.

Эго выбирает Персону для идентификации непреднамеренно. Люди оказываются в окружении, где им необходимо выжить, и большинство из них старается выдвинуться. [12, с.126-127]

В развитии Персоны есть две потенциальные ловушки. Первая — это чрезмерная идентификация с ней. Человек становится слишком заинтересованным в том, чтобы нравиться людям и приспосабливаться к социуму, он считает, что этот сотворенный имидж и есть вся его личность. Другая ловушка заключается в том, что человек не уделяет достаточно внимания внешнему миру, интересуясь происходящим исключительно внутри (то, что Юнг описывает как одержимость Анимой/Анимусом). Такой человек занят своими желаниями, фантазиями, импульсами и бывает настолько захвачен внутренней реальностью и идентифицируется с ней, что не замечает других людей. Вследствие этого он часто бывает неделикатным, слепым и невнимательным к другим и изменяет свое отношение только в результате ударов судьбы.

Персона развивается как у интровертов, так и у экстравертов, оба типа должны как-то соотноситься с миром объектов. Однако этот процесс проще для экстравертов. Экстравертированное либидо переходит на объект и остается там. Экстраверты вступают в отношения с объектом без особой суеты и трудностей. У интровертов внимание и психическая энергия удаляются от объектов, но затем возвращаются к субъекту, создавая более сложное отношение к объектам. Объект — это не только то, что существует вне психики, но для интроверта он также существует в глубинах психики. Привязанность является еще более сложным процессом. Экстраверты проще находят подходящую Персону. Они непринужденнее обращаются с объективным миром, так как он не представляет угрозы их сокровенным чувствам. Персона интроверта более двойственная, застенчивая и сомневающаяся и изменяется в зависимости от окружения.

И все-таки для каждого Персона должна связывать его с объектами и защищать субъект. В этом ее двойная функция. Интроверт может хорошо общаться с несколькими людьми, в большой группе такие люди зажимаются, исчезают, и Персона часто чувствует себя неадекватно, особенно с незнакомыми и в ситуациях, когда человек не играет определенной роли. Вечеринки для него — просто пытка, но, играя роли на сцене, он может получать большое удовольствие. Многие

известные актеры и актрисы в большой степени интроверты. В частной жизни они могут быть застенчивы, но, выступая на публике, чувствуют себя защищенно и выглядят как большинство экстравертированных типов.

Персона, используемая творчески в контексте выраженного психологического развития, может как открыто выражать, так и скрывать аспекты личности. Адекватная Персона достаточно обширна, чтобы отражать не только социально приемлемые части своей личности, но и самые аутентичные черты. Человек может безо всякого ущерба идентифицироваться с Персоной, пока это является истинным выражением его личности. Конечно, она может меняться с возрастом, с новым этапом жизни появляется и новая Персона. Например, общительный экстраверт может стать более интровертированным после 50 или 60 лет. С годами приходит понимание разницы в ощущениях, когда, с одной стороны, Персона истинна, честна, а с другой, когда ты полностью бессознательно идентифицируешься с ней.

Персона является психической «кожей» Эго, и это не только продукт взаимоотношений с объектами, но и личные проекции на эти объекты. Мы приспосабливаемся к тому, как мы видим других людей, и к тому, чего они хотят. Это может сильно отличаться от того, как их видят другие и как они воспринимают себя сами. Закутанная в ткани Персона отражает проекции, которые берут начало в комплексах (например, в родительском) и которые возвращаются субъекту посредством интроекции и включаются в Персону. Поэтому раннее детство имеет такое глубокое влияние на взрослую Персону. [12, с.128-129]

Люди развиваются, проходя терапию и преодолевая жизненные трудности, можно видеть, как они перерастают старые конфликты, принимая новую Персону и интегрируя отторгнутые части своей личности.

Люди меняются в ходе терапии и жизни. Персона как инструмент адаптации предлагает большой потенциал для изменений. Она может становиться все более гибкой, давая возможность Эго изменять старые паттерны реагирования. [12, с.134]

ПСИХИЧЕСКИЙ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭГО – ТЕНЬ

Компонентом Личности, противоположной Персоне является Тень. Юнг определяет Тень, как альтер-Эго, т.е. не Я. Тень, как правило констатировано

противоположной функцией. Если у нас доминантная функция мышление, то Тень – это чувства. Если доминантная функция чувства, то Тень – это мышление. Предположим, человек чувствующий, который как-то эмоционально отзывается и по-разному реагирует на мир, время от времени, очень неожиданно могут выпрыгнуть догматические схемы. И, конечно, эта Тень мешает человеку жить. Как мы встречаемся с Тенью? С Тенью мы встречаемся в форме внешней проекции на какого-то конкретного человека. Как правило очень легко узнать свою собственную Тень. Задайте себе вопрос: кого вы больше всего ненавидите? Кто вас раздражает? – Вот – это Тень. Потому что – это не-Я, анти- Я.

Юнг считал, что у женщин доминантная функция чувства, поэтому нижняя функция мышления. Юнг говорил, что женщины, у которых снизу идет мышление, они произносят очень правильные вещи, но не могут повторить. Из коллективного бессознательного все идет – и добро и зло.

Юнг, приводит такой пример, он говорит: «Если Вы хотите узнать Тень немецкого народа, прочтите наши газеты о наших противниках. Потому что у нас разведчик, а у них шпион.» То, что считается хорошо по отношению к одной стране, считается совершенно невозможным по отношению к другой стороне. И где здесь правда? А с точки зрения Юнга, правды нет – назрела большая конфликтность в коллективном бессознательном и просто в какой форме это прорвалось – это коллективное напряжение. Юнг говорил: «Если нет хорошей коммуникации между Тенью и Эго, если Тень не промывается и не прочищается, нет такой дезинфекции, то вот эта энергия накапливается в Тени, она когда-то рванет». Юнг говорил: «Если бы мы были истинными христианами, и если бы мы на самом деле, как этого требуется были бы верующими до конца, то мы должны были бы понимать, что никто-то когда-то распял Христа, а мы распяли Христа и взяли на себя вот этот грех распятия». Если говорить про какую-то санацию Тени - то это исповедь, но не коллективная, а индивидуальная, когда человек действительно осознал. Юнг, говорил, что это очень прочищает Тень, хотя мало кто из людей по этому пути может пройти.

Тень у нас может проявляться в символической форме, например, это может быть в сновидениях. Тень, как любой архетип имеет личный кусок и коллективный т.е. Тень у нас может быть личная — это то, что человек вытеснил, что-то

неприятное, о чем не хочется ни думать не чувствовать, это может быть, как черта характера, эмоция. Но есть ещё и коллективная Тень. Коллективная Тень, конечно, включает в себя все наработанные и накопленные не санированные куски семьи, рода, страны и всего человечества. Чем глубже опускаемся, тем более вселенский масштаб принимает эта Тень и тем большим количеством либидо она наполнена. В юности слой Тени очень маленький у нас, потому что слой Персоны очень маленький и по мере того, как у нас разрастается слой Персоны у нас разрастается и Тень. Потому что Тень – это всё, что не Я. А Я – это то, что я предъявляю внешнему миру. Человек себя определяет как доброго, умного, светлого, хорошего, а все, что злой, глупый – это все в Тени и оно там накапливается. И чем больше мы себя отождествляем со своей Персоной, тем скорее антисвойства находятся в Тени. Тем больше мы себя отождествляем с умными, и настаивая на этом во чтобы то не стало, не будучи такими, тем скорее выйдет какая-то глупость. Чем смелее человек осознает себя, тем больше бессознательное прочищено, и понимает относительность своих качеств, которые он считает хорошими и положительными и понимает, что он не всегда такой. А чем ригиднее сознание, чем оно больше себя в какие-то стереотипы и рамки загоняет, тем более зловредное и пагубное является вот эта теневая функция, теневые содержания, которые могут вынырнуть.

Сознание никогда не поймет тот гул, который исходит от Тени, потому что сознание не на тех частотах работает. Например, сознание работает в функциях ощущениях, а к нему гул подземного толчка приближается на языке интуиции и, конечно, человек не поймет, что это, потому что этот язык он не знает. Поэтому всякий раз взрыв из бессознательного, проявляется как катастрофа и все зависит от размеров, которые могут либо покорёжить наше сознание, либо полностью может разлететься. Спрашивается тогда: зачем нужна нам Тень? Чтобы Эго как-то себя корректировало, получая щелчки полбу. И поэтому не надо их воспринимать, как месть Богов, а это способы некоторой корректировки компаса нашего сознания.

Задача культуры состоит в том, чтобы вот эти архетипические зловредные части наши, как-то гуманизировать. Мы никогда не можем избавиться от агрессии, она обязательна должна у нас быть, она необходимая часть нашей жизни, в прочем, как и злость и вражда — это нормально для того, чтобы Эго развивалось и в этом есть энергия. Но она должна принимать какие-то гуманизированные формы. Люди

бояться своей Тени, потому что Тень означает некоторую свою слабость. Важно очень осознать свою Тень, потому что если Тень не осознана, то она оказывает своё тлетворное действие.

Юнг говорил: «У каждого по пятам следует его Тень, однако, чем меньше она воплощена в сознательную жизнь индивида, чем чернее и гуще она». Если мы её не осознаем, то тем и хуже. Если бы вытесненные тенденции Тени были бы просто, чем-то злобным, то не было бы никаких проблем, однако «Тень, как правило есть нечто никчёмное, никудышное, ничтожное, примитивное, негодное и досадно-щекотливое, но никак не абсолютно злое».

Мы привыкли Тень демонизировать, что Тень — это абсолютнейший порок. Я добрая, а Тень — абсолютнейшее злое. Или я умная, а Тень абсолютно глупая, я ласковая, а Тень абсолютно грубая. А на самом деле Тень — это наша слабость, про которую даже стыдно говорить.

Часто Тень содержит ребяческие и примитивные свойства, которые чуть ли не подкрашивают и приукрашивают человеческое существование. Мы можем сказать, что Тень создает такую как бы ретушь человека. Юнг говорил, что человек без Тени не может существовать, или он весь покрыт Персоной, то он весь сделанный и неестественный.

Для того чтобы проходил путь индивидуации, нам очень важно конфронтировать со своей Тенью. т.е. столкнуться со своей Тенью. Поэтому конфронтация с Тенью означает критическое и беспощадное осознание своей собственной сущности. Тень, благодаря механизму проекции неизменно проявляется в виде переноса на объект. Поэтому всегда виноват кто-то другой. Именно в том случае, если бессознательно не признано, что темнота находится в нас самих. Аналитическая работа идет по опознаванию Тени. Иногда у нас бывает завроженность Тенью, т.е. когда мы какие бездны порока в нас находятся — это глубина, а само сознание у человека мизерное, тоненький слой. Гордиться особо не чем, а Тень раздутая, и тогда человек злодей по убеждению. И как раз зрелая позиция понимать, что в тебе хорошее и это ценить, и конечно понимать свои слабости. Кризис выражается в том, что ослабевает сознание и в этом межсезонье наших сознательных установок, выползает все, что из бессознательного тогда. Потому что

бессознательное это неассимилированно, и с этим непонятно что делать. И это может продолжаться бесконечно и человек не придет к своей целостности.

Человек, который борется или он находится в диалоге с Тенью, или осознает Тень — это как правило период очень больших мучений. Это очень трудный период для человека. Часто это называют меланхолией, депрессией. Тем не менее этот период надо пройти. И для того, чтобы описать этот период какого-то стояния и недвижения, Юнг приводит одну из алхимических метафор: когда начинается алхимическое деяние адепты и ученики долго молятся, а после этого начинается стадия, которая в алхимии называется стадия Нигредо – стадия черноты. Этот процесс очень долгий, продолжающийся 40 дней и человек не должен ни спать, ни есть, а только бдеть. У нас есть запаянная колба реторта, в которой находится вода и надо эту воду подогреть. Вода испаряется в конвекции и потом по стенкам опускается вниз, и этот процесс продолжается 40 дней. Это очень трудный процесс, потому что ничего не происходит. Есть два способа: либо впасть в уныние, и все оставить как есть, понимая, что ничего изменить нельзя. И рядом с учеником, должен быть мастер, который ему помогает, чтобы тот не бросил этот процесс, и ученик не падал духом. Это как раз то, что в нашей жизни делают наши друзья и близкие люди, когда у нас всё из рук валится и, когда ничего не происходит и результаты не такие скорые, как мы бы хотели. И именно в этот период так важна поддержка близких людей. И второй выход из этого процесса варения воды в закрытой колбе – это когда нам надоест это, и мы можем разжечь огонь очень сильно, и колба просто разлетится. Этот путь очень сложный – изменения происходят очень медленно. Но эти изменения накапливаются, они потом происходят. И одна из метафор этого процесса борьбы с Тенью — это Ион, когда он был поглощен китом и находился внутри кита. Сначала герой захвачен этой Тенью т.е. проглочен этой Тенью, это может и коллективная Тень. Этот путь очень долгий. Он начинает эту морскую бестию кромсать и резать пока она плывет на Восток. А Восток понятно это символ Самости. До этого бесполезно выходить, разрезав этого кита на море, понятно, что кто-то другой тогда съест, нужно ждать пока эта бестия выйдет на берег – на берег Сознания. И тут нужно терпение. Очень трудный процесс терпения. Мы готовы к героическим пароксизмам и рывкам, чтобы что-то сделать быстро, правильно. Так же и в терапии, нужно большое терпение и принятие, что поначалу ничего не происходит. Потому что есть

некий цикл процесса – он как идет, так и идет. Ему надо довериться. И главное понять во всем плохом, что произошло есть какие-то ресурсы, которые нужно отыскать. И если мы Тень ассимилировали, то эта энергия становится продуктивной и приходит к нам. Как говорил Юнг: «Так же невозможно представить, что мы можем избавиться от Тени, как освободиться от головной боли путем усекновения головы.» Отрезать Тень невозможно, потому что мы и отрезаем то количество энергии, которое с этой Тенью связано – Либи́до. Это Либи́до надо ассимилировать, чтобы это Либи́до вернулось к нам, то Либи́до, которое было инвестировано в Тень. И это можно только если мы протрауадем это. Юнг говорил, что это важно для каждого человека, потому что он тогда получает какие-то дополнительные силы, но это так же важно и для человечества. Многие люди должны понимать, когда мы проходим стадию Тени, мы понимаем, что виноват не кто-то другой, а виноват я. Это очень трудная часть, когда мы на себя начинаем брать какие-то грехи сначала свои собственные, потом перестаем обвинять родителей, что они нас не так воспитывали. Юнгианский анализ как правило проходят уже со взрослыми людьми. И в зрелом возрасте человек может осознавать, сколько было сделано ошибок по своей вине. Юнг говорит: «Сколько не горька бывает эта чаша, но её предстоит испить до конца, но после того, как мы научимся отделять себя от нашей Тени, признавая её реальность, в качестве частички нашей сущности, мы должны быть готовы к тому, что познание поможет нам уладить разбирательства с прочими парами противоположностей нашей психики. Только после этого наступит та объединённая установка по отношению к собственной личности, без которой нет продвижения на пути к целостности. "Если некто представляет собой человека, достаточно отважного для того, чтобы принять на себя все без исключения свои проекции, то получается индивид, который в значительной мере осознал свою Тень. Такой индивид, конечно же, нагружается новыми проблемами и конфликтами, он становится сам для себя весьма серьёзной задачей, потому что отныне он уже более не вправе говорить, что другие делают то или иное, что другие допускают ошибки и что с другими следует бороться. Он живет в "доме раздумий о себе", в доме внутреннего сосредоточения. Такой человек знает, что-то, что случится в мире - происходит равно и в нем самом; и только тогда, когда он научится совладать со своей собственной Тенью, он сделает для мира нечто существенное. Ведь ему удалось, по крайней мере хоть на толику, ответить на

неразрешимые и колоссальные вопросы нашего времени". Известно, что когда-то кто-то в семье проходит терапию, семья меняется и люди меняются и те проблемы, которые были, казалось бы, у членов семьи, они исчезают. Поскольку у нас коллективное бессознательное очень тесно, а семья и род близкое, то, что происходит в одной части вот этой родовой конфигурации, оно изменяет и коллективное бессознательное и напряжение сил, и всю динамику других членов семьи. Поэтому, наверное, есть люди, которые, выступают как чистильщики семьи, они выполняют и какую-то очень важную функцию для семьи. [31, ч.2]

Целью является целостность, а не совершенство. Каждый имеет комплекс Тени; имеет просто как архетипическую данность душе. Тень никогда не может быть устранена или полностью ассимилирована эго, скорее, существует этический императив допущения ее и принятие творческой ответственности за нее. Юнг совершенно определенно чувствовал, что путь к психологическому здоровью и значимости лежит через Тень. Демоны, разбойники и отвратительные сиблинги, которые преследуют нас во сне, могут быть нашими вторичными сущностями, ищущими места за "общим столом". [5, с.117]

Принятие Тени является *sine qua non* (лат. - необходимое условие) индивидуации. Оно формирует ту безопасную единственную основу, на которой возможна аналитическая работа, поскольку Тень служит основанием реальности и противовесом иллюзии и инфляции. Это особенно верно в случае юнгианского анализа, так как природа образов, с которыми требуется встретиться пациенту, является мощной и принуждающей. Действительно, Юнг рассматривал инфляцию - т. е. неосознаваемую "идентификацию" с образами сновидений и других бессознательных продуктов индивида - как неизбежное следствие исходного опасения Эго перед реальностью Самости. [5, с.147]

Хотя Юнг и относит работу с Тенью к первому этапу в процессе индивидуации, ясно, что познание Тени должно присутствовать постоянно на протяжении всей жизни человека. Не только потому, что делать это - означает помогать установлению стабильности и даже психического здоровья. Если работа продолжается, вытесненные или отрицаемые элементы Тени стремятся все больше и больше проявляться при свете дня - ибо это вдохновляется укрепляющейся сознательной установкой на принятие и искренность. Кроме того, психика

нуждается в целостности: ведь бессознательное постоянно стремится быть принятым и ассимилированным сознательной жизнью. Аксиома "Истина желает стать явной" нигде не приложима столь ярко, как в жизни психики. Именно на основе здоровых взаимоотношений между эго и Тенью можно погружаться в любые "глубины" психики без опасений. [5, с.148]

Примирение противоположностей, как главная забота Юнга, было частой темой его работ, поскольку, как мы поняли, человек изначально стремится идентифицироваться с одним психическим качеством и спроецировать его противоположность на других людей - и это служит основным источником вражды, присущей обществам и нациям. Очень немногие индивидуумы, согласно Юнгу, принимают ответственность за собственные теневые стороны или хотя бы догадываются о тех трагедиях и потерях, которые могут возникнуть в результате проекции Тени. Ведь, по Юнгу, именно в индивидуальной душе может происходить такой рост сознания, и, следовательно, только в этом - надежда на исправление большинства человечества. [5, с.152]

ПСИХИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ - АРХЕТИПЫ

Структура, с помощью которой мы описываем коллективное бессознательное является понятие архетипа.

Дерзкая идея Юнга о психологических архетипах является одним из наиболее значительных его вкладов в современную мысль. Она широко применяется не только в психологии, но и оказала большое влияние на многих ученых, работающих в таких дисциплинах, как антропология, история культуры, мифология, теология, сравнительное религиоведение и литературное толкование. Это объясняется тем, что Юнг доказал присутствие архетипов в их символической форме не только в снах отдельных людей, но также и в мифологии, истории культуры, религиозных символах и обрядах, и во всех продуктах человеческого воображения, каковыми являются литература и искусство. [2, с.39]

Юнг ссылается на Аристотеля, который выделил четыре вида причинности, и все виды причинности лежат как бы некоторые способы объяснения. Причинно-действующая отвечает на вопрос почему это? Почему это произошло. Как Юнг

говорит, что теория Фрейда построена на этом виде причинности. Почему нечто происходит? Потому, что у нас неразрешенный Эдипов комплекс или другой комплекс. У нас есть нечто, что является причиной для того, чтобы объяснить, как это будет развиваться в будущем. И вот этот вид причинности в основном лежит в основе естественных наук. Второй вид причинности – это причина материальная. Из чего это сделано. Это вид причинности и в основном это наша биология и, конечно, ограничения биологические несомненно важны. Третий вид причинности, который называется причинно-теологическая или целевая. Этот вид причинности отвечает на вопрос для чего? На этом виде причинности в основном построена теория Адлера. Многие психосоматические кусочки, которые нам известны сейчас, мы можем тоже рассматривать с теологической точки зрения. И последний вид причинности, на котором, собственно, и настаивал Юнг, и которая со времен средневековья не использовался в науке, потому что непонятно как ей пользоваться – это причина формальная, которая отвечает на вопрос в какой форме все это происходит?

И когда мы говорим, как это происходит мы берем чистую структуру, эту структуру мы не наполняем никаким материалом. Потом у нас и в философии появился структурный подход. Юнг полагал, что архетип, как раз и есть структура нашей психики, которая заполняется конкретным содержанием. И он сравнивал архетип с идеей Платона. Он был неоплатонист. Только идею Платона следует понимать исключительно как прообраз высшего совершенства в прямом смысле. И вот эта идея, наполненная чем-то, спускается на землю. Концепция Юнга состоит в следующем: он полагает, что архетип имманентно присутствует в нашей психике всегда. Он воплощается в том конкретном материале, в котором этот архетип может воплотиться. Архетип получает свое какое-то видимое, слышимое, осязаемое существование. Так он существует, как некоторая потенциальность, которая приобретает свою реальность, когда она наполняется каким-то материалом. И тут Юнг использует термин Аристотеля энтелехии, как некая потенциальная энергия, как таковой предзаданности, потенциальной готовности, чтобы что-то состоялось, но это не обязательно должно состояться и случиться, это как готовность. Архетипы у нас существуют вечно существующими, их можно сравнить с тем, что современная психология называет гештальтом. Гештальт есть некоторый способ, каким мы видим

вещи в той конфигурации, в которой они соединяются в единый объект. Их форму можно сравнить системой осей у кристалла, которая определенным образом преформирует процесс кристаллообразования, но сама не обладает материальным существованием. Если мы возьмем стереохимию, в зависимости от насыщенного раствора в нем заложены потенциально та структурная решётка того кристалла, который будет. И это процесс кристаллообразования не начнется пока в него не бросишь ниточку, должен быть центр кристаллизации. И растет он определенной конфигурации. Изначально в этой матрице бессознательно заложены потенциальные формочки, в которые потом будет заливаться содержание нашей психики. И тогда мы имеем разные архетипы. У нас есть потенциальность какая-то, эта потенциальность кристаллизуется в зависимости от той материи, от внутреннего факта, который этот процесс кристаллизации запустил. И осевая система определяет каким образом пойдет вот это строение, наращивание стереометрической структуры. Но любой архетип, который Юнг называет архетипом в себе, непосредственно выражается в конкретном материале. Поэтому он предлагает, разделять как вещь в себе как некоторую потенциальность, которая имеет множество проявлений и конкретное проявление. И поэтому он разделяет архетип в себе и архетипический образ. Архетип в себе это есть некоторая примерная структура, чтобы это могло быть, а архетипический образ – это конкретное наполнение. Если вернуться к архетипу Тени и рассматривать ее, как архетип в себе, т.е. не «я», что-то чуждое, незнакомое человеку, и несвойственно или враждебно ему, и все это может быть в разной степени напряженности. А вот какой из вариантов архетипа в себе выберет конкретная психика, когда она столкнется с конкретным фактом, конкретным эпизодом, или конкретным человеком, каким материалом залется вот эта вот болванка — это непонятно. И также как осевая система образует только в принципе, а не конкретную форму, индивидуального кристалла точно так же архетип обладает невыявленным ядром значения, которые только в принципе, а не конкретно определяет способ его проявления. Таким образом мы можем сказать, что архетипы у нас существуют, как некоторые потенциальные готовности в нашей психике отвечать определенным образом, в определенной манере на вызовы или столкновения с внешней средой. Но архетипы также есть наша потенциальная готовность из внешней среды вытягивать те стимулы, которые их наполняют, т.е.

человек не пассивная глиняная дощечка, на которой внешняя среда что-то написала, но человек активен, если есть архетипические образы, есть повышенная тропность к архетипическим образам. Архетипы – это те силовые линии, которые задают тот рисунок, что в нашей психике есть такие прототипичные прорезы, но в отношении всего возможного опыта, с которым мы встречаемся и по этим прорезам или по этим шаблонам на это налипает уже конкретный опыт, которым мы сталкиваемся. Этот опыт может касаться конкретных людей, типов взаимоотношений, способов реагирования, способ выхода из конфликта, способа захождения в конфликт. Море нашей жизнедеятельности оно пропитано, или пронизано, предопределено формообразующими структурами, который называется архетип в себе. И Юнг полагает, что опыт человечества, что эти архетипы накапливаются у нас с давних времен и дальше у Юнга идет такая конструкция, что они каким-то образом оседают на дно. Осадок у нас накапливается в виде культурных пластов, и эти культурные пласты архетипов различаются от самых архаичных архетипов до очень дифференцированных. Это означает, что один и тот же архетип, например архетип Тени, он может принимать очень архаичную форму, а может принимать такую строго дифференцированную форму, уже применимо строго к конкретному человеку. Как это выглядит: если в строго дифференцированной форме, например, архетип Тени у человека представлен в виде спасающей фигуры, что человек себя бессознательно считает спасателем, и постоянно, даже если его не просит лезет всех спасать, это его индивидуальный кусок. То на архетипическом дифференцированном уровне, он включает всех спасающих животных людей, все мифологемы спасения, которые могут быть. И возникает вопрос: какая из мифологем подхвачена человеком? И как раз вопрос состоит не в том, чтобы указать, кто человек – Спасатель, Жертва, Герой, а задача стоит понять – почему из всего многообразия этих шаблонов реагирования психика человека выбрала именно этот. А психика выбрала именно этот, потому что мое сознание имеет ориентацию в это. Есть как бы спектр ориентации сознания данного человека. И спектр ориентации сознания этого человека, как бы предполагает потенциальный спектр какого-то архетипа. Сознание и бессознательное находится в компенсаторном отношении, то, что там, то не там, а то, что там, то не там – они друг друга дополняют. Архетипы у нас накапливаются и проявляются на разном уровне дифференцированности Юнг ссылается на закон, что

онтогенез повторяет филогенез. И он говорит, что тоже самое можно сказать в отношении архетипов. [31, ч.2]

Поскольку эти типы встроены в базовый коллективный субстрат человеческой души, они не нуждаются ни в культурной, ни во временной, ни в пространственной преемственности. Они спонтанно, в любое время и в любом месте, поднимаются из бессознательного и возникают в снах, видениях, воображении любого индивидуума. И поскольку они являются универсальными, принадлежащими всему человечеству, образами, их символизм вызывает одинаковые чувства, поднимает одинаковые вопросы и порождает одинаковое поведение, где бы они не возникли и не вторглись в жизнь индивидуума или целой цивилизации. [2, с.40]

И поэтому можем выделить много-много пластов архетипов. Самый нижний пласт Юнг называет психоидное – это есть некие общие закономерности – жизнь вообще, включая минералы. Как организовано вообще все. Потом идет пласт прачеловечество, это самые архаичные способы реагирования у всех людей, у всех народов. Юнг это вводит в концепцию, как некий слой бессознательного, но этот же факт является для него и подтверждением существования бессознательного. Вот мы имеем такую вот изначальное неправильное построение его теории. Какой у Юнга был аргумент, что архетипы существуют: на самых разных континентах, в самых разных религиях, в самых разных странах, которые никак не были соединены, мы встречаем одни и те же мифологемы. Мифологема о герое, который побеждает дракона, о зле, о добре, о принце, который завоевывает принцессу, какой бы она не была национальности. У нас есть архетипы о матери, которая рождает ребенка и ребенка у нее отнимают и бросают, и он каким-то превратностям подвержен и потом ребенок спасается сам и становится спасителем. Архетип брошенного ребенка, который спасает весь мир он проходит через все культуры. Следующий пласт после общечеловеческого идет пласт, который связан с континентами. Мы можем выделить, изучая сказки, мифы. Есть мифы Северной Америки, мифы Южной Америки, есть группы народов, которые объединены какой-то общей культурой. В частности, Юнг говорил, что Европа, что это сторона, которая объединена общей культурой, и она очень сильно противостоит в этом смысле Америке. Когда у него было известное путешествие в Америку, он очень удивился, что в Америке все окна открыты, а в Европе все окна закрыты. И он полагала, что это какой-то общий

принцип. Про тоже самое написал Курт Левин, посетив Америку, о тоже увидел даже, как он назвал немецкий тип и американский тип. Немецкий тип – это границы барьера, внутри которого находится суверенность конкретного человека, он вынесен к наружи. Очень тонкий слой, про что человек может рассказать про себя в свободной аудитории, все остальное находится внутри барьера этого человека, и это его личное куда он никого не пускает. Как писал Курт Левин: «Там, где сходится два немца, там рождается три политических партии». Потому что даже политические установки они входят в зону интимности человека, и он не всем будет рассказывать каких он политических убеждений. Либо он будет спорить, либо соглашаться, но вот так вот заодно, и как писал Курт Левин невозможно себе представить в Германии, муж и жена принадлежали к разным политическим партиям. А он приехал в Америку, а там можно, хотя там всего было две политических партии. А в Германии было их очень много - сколько политических установок, течений, кто-то с кем-то борется, потому что все это входит в зону интимности. И Юнг говорил, что американская культура и европейская культура они просто построены на разных архетипах. Потому что символом Самости Америки является индеец. И даже антропологи подтверждают, и у Юнга это написано, что третье поколение мигрантов Америки по форме черепа начинают походить на индейцев. Форма черепа как бы трансформируется. Юнг говорил – это духи Земли. Духи Земли и Самости меняют форму черепа. И в констелляции Сознания установок проходит вот это. А в Европе – другие традиции, другие культы, другие мировоззрения. Европа, конечно, тоже разная. Юнг говорил, что даже неверующие люди все равно пронизаны духом христианства, потому что вся культура, живопись об этом наглядно говорит. А о каких-то перуанских и южноафриканских Богов, знает тот, кто лишь специально это изучает.

И если мы поднимаемся к поверхности Сознания, следующим после континентального, является бессознательное больших таких общностей, или групп стран. Если говорить про сегодняшнюю Европу, мы можем сказать северные и южные страны. И никто шведа не перепутает с итальянцем, и не важно какой у него будет цвет волос. Определяем по типу реагирования, по типу эмоциональности. И они объединяются в общем гештальте.

И для нас очень важно – это уровень коллективного бессознательного, который относится уже к роду. Потому что известно, что у нас есть трансгенерационная травма, которая идет из поколения в поколение. Когда в Лондоне открыли первое публичное метро, в этом же году в России отменили крепостное право и тогда же Британский музей был открыт для свободного посещения. Насколько либеральность находится в нашем коллективном бессознательном и насколько мы коллективному бессознательному послушны. По коллективной групповой травме проведено много нейропсихологических исследований с жертвами Холокоста. Показано, что травматика имеют другие картинки. А если брать исследования по плеядам известно, что второе поколение жертв Холокоста нефертильное. Это показано не только по жертвам Холокоста, например, у нас были сталинские лагеря. Это называется травма выжившего. Травма выжившего – они стыдятся жить, потому что есть те, кто умер, не смогли этого иметь. Такие люди себя самоограничивают во всем. Они не смеют быть счастливыми на бессознательном уровне, потому что его предки не получили это. Потомство могли иметь те, кто выжили после лагеря или тюрьмы. Первое поколение они очень эйфоричные, а потом накатывает депрессия, поколение депрессии. Это поколение догоняет травма бабушек и дедушек. Самые несчастные люди, у которых бабушки и дедушки были травматиками. Потому что у них это все бурлило зрело и вот оно вышло. И вышло в виде социальных катаклизмов. К несчастью, у нас каждое поколение захвачено каким-то куском травмы. У нас накоплено много коллективной беды, которая как-то должна прорываться и прорабатываться, но ни в коем случае не заглушаться. Потому что если мы закрываем, это как скороварка: давление будет повышаться-повышаться и в любой момент может взорваться, если не открыть вовремя.

Следующий уровень – это семья. У нас есть семейные архетипы, они самые проникающие и даже если мы не хотим нас догоняет. И семейные доминирующие архетипы нам с ними как-то приходится справляться и в тоже самое время мы носители этих архетипов. И как бы мы не хотели походить на свою маму или папу, но мы похожи на своих маму и папу. Или, наоборот, мы хотим походить на своих родителей разными сторонами. Если человек не хочет походить на каких-то своих предков, то он в отрицании. Например, если они карьеру делали, то человек ее не делает. Если предки, например, рисовали акварелью, то в противовес им, при

отрицании, человек начнет, грубо масляной краской рисовать на заборах. Но в любом случае рисовать. Там это была живопись высокая и для музеев, а здесь какая-нибудь похабщина. Мы находимся в какой-то тесной бессознательной связке и эту связку очень сложно разорвать. Мы не понимаем до конца, где мы на них походим, снимая их верхнюю часть, часть их Персоны нашу общую приверженность или интерес к чему-то. А глубинную часть мы ее все равно не видим. Мы не видим свою, а тем более часть глубинную своих родителей.

И наконец, мы подбираемся к личному бессознательному, которая аккумулирует, собирает в себя все эти пласты. И разбираясь со своим личным бессознательным мы разбираемся со всем, в том числе и со всеми пластами этого коллективного опыта, который неведомо нас, где догнал, где-то в помощь, а где-то и нет. И для того, чтобы еще раз доказать, что архетипы повсеместны и всенепременны, Юнг ссылается на закон сохранения энергии и говорит, что закон сохранения энергии, который был открыт на корабле «Бигель» в кругосветном путешествии Майером. Можно посмотреть на Гераклита и на всех гностиков, и этот закон был у всех них. Идея, что энергия превращается, все мистические религии основаны на этом, что-то трансформируется и превращается. Есть идея абсолютно во всех религиях, что есть круговорот энергии, но в научной формулировке, только Майер сумел нам это в научной формулировке эту теорию преподнести. Хотя это теория в бессознательном была давно известна. Любая герметическая философия предполагает, что у нас происходит цикл энергий, или иначе откуда все берется и куда все девается. Все как-то трансформируется, сохраняется, передается и опять как-то сохраняется. [31, ч.2]

Когда Эго сталкивается с архетипическим образом, оно может стать одержимым им, пережить потрясение и даже отказаться от сопротивления, поскольку это столкновение переживается как очень богатый и значимый опыт. Идентификация с архетипическими образами и энергиями включается в данное Юнгом определение инфляции и даже психоза. Например, харизматический лидер убеждает людей и побуждает их к действию, и внезапно его идеи становятся самым важным в жизни зачарованных последователей и истинно верующих людей. Даже жизнь может быть принесена в жертву за такие образы, которые символизируют флаг или крест, за такие идеи, как национализм, патриотизм и верность религии или

стране. Крестовые походы и другие иррациональные и непрактичные деяния предпринимались потому, что участники чувствовали: «Это придает смысл моей жизни! Это самое важное, что я когда-либо сделал». Образы и идеи оказывают мощное мотивирующее воздействие на Эго, продуцируя ценности и смыслы. Знание зачастую одолевают и подчиняют себе инстинкты.

В отличие от воздействия инстинктов на психику, когда человек чувствует себя ведомым физической потребностью или необходимостью, влияние архетипов ведет к захваченности великими идеями и видениями. И то, и другое притягивает Эго — Эго вовлекается, захватывается и подчиняется. [12, с.109-110]

Юнг представлял архетипы, распределяющимися по "спектру сознания" подобно тому, как распределяются цвета в световом спектре, от красного, с одной стороны через желтый, зеленый и синий, к фиолетовому цвету, с другой стороны. Красному и фиолетовому концам светового спектра соответствуют инстинктивный и духовный полюсы архетипов. Эти аспекты архетипа являются бессознательными и функционируют мощно и автономно. Они являются "психоидными" областями архетипа, которые функционируют как центры психической энергии, совпадающие с сознанием. Они проявляются в состояниях слияния, подобно проективной идентификации или мистическому вдохновению, или в психосоматических условиях, таких, как тождественность между матерью и ребенком. Когда этот магический уровень архетипа активизируется, появляется интенсивное энергетическое поле, ощущаемое в теле, которое Юнг называл "нуминозностью". Этот магический уровень архетипа может "заражать" окружающих, и результатом могут быть такие отличающиеся явления как психология толпы и вера в излечение. [5, с.104]

Юнг рассматривал все субъективные траектории опыта, все типологии, все комплексы, чтобы прийти к объективному универсальному уровню души, содержащей в себе архетипы. Подобно многогранным кристаллам, архетипы описывают содержание и поведение объективной души. Как психосоматические "структуры", они являются нашей врожденной способностью понимать, организовывать и создавать опыт. Архетипы — это и биологически обусловленные паттерны поведения, и символические изображения этих паттернов. Как трансперсональные структуры, они являются трансцендентальными "сущностями"

или квинтэссенцией творческой силы и значимости, доступными нам в символах. [5, с.102]

Архетипические образцы ожидают своей реализации в личности, они бесконечно вариативны и зависят от индивидуального выражения. Они завораживают, усиливаемые традиционными или культурными ожиданиями, и, таким образом, несут сильный, потенциально неодолимый заряд энергии, которому трудно сопротивляться (способность сопротивления зависит от уровня развития и состояния сознания)." Архетипы вызывают аффект, заслоняют от человека реальность и овладевают его волей. Жить архетипически означает жить без ограничений (инфляция).

Однако придать чему-либо архетипическое выражение возможно при сознательном взаимодействии с коллективным, историческим образом таким путем, чтобы дать возможность действовать подлинным полярным силам: прошлому и настоящему, личному и коллективному, типическому и уникальному.

Вся психическая образная система имеет определенную архетипическую примесь. Именно поэтому сны и многие другие психические явления обладают свойством нуминозности. Архетипическое поведение особенно очевидно в кризисные моменты, когда это наиболее уязвимо. Архетипические качества обнаруживаются в символах, и это частично объясняет их очарование, полезность и повторяемость. Боги — это метафоры архетипического поведения, а мифы — архетипические узаконивания. В человеческих проявлениях Архетипы не могут быть полностью ни интегрированы, ни изжиты. Анализ требует растущего осознания архетипических начал в жизни человека. [13, с.30]

Личности из наших снов соответствуют великим силам человеческой природы, если мы сравним архетипы с древнегреческой концепцией богов. Греки представляли богов как силы, взаимодействующие с жизнью индивидуального человека. Эти силы присутствовали в жизни каждого человека, и, в то же самое время, были всемирны, вечны и существовали вне пределов конкретной жизни или конкретного времени. Этих "богов" можно было вполне назвать "энергетическими полями", воздействующими на человеческую расу. И, в то же время, их образы представляют собой интегрированные личности, которые подобны "персонажам" из

наших снов, облаченным в ауру великой силы и соответствующим какому-нибудь великому типу человека.

По этой причине Юнг и сказал, что герои и боги греческого пантеона были, на самом деле, символами, которые можно с абсолютной уверенностью приравнять к архетипам. Эти образы выражали универсальные, первичные типы, из которых состоит человеческая личность.

Строго говоря, архетипы являются не силами, а, скорее, предсущими образами, которые придают типичную форму силам, находящимся внутри нас. Тем не менее, когда мы сталкиваемся с образами архетипов, мы всегда чувствуем силу, которая была трансформирована в этот образ. Мы чувствуем, что мы получили доступ не только к символическому типу, но также к огромному резервуару сверхчеловеческой силы, находящейся в коллективном бессознательном человечества. Мы можем чувствовать архетип как заряд энергии. Возникает такое ощущение, будто он находится вне нас, словно он является чем-то, с чем должен взаимодействовать осознающий разум. Когда мы видим архетипы за работой как силы, которые движут нами и влияют на нас, мы начинаем понимать, почему греки и другие древние народы воспринимали их как сверхъестественные силы.

Поскольку сформированные архетипами энергетические системы надличностны, универсальны, соответствуют вневременной и изначальной реальностям, в наших снах мы воспринимаем архетипы как богов. Мы воспринимаем их как Великие Силы. Они то помогают, то угрожают нам, то укрепляют, то подавляют нас, то освобождают, то закабаляют нас, что зависит от того, на каком этапе эволюции мы находимся и что с нами происходит. Мы ощущаем их как великие, сверхъестественные, вечные энергии, которые мы не в состоянии контролировать несмотря на то, что они являются частью нашей жизни и природы.

Как и в большинстве других психологических концепций, в идее архетипов есть много такого, что связано с обычной повседневной жизнью. В нашей повседневной жизни мы ощущаем работу архетипов, хотя и не отдаем себе отчета, что это именно их работа.

Например, если мы знаем женщину, которая боролась, когда у нее не было никаких шансов на победу и проявила при этом сверхчеловеческую храбрость, мы говорим: "Она - героиня. Она вела себя героически". Даже не думая об этом, мы

признаем, что в этой женщине живет архетип героини, составляющий часть ее характера, и что она живет в соответствии с этим универсальным типом, который мы инстинктивно знаем.

О другом нашем знакомом мы можем сказать, что он ведет себя, как "скряга". Мы имеем в виду, что архетип циничного жадины - еще один тип или схема личности, существование которых мы все признаем - проявляется в мироощущении и поведении этого человека.

Архетип героя или героини живет в каждом из нас. Точно так же, как и архетип жадины. Именно поэтому мы моментально узнаем их в других людях. У некоторых людей определенный архетип выражен особенно ярко, что называется "все на лице написано". У других людей архетипы являются потенциальными возможностями, пребывающими в бессознательном. Например, героический архетип может подняться на поверхность данной конкретной личности только тогда, когда того требует какая-нибудь критическая ситуация или когда данную личность вдохновляет любовь или преданность.

Никто из нас не является чем-то одним. Мы - не односторонние создания; мы -замысловатые комбинации бесконечного количества архетипов. Каждый из нас отчасти герой и отчасти трус, отчасти взрослый и отчасти ребенок, отчасти святой и отчасти преступник. Научившись определять эти живущие в нас великие архетипические символы, научившись чтить их, как естественные человеческие черты, научившись конструктивно использовать энергию каждого из них, мы превратим внутреннюю работу в великую одиссею духа. [2, с.47-48]

АРХЕТИП ТРИКСТЕРА

Когда впервые Юнг столкнулся с образом Трикстера, то невольно вспомнил традицию карнавала с полной отменой иерархического порядка и средневековым обрядом, в котором в качестве «подражателя Бога» появляется дьявол. В Трикстере Юнг обнаружил поразительное сходство с алхимическими фигурами Меркурия, с его любовью к озорным шуткам и злым проказам, способностью изменять форму, двойственной природой (полуживотное-полубожество), стремлением беспрестанно

выставлять напоказ лишения и мучения наряду с приближением к фигуре Спасителя. [13, с.157]

Юнг использует алхимическую символику: если металл, то это ртуть, говоря о двойственной природе Трикстера - вроде, как металл, но текучий, жидкий. Оказываясь всецело отрицательным героем, Трикстер все же — несмотря на свою глупость или благодаря ей — достигает того, что другим не удастся достичь никаким сконцентрированным усилием.

Юнг установил, что Трикстер — не только мифологическая фигура, но и часть внутреннего психического опыта.

Уходя от метафор, которые ссылаются на смежные науки, перейдем к психическим функциям, то можно сказать, что архетип Трикстера, тот архетип с помощью которого осуществляется связь между сознанием и бессознательным. Когда бы и где бы он ни появлялся, несмотря на свою неприглядную внешность, Трикстер несет возможность преобразования бессмысленного в осмысленное. Следовательно, он символизирует склонность к энантиодромии; и, хотя это неуклюжее, бессознательное создание, каковым он может оказаться и каковым он предстает перед нами, его действия неизбежно отражают компенсаторные отношения к сознанию. [13, с.157]

Сознание имеет такую направленную и ригидную установку. И вот эта односторонность и однонаправленность директивности нашего сознания противостоит вот такой вот хаос, расплывчатое множество всех потенциальностей, которые содержатся в бессознательном. Сознание в своей упертости будет встречать некие препятствия на своем пути, к той цели, которую поставил себе человек. Архетип Трикстера проявляется в виде каких-то неудач, поломок, недоразумений. Человек может перепутать день, перепутать час, этому много примеров и в личной жизни, и в художественной литературе. В связи с архетипом Трикстера, Юнг вводит такое понятие, как трансцендентная функция. Это функция, с помощью которой мы строим переход из осознаваемой части нашего опыта, раскрывая какие-то дополнительные опции нашей жизни. И эта трансцендентная функция, как плавучий мост, на котором выискивается равновесие между этими двумя состояниями. И это принятое решение оно как-то соотносится с нашими бессознательными намерениями, преддеспозициями, наклонностями и это

постоянно уравнивается благодаря им. Архетип Трикстера выступает как некая компенсация устойчивых и несгибаемых, и упертых и устаревших сознательных целей. Жесткую конструкцию он как бы разжижает, развинчивает винтики. Поскольку Трикстер организует этот переход, то и в культуре архетип Трикстера тоже представлен в виде фигуры Шута. Трикстер также связан с архетипом Тени и архетипом Ребенка. Поскольку эта фигура, прыгающая из сознания в бессознательное, то не понятно какой кусок она захватит. Как архетип Тени она представляет из себя такой конденсат чего-то плохого. Архетип Тени и Трикстера можно связать, а связывается это через «козла отпущения». «Козел отпущения» изначально — это Древний Рим. В мартовские декады находили козла, которого выгоняли за пределы, и как будто все грехи вместе с ним куда-то уходили, на него они сливались. Это был такой жертвенный козел, или жертвенное животное. Желательно, чтобы животное было черного цвета. И «козел отпущения» часто существует в коллективах. И мы можем вспомнить наши школьные годы или студенческие. Часто в сплоченном коллективе, закрытом, который работает уже как секта, в котором очень строгая иерархия и строгие четкие цели. Он может и хорошо работает, но он ригидный и в нем не хватает свободы. И часто в таких коллективах появляется ребенок - шут – такой дурак. Он дурачится во время уроков, во время перемены. Ему может каждый дать тумака, и он вроде и не обижается. Более того, кажется, что эти дети, этим даже наслаждаются. В каком-то смысле они находятся в центре внимания всего класса. Он может учиться не очень хорошо, и может даже себя скверно вести, и на родительском собрании о нем постоянно упоминают все учителя. И часто бывает так, что этот ученик, перейдя в другую школу, где уже есть свой «шут», он выпадет из роли дурака. В системе должно быть место такого дурака, к нему могут относиться либо как к прокаженному, тогда он неприкасаемый – это очень густая Тень, нерукопожатный человек. А есть такие дураки, которые даже очень милые, такие дурни, которые даже какое-то веселье и оживление вносят в коллектив или в семью. В семье тоже часто встречается «козел отпущения». Это может быть ребенок – родители свои проблемы не решили, назначили ребенка, симптом на него сбросили, и ребенок теперь несет этот симптом по жизненно. Это может соматически выражаться, например, появляется постоянный кашель. И в семье даже из-за этого не разводятся, потому что у ребенка астма. И ребенок

приносит себя в жертву, боля астмой, чтобы родители были вместе. И внутренне с этим все согласны. И вот этот «козел отпущения» связан с другим архетипом Жертвоприношения, или архетип Жертвы, они перетекают одни из другого. К Жертве или к Жертвоприношению, как и, собственно, к Трикстеру у Юнга было очень серьезное отношение. И в самом общем виде – «что нельзя ничто не приобрести, ничто за это, не заплатив и не потеряв». Мы не можем иметь все что было и плюс еще к нам прибавилось. Вот чем-то надо поступиться, что-то отдать. И перед нами всегда стоит выбор. И если упорно не уступать, то обязательно сыграет архетип Трикстера. Когда мы встречаемся с архетипом Трикстера, мы какую-то часть теряем, какие-то планы разрушаются, какие-то дела реализуются не так как мы хотели, отношения к нам меняются. Юнг приводит слова Сенеки: «Тот, кто слушает Богов, Боги ведут, а кто не слушает, того волокут!» [31, ч.2]

АРХЕТИП ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Раньше к архетипу Жертвоприношения относились чрезвычайно серьезно. Лучше всего архетип Жертвоприношения, как некое действие описано в Элевсинских мистериях, а это были очень тайные мистерии, и люди, которые их проходили не имели право о них рассказывать. Эти мистерии были только женские. Как пишет Юнг — это была самоочищающая процедура для женщин, для души имеется ввиду. В Элевсинские мистерии допускался только один мальчик из родовитой семьи, и допускались только на отдалении мужчины, которые не пролили крови. Известно, что Геракл, должен был выполнить какое-то послушание, прежде чем он очистился и был допущен к Элевсинским мистериям несмотря на то, что он герой. Элевсинские мистерии связаны с архетипом Матери и Жертвоприношением. Смысл этих мистерий - как женщина связана с девушкой и со старухой, как разные поколения женщин связаны. Начинаются Элевсинские мистерии с того, что Персефона, дочь Деметры, вместе с подругами безмятежно гуляет по лугу и собирает цветы, как вдруг земля разверзается и на золотой колеснице, запряжённой конями, появляется бог подземного царства Аид (почитался в Риме как Плутон). По наущению и с согласия Зевса он хватает Деву и увозит её в своё царство. Испуганная Персефона отчаянно

зовёт на помощь своего отца – Зевса, но её крик слышат только Гелиос – бог солнца и Геката – богиня ночного мрака. [31, ч.2]

Девять дней Деметра тщетно ищет свою дочь, заглядывая в каждую пещеру и под каждый камень. Гимн содержит множество важных подробностей, характеризующих состояние скорбящей Деметры. Скитаясь по всему миру, Деметра всё это время не прикасалась к пище богов – амброзии, она постилась, шла вперёд, движимая гневом и болью утраты, распустив волосы и неся перед собой факел. Впоследствии все эти детали оказали огромное влияние на формирование внешней, ритуальной стороны Элевсинских мистерий.

Деметра в отчаянии вопрошает Гекату и Гелиоса, не видели ли они случайно её дочь. Бог солнца сообщает ей, что Зевс решил выдать Персефону замуж за своего брата Аида. Деметра разгневана и обессилена. Она отказывается возвращаться на Олимп.

Под видом старушки Деметра приходит в Элевсин – город в 20 километрах от Афин – и садится у Колодца Дев. Её замечают дочери царя Келея и подходят к ней. Богиня представляется им как Доя, сбежавшая от торговцев рабами, похитивших её и отвёзших на Крит.

Деметру приглашают во дворец воспитывать маленького сына царицы Метаниры – Демофонта. Богиня соглашается. Когда же царица предлагает ей вина, Деметра отказывается, прося вместо вина дать ей кикеон (греч. *κικεών* – «смесь») – смесь из ячменя, воды и мяты.

Отказ Деметры от вина имеет важное ритуальное значение. Вино – это атрибут не только бога веселья – Диониса, но и Аида – бога царства мёртвых, владыки земных глубин, дающих человеку пропитание и богатство. По словам древнегреческого философа Гераклита, «тождественен Аид с Дионисом». И тождество это заключается в том числе в бесстыдстве дел обоих.

Отведав вина, Деметра приобщилась бы таким образом к дарам похитителя её дочери, чего она никак не могла допустить. Именно поэтому богиня изобрела другой напиток – напиток ритуальный, который впоследствии стал важной составляющей Элевсинских мистерий и употреблялся перед началом тайных священнодействий.

Деметра принялась присматривать за царским сыном Демофонтом, правда, воспитание, которое она давала мальчику, было весьма специфическим, и его сложно

назвать «нормальным»: она натирала Демофонта амброзией, ночью же втайне от родителей «мальчика в пламя, словно как факел, она погружала», желая сделать его бессмертным и вечно молодым. Так, на удивление всем Демофонт стремительно рос, «богам становился подобен». Но однажды ночью царица Метанира увидела своего сына в огне и, ужаснувшись, произнесла опрометчивые слова: «Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит, мне же безмерные слёзы и горькую скорбь доставляет!»

Деметра весьма разгневалась из-за неразумия царицы и в сердцах воскликнула: «Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки, вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждёт вас!» Демофонт так и не стал бессмертным.

Сказав это, богиня являет себя в своём божественном величии: и рост свой и вид изменила, сбросила старость, и вся красотой обвеялась вечной.

Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,

Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,

И по плечам золотые рассыпались волосы.

Деметра приказывает элевсинцам построить ей большой храм с алтарём, где она учредит таинства и будет учить своим обрядам людей.

Когда святилище было выстроено, Деметра удалилась в него, продолжая скорбеть о дочери. Пока Деметра оплакивает пропавшую дочь, на земле водворяется настоящий хаос: ничто не всходило и не росло, наступила засуха и повсеместный голод, из-за чего люди перестали приносить богам жертвы, и боги весьма обеспокоились. Зевс посылает гонцов, умолявших её вернуться на Олимп. Деметра отвечала, что ногі её не будет в жилище богов и что она не даст растениям произрастать до тех пор, пока снова не увидит свою дочь. Зевс, послав Гермеса в царство Аида, попросил брата вернуть Персефону, и Аид, прельщённый хитрой речью Гермеса, согласился. Однако он заставил Персефону проглотить зёрнышко граната, чтобы она не забыла царство мёртвых и ежегодно возвращалась к своему мужу на четыре месяца.

Венгерский филолог-классик Карл Кереньи указывает на существовавший в Древней Греции обычай оставлять на могиле гранатовый плод. Считалось, что душа умершего человека по зёрнышку отщипывает от плода и так питается.

Таким образом, гранат, по представлению эллинов, был ритуальной пищей мёртвых. Принимая во внимание этот факт, несложно догадаться, почему плод именно этого растения Аид заставил вкусить свою жену Персефону.

Встретившись с дочерью, Деметра присоединяется к богам, и земля вновь возвращает зелень. Но перед тем, как вернуться на Олимп, богиня раскрыла людям свои обряды и вверила свои мистерии. [6, с.416]

Во время Элевсинских мистерий приносилось жертвоприношение. В Элевсиниях была пещере, где Персефона сидела полностью завернутая, спиной, лица ее никто не может видеть, потому что это лицо смерти. 9 дней все участники этой мистерии постились, постились они серьезно - совсем не принимая пищу. И вот потом они и пили напиток киксоне. И после этого они выстилали круг цветами и выводили жертвенное животное. Это жертвенное животное мыли в океане, потом украшали цветами, его кормили. Чаще всего это был поросенок, и в сновидениях поросенок считается символом Деметры. Потом поросенку порезали шею. И были гадания – по тому, как вытекает кровь, по строению легких, печени. И разные части этого животного давали жрецам, посвященным, которые будут только посвящены. И после того, как была принесена эта великая жертва – это означает, что вот этот переход из одного в другое, вот эта трансценденция могла совершиться. Вот из этой наивной девочки, которая ничего не знает, был переход вот к этой мудрой Персефоне – царице подземного царства, которая знает все. И мы можем сказать, что это два куса женской души или Анима у мужчин. Тут мы друг друга дополняем. И вот такая абсолютная наивность или Пуэр женского рода, не ведает, что есть какие-то опасности, и не подозревает о них. Но пройдя через депрессию, ей открывается вся мудрость и вся глубина, со всеми страданиями, и она не отрекается от всех этих страданий. И жертвоприношения напоминают нам об этих страданиях. В ритуале есть красивые символизмы: когда они берут меч, который спрятан в корзине, и накрыт он цветами и фруктами, меч, которым нужно перерезать горло жертвенному животному и предполагается, что эта такая женская инициация. Во всех религиях есть либо жертвенное животное, либо герой, либо Боги, которые приносят жертву ради кого-то. Вот этот архетип Жертвы – это есть способ, каким я смогу соединить свое сознание с каким-то коллективным бессознательным, если мы говорим про

мистерии – это коллективное бессознательное. Любопытно кого мы выбираем на роль жертвы в каждой эпохе, или кто «козел отпущения». [31, ч.2]

ПАРНЫЕ ФАКТОРЫ ДУШИ – АНИМА И АНИМУС

Выдающимся было исследование феминного архетипа в мифологии и соответствующее ему значение в психологическом развитии обоих полов. Юнг осознал, что "маскулинные" аспекты души, такие как самоуправление, самостоятельность и агрессивность, не являются превосходящими по отношению к "феминным" элементам, таким как забота о потомстве, зависимость от взаимоотношений и эмпатия. Скорее, эти две части формируют целое, и обе эти части принадлежат каждому индивидууму. Юнг назвал "феминный" архетип мужчины - анима, а "маскулиновый" архетип женщины - анимус. Юнг представлял их себе похожими на души - образы с их собственной психической реальностью, на "отличающуюся сущность", которая, как таковая, нуждается в том, чтобы соединиться, и, следовательно, соединяет Эго с объективной душой. [13, с.106]

Об аниме и анимусе можно говорить, не затрагивая гендерных вопросов вообще. Гендер можно воспринимать как вторичную характеристику аниму/анимуса точно так же, как сущность предметов не определяется тем, синие они или розовые.

Существует абстрактный, структурный способ понимания анимы/ анимуса. Поскольку об этой характеристике души можно говорить как об абстрактной структуре. Оно указывает на психическую структуру, общую для мужчин и для женщин. Говоря абстрактно, анима/анимус является психической структурой, которая: а) дополнительна к Персоне и б) связывает Эго с самыми глубокими слоями души, а именно — с образом и переживанием Самости.

Анима/анимус —функциональный комплекс, сосредоточенный на адаптации к внутреннему миру. «Естественная функция анимуса (а также анимы) — это сохранять свою позицию между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным; точно так же, как Персона — своего рода прослойка между эго-сознанием и объектами внешнего мира. Анимус и анима должны функционировать, как мост или дверь, ведущая к образам коллективного бессознательного, как Персона

должна быть чем-то вроде моста, связывающего с миром». Другими словами, анима/анимус позволяет Эго входить внутрь и переживать глубины души. [12, с.138]

Подходя к определению анимы/анимуса, Юнг противопоставляет их Персоне: «Персона исключительно озабочена отношением к объектам», в то время как анима/анимус сконцентрирован(а) на отношении Эго к субъекту. «Говоря о “субъекте”, имеется в виду в первую очередь те неопределенные, сумеречные побуждения, чувства, мысли и ощущения, которые охватывают нас, проистекая не от какой-либо очевидной непрерывности сознательного переживания объекта, а поднимаются в нас, подобно беспокоящему, сдерживающему или порой полезному влиянию из темных внутренних глубин». «Субъект» здесь — прежде всего мир бессознательного, не Эго. Это субъективная сторона души, ее основа, ее внутреннее пространство. Она вмещает «внутренние объекты», так сказать, которые Юнг иногда называет «имаго», или просто «образами», или «содержимым». Поскольку термин «субъект», по крайней мере, в этом специфическом контексте относится к бессознательному, вполне логично следует, что «подобно тому, как существует отношение к внешнему объекту, внешнее отношение (то есть Персона), точно так же существует и отношение к внутреннему объекту, внутреннее отношение».

Юнг признает: «Совершенно очевидно, что это внутреннее отношение — по причине его чрезвычайно интимной и недоступной природы — гораздо сложнее различить, чем внешнее отношение, которое сразу же воспринимается каждым». Достаточно просто наблюдать отношение людей к другим, но, чтобы увидеть, как люди относятся к себе, нам потребуется большая проницательность. Каково их отношение к внутреннему миру? Является ли оно принимающим и теплым (какой может быть Персона), или жестким и придирчивым? Многие щедрые люди — внутри свои худшие враги, свои собственные злейшие судьи и жесточайшие критики, но это скрыто за очаровательной и дружелюбной Персоной. Или человек может быть чрезвычайно критичен по отношению к другим, но относиться к собственной внутренней жизни с сентиментальным потаканием. Нужно хорошо знать человека, чтобы понять, его истинное отношение к себе. Принимают ли они себя всерьез? Относятся ли они к себе, как к детям? То, что они в действительности чувствуют к своему собственному глубокому внутреннему Я, характеризует отношение их анимы или анимуса. [12, с.139-140]

Например, о мужчине, который часто поддается плохому настроению, можно сказать, что у него проблема с анимой. «Он сегодня под влиянием анимы», — так кто-нибудь мог бы сказать другу. Его анима вместо того, чтобы помогать справляться с эмоциями, излучает настроение, которое просачивается, подобно газу, в сознание Эго и несет в себе, так сказать, множество сырых и недифференцированных аффектов. Это, по меньшей мере, оказывает влияние на функционирование Эго. Эго мужчины начинает идентифицироваться с анима-личностью, которая обычно чрезвычайно чувствительна и окутана эмоциональностью. Его анима мало развита, поэтому она не помогает ему справляться с охватившим его настроением, а еще глубже втягивает в это настроение. Человек, подверженный частым и интенсивным переменам настроения, находится в слишком тесных отношениях с этой — обычно подчиненной — частью его личности. Конечно, если это, скажем, поэт Рильке, у которого, очевидно, была значительная проблема, связанная с анимой, он может использовать эту связь творчески. Но он, может быть, просто эмоционален сверх меры и слишком сильно реагировать на мелкие и незначительные раздражители и травмы, а поэтому его психологическое функционирование может нарушаться. Его взаимоотношения, как правило, чреваты конфликтами, так как его эмоциональные реакции слишком сильны, чтобы он мог с ними справиться. Анима скорее ошеломляет его, чем помогает.

Подобным образом женщина, имеющая «проблему, связанную с Анимусом», также переполнена бессознательным, обычно эмоционально заряженными мыслями и мнениями, которые контролируют ее больше, чем она контролирует их. Эта ситуация не особенно отличается от ситуации мужчины, одержимого анимой, только в случае с женщиной, как правило, более акцентирован интеллектуальный аспект. Эти автономные мысли и мнения приводят к нарушению адаптации к миру, потому что они проявляются с вызывающей эмоциональной энергией. Часто они опасны для ее отношений, потому что людям, окружающим такую женщину, приходится строить вокруг себя защитные стены, когда они рядом с ней. Они чувствуют себя в ее присутствии дискомфортно, и у них возникает желание защищаться. Как бы сильно она ни старалась быть восприимчивой и теплой, ей это не удастся, потому что ее Эго подвержено вторжениям разрушительной энергии, которые превращают ее в кого угодно, но только не в доброго и нежного человека, каким она хотела бы быть.

Наоборот, она резка и охвачена бессознательной борьбой за власть и контроль. Это то, что Юнг называл одержимостью анимусом. Анимус — это сильная личность, которая не гармонирует с Эго или с желаемой Персоной. Это «иное».

Мужчины, охваченные анимой, имеют тенденцию уходить в чувство обиды; женщины, охваченные анимусом, стремятся нападать. Каким бы ни было содержание такой «одержимости», внутренний мир бессознательного контролируется недостаточно и эмоциональная, иррациональная вынужденность беспокоит и искажает нормальные отношения с другими людьми и с миром в целом. Одержимость анимой/анимусом широко распахивает ворота бессознательного и выпускает практически все то, что обладает достаточной энергией, чтобы проникнуть в них. Человека охватывают настроения и прихоти. Контроль импульсов минимален. Мысли и аффекты не удерживаются. Это, безусловно, и проблема Эго — симптом неразвитого Эго, которое не может удерживать и справляться с теми содержаниями, которые обычно проникают в сознание, но должны быть осмыслены и переварены перед тем, как воплотиться в вербальное или физическое действие. Однако в этом есть и проблема слишком слабо развитой структуры анимы/анимуса. Такое недостаточное развитие подобно неразвитому мускулу. Он слишком дряблый и неспособен выполнять свою работу. В таких случаях мужчины обычно ищут женщину, которая помогала бы им управлять своими эмоциями, а женщины обычно ищут мужчину, который может воспринимать их вдохновенные мысли и что-нибудь с ними делать. Таким образом, другие люди включаются в игру отношений Эго и анимы/анимуса. [12, с.141-143]

Обращаясь к взглядам на аниму и анимус, которые непосредственно включают гендерный аспект, нужно, прежде всего, обратить внимание на то, что все эти термины взяты из латыни. Как и большинство образованных европейцев своего времени, Юнг хорошо владел классическими языками, и ему казалось вполне естественным и удобным использовать их для называния психических фигур и структур. Анима на латыни означает «душа», а анимус — «дух». (На немецком языке это Seele и Geist.) С одной точки зрения, между этими двумя латинскими терминами фактически не существует значительной разницы. [12, с.144]

Постулируя архетипы, анима - анимус. Юнг расширял картину возможностей развития для обоих полов. Хотя в некоторых своих ранних предположениях о

половом развитии и поведении Юнг явно находился под влиянием мышления, основанного на доминировании "мужского типа", одним из наиболее ошеломляющих достижений более позднего периода его творчества было то, что он поместил женщин и феминные аспекты души на равных с мужчинами и маскулинностью. Это, в сущности, бросало вызов всей структуре психоаналитической теории и теории развития, которая была основана на идеале самостоятельного индивидуума - героя, отделяющегося от матери любой ценой (и это являлось моделью психологического здоровья). Такие качества, как зависимость и эмпатия были обесценены и патологизированы. Женщина была по сути второго сорта. Юнг начал пересматривать феминный архетип, что привело в результате к пересмотру наших идей о ментальном здоровье и встраиванию в них "феминных" качеств как естественных. [5, с.106-107]

Юнг говорит, что мужчины маскулинны внешне и феминны внутри, а женщины — наоборот. Эго и Персона у женщин чувствительны и настроены на общение, но они прочны и способны проникнуть на обратную сторону их личности; мужчины же жестки и агрессивны внешне, а внутри — чувствительны и общительны. Если снять маски Персон со взрослых мужчин и женщин, восприятие полов изменится. Женщины окажутся более твердыми и в большей степени контролирующими ход событий, чем мужчины, а мужчины более заботливыми и чувствительными, чем женщины. [12, с.146]

Юнг рассматривал эти жизненно важные фигуры, анимус и аниму, как проводников в бессознательном мире. Поэтому согласие с ними является решающим моментом. Анима может выглядеть заколдованной, обманчивой и неудовлетворенной. Однако она ведет мужчину к жизни в самом подлинном смысле - к эмоциональной и страстной жизни, к духовному самооткрытию. И, в конечном итоге, к переживанию Самости, которое и есть "смысл", помимо всей кажущейся "бессмыслицы" ее нередко проявляющейся в капризах природы. Но здесь, как и всюду в работе индивидуации, ключ содержится в установлении сознательных отношений с внутриспсихической жизнью - не просто быть в ее власти, но понимать и признавать ее такой, как она есть, и отдавать ей должное. И снова мы должны руководствоваться требованием уважения к тем силам, которые работают в нас. Юнг любил говорить, что "мы не хозяева в собственном доме": сознательное эго не

ответственно за жизнь человека. И пока оно считает себя хозяином, оно, на самом деле, находится во власти непризнанного им бессознательного, обладающего архетипической мощью. [5, с.150]

Если образ Тени внушает опасение и страх, анима/анимус обычно возбуждает чувства и стимулирует потребность в единении. Это порождает влечение. Там, где присутствует анима/анимус, мы хотим двигаться, мы хотим быть частью происходящего, мы хотим соединиться с ним, если мы не слишком робки и не боимся приключений. Харизматический заряд, который электризует аудиторию, когда великий оратор накладывает свое заклятие, призывает аниму/анимус и вызывает их констелляцию. Аудитория хочет верить, и эти люди откликнутся на активный призыв к действию. Вслед за эмоциональным зарядом анимы/анимуса возникает определенное восприятие действительности и убежденность. Таким образом, анима/анимус способствует трансформации.

Однако для целей психологического развития и расширения сознания важна функция Эго — вовлечь аниму/анимус в диалектический процесс и не последовать за призывом к действию немедленно. Данный процесс диалога и конфронтации Юнг назвал *Auseinandersetzung*. Это немецкое слово, которое буквально значит «разобрать что-нибудь на кусочки» и описывает процесс, в котором два человека активно ведут диалог или переговоры, при этом ни один из них не избегает конфликта. Так как они оба противостоят друг другу и физически или вербально выражают свое сопротивление, то различия между ними, которые поначалу были весьма общими и едва обозначенными, становятся более дифференцированными. Проводятся границы, отмечаются различия и в конечном счете достигается ясность. То, что началось как эмоциональная конфронтация, превращается в сознательные взаимоотношения между двумя разными личностями. Возможно, в результате этого они достигнут соглашения, составят и подпишут контракт.

То же касается взаимоотношений между Эго и анимой/анимусом. Это работа, нацеленная на рост сознания, на осознание проекций, на проверку наших наиболее романтических и тщательно оберегаемых иллюзий. Провести *Auseinandersetzung* с анимой/анимусом — это расчленить иллюзорный мир бессознательной фантазии. Также это означает позволить себе наиболее полно пережить высоты и глубины вселенной собственного разума, бессознательные установки, которые заставляют

нас жаждать еще, когда мы уже переели, страстно желать, хотя нас уже давным-давно удовлетворили, бесконечно повторять эмоционально поглощающие паттерны действий, оставаясь в тисках неумолимой последовательности стимулов и реакций. Темницы и драконы, мифы и сказки, романтические преувеличения и саркастические обвинения — все это та часть мира, которую создает в глубине наших душ анима/анимус. В большинстве случаев мы не способны поступиться всем этим, старательно цепляясь за наши самые драгоценные самообманы и иллюзии. «То, что мы можем узнать о них [аниме и анимусе] с сознательной стороны, настолько мизерно, что почти незаметно. Только когда мы освещаем темные глубины души и исследуем странные и извилистые тропы человеческой судьбы, нам постепенно становится более ясно, насколько велико влияние, оказываемое этими двумя факторами, которые дополняют нашу сознательную жизнь». [12, с.155-156]

Только когда сбрасывается маска Персоны и анима/анимус открывает доступ к более глубоким слоям бессознательного, например в середине жизни, когда Эго разрывается в конфликте между Персоной и анимой/анимусом, потребность во внутреннем развитии становится насущной и воспринимается серьезно. Несмотря на то, что это может быть похоже на вспышку невроза, на самом деле это может быть и призывом к дальнейшей индивидуации, и вызовом, приглашением к более глубокому путешествию внутрь себя на пути индивидуального развития [12, с.144]

Чтобы вполне воспользоваться всеми преимуществами переживания анимы/анимуса, человек должен достичь чрезвычайно высокого уровня осознания. Способность дифференцировать проекцию и носителя проекции, фантазию и действительность — редкий талант. Поэтому воплощение того, что Юнг описывает как единство четырех в этом соединении и осознание трансцендентных свойств в этом опыте, доступно тем немногим, обладающим своеобразной утонченной психологической проницательностью, присущей мастерам Кундалини и им подобным. Для остальных анима/анимус — это Майя, создательница иллюзий, мистификатор, трикстер, неизменно ускользающий мираж вечного возлюбленного. [12, с.158]

Юнг чувствовал, что тот, кто сможет пройти через огонь эмоций и страсти, переживет трансформацию. Опыт архетипа, коллективного бессознательного и его силы может привести к новому состоянию сознания, в котором реальность души

становится настолько же убедительной для Эго, как реальность материального мира убедительна для органов чувств. Анима/анимус, однажды пережитая как трансцендентный опыт и распознанная как Майя, становится мостом к абсолютно новому восприятию мира. Переживание анимы/анимуса — это царская дорога (*via regia*) к себе. [12, с.159]

АРХЕТИП СМЫСЛА ИЛИ СТАРОГО МУДРЕЦА

Рассмотри Архетип Смысла, архетип Старого Мудрец — это одно и то же.

Юнг говорит так: «Когда мы разбираемся с Тенью своей, прорабатывая ее, понимаем, что есть что-то плохое и что-то хорошее у себя и у других, через проекцию и интроекцию как-то с этим мы разбираемся. Когда мы имеем дело с такими содержаниями, которые формуются с архетипом Анима и Анимус, мы понимаем мужское и женское, в самом общем виде. Помимо этого, если мы справились с этой задачей, пройдя этот этап, то следующее с чем мы сталкиваемся, тот вызов, который нам ставит бессознательное на следующем этапе это архетип Смысла, архетип Значения, архетип Старого Мудреца, архетип Духа.»

Мы должны понять смыслы, которые есть в нашей жизни. Не хорошо и не плохо, а какой смысл есть во всем этом. И Юнг говорит — это очень трудный выбор и редко кто напрямую может себе смело задать вопрос на какой-то этап в своей жизни - какой смысл в этом был? И если мы начинаем понимать, что каждый отрезок жизни имел какой-то смысл, то и последующая жизнь тоже получает какой-то смысл. Если мы говорим про психотерапию, то мы же не можем изменить биографии наших клиентов. Если, например, у человека был папа алкоголик, мама проститутка, оба нелюбящие родители - мы не можем сделать ребенка любимым ребенком, у которого не было хорошего детства. Психолог не может заменить ему папу или маму. Но он может вынести Смыслы из этих невзгод. Юнг сравнивает архетип Духа с Пневмой. Этот ветер, который дует из бессознательного эти Смыслы, которые у нас возникают в виде каких-то прозрений, инсайтов. Ничего в жизни не изменилось, человек знает плохое про маму и про папу, но это уже не является уже истязующим и выпивающим внутреннюю витальность. Часто архетип Духа изображается в виде дуновения, в виде ветра. Недаром Пневма в греческом языке, в неоплатонизме — это то дуновение,

которое идет от Богов, или Бога, который привносит нечто свежее, что-то новое. Оно ни мужское, ни женское, ни хорошее, ни плохое. Это ветер, который на тебя дует откуда-то. И ты этот ветер чувствуешь. Это нечто активное, то, что приводит к трансформации нашей душевной жизни нашей, к нашей душевной организации. Иногда это бывает, как огонь, который горит, как Неопалимая Купина. Мы много имеем образов вот этого огня, не говоря о всяких наших пироменах, которые зажигают огонь. Люди любят смотреть на огонь, в огне есть что-то такое абсолютно завораживающее, мистическое. Появляется ощущение какой-то наполненности. Если мы посмотрим всякие древние мистерии, то там везде жгли костры, через костры прыгали. Таким образом мы можем сказать, что архетип Значения, архетип Духа, архетип Смысла он придает абсолютно банальным вещам дополнительные смыслы, о которых пишет Юнг: мы могли бы подумать, но мы о них не додумались. Но иногда открывается такой Смысл, какое сознание вынести не может. Юнг описывает видения Якова Бёме – немецкого мистика, который был монахом протестантского ордена, часто находился в сосредоточенном молитвенном созерцании, соблюдал посты. Однажды братья увидели этого мистика, глаза у которого были переполнены ужаса, и от увиденного он потом три дня лежал бездыханный. Братья за ним ухаживали, а когда он вышел из этого коматозного состояния, он сказал, что он видел Божественную Троицу – причем эта Троица была страшная. Ведь мы привыкли видеть Троицу во всем сиянии, красивую светлую богословную картину, а ведь темная сторона в иконописи нам совсем не представлена. Если мы говорим про Троицу, где там может быть темная сторона? А вот этот мистик увидел что-то темное, а темное, как и свет тоже необходимо. Ведь недаром же падший Ангел называется Люцифером. Вроде бы противоречие, тот кто пал, называется не темнотой, а Светом. Вот эта возможность контакта с архетипом Духа, часто выражается через зрение. Причем это зрение физиологическое, а скорее зрение духовное. Это можно назвать третьим глазом, или умение узреть какие-то смыслы, которые лежат за поверхностью банальной нашей жизнью.

«Все архетипы имеют как позитивный, благоприятный, светлый, вверхуказующий аспект, так и указующий вниз, частично негативный и неблагоприятный, хтонический, но в дальнейшем - нейтральный аспект.» Архетип Духа не является исключением. И дальше Юнг говорит: «архетип Духа у нас

принимает либо карликовую форму, либо сверхвеликую форму.» И мы имеем либо карликов, гномиков, каких-то маленьких человечков неземных или водных, включая всяких зверушек. Либо это великаны. Уже его карликовый облик означает предельную уменьшительность, а также расплывчатую природность. Иногда архетип Духа также может проявляться у нас, как Мудрец, как Гуру, а также как отрок и как юноша. И вот тут мы имеем очень трудную ситуацию, когда мы не можем понять это архетип Ребенка, или архетип Мудреца. Например, в сказке появляется юноша и что-то тебе говорит, что это архетип Духа? Когда появляется Старик тогда более-менее понятно. Нередко архетип Духа выражается через глаза, но эти глаза имеют такую форму прозрения вовнутрь. Иногда, чтобы человек что-то увидел духовным зрением, необходимо потерять физическое зрение. Поэтому многие провидцы были слепыми, или слабовидящими. Для того чтобы не размениваться на суету, то, что на поверхности, надо как-то перестать это видеть и уйти вглубь.

В одной балканской сказке появляется такой старик, он кажется убогим, поскольку потерял глаз, и Юнг приводит много сказок, которые есть. Филины выкололи ему глаз и герой должен позаботиться, чтобы они же его и восстановили. Старик потерял часть своего зрения, т.е. часть своей проницательности и прозорливости в демоническом мире тьмы. Этот мир нанес ему удар, и в этой истории старика напоминает судьбу Осириса, потерявшего глаз из-за взгляда черной свиньи, а именно Сета. Также Один принес в жертву один глаз у источника. Мы видим это в мифологии разных народов. В православии мы можем вспомнить Вангу, Матронушку. Мы имеем много опыта таких провидений при внешней слепоте. Архетип Духа показывает, что все что плохое может быть хорошим, а то хорошее может быть плохим. И мы как бы не можем точно разделить, где заканчивается одно и начинается другое. Юнг говорит, что только для сознания есть такое разделение. Около свечки всегда темное место, есть какой-то контур чего мы не знаем. И всегда самые великие святые имели самые большие искушения. И даже мы, когда намеривались действительно сделать что-то хорошее, подходит Трикстер, и получается что-то не так. Потому что не может быть абсолютного света.

Приведём пример сновидения и это кусок архетипа Духа. Архетип Духа также компенсирует некоторые установки сознания. Является компенсацией сновидения в черном и белом маге, который пытался восполнить духовные затруднения одного

юного студента теолога. Это скорее всего протестантский студент теолог и скорее всего celibатный. «Я не был знаком с самим сновидцем, так что мое собственное влияние совершенно исключено. Ему приснилось: Он стоит перед величественной священнической фигурой, называемой "белым магом", хотя он одет в длинные черные одежды. Он закончил свою длинную речь следующими словами: "А для этого нам нужна помощь черного мага". Тут внезапно открылась дверь, и вошел какой-то другой старик, "черный маг", который был одет во все белое. Однако он так же был прекрасен и величествен. Черный маг хотел, видимо, что-то сказать белому магу, но колебался, можно ли это делать в присутствии сновидца. Тогда белый маг сказал ему, указывая на сновидца: "Говори, он невиновен".

И черный маг начал рассказывать редкостную историю, как он нашел потерянные ключи от рая, но не знал, как ими пользоваться. Он пришел, сказал он, к белому магу, чтобы получить разъяснение тайны ключей. Он рассказал ему, что король той страны, где он жил, подыскивал себе подходящий надгробный памятник. Случайно его подданные вырыли старый саркофаг, в котором были посмертные останки какой-то девы. Король открыл саркофаг, выбросил из него кости и велел полый саркофаг опять закопать, чтобы приберечь его для последующего использования. Однако, как только кости оказались на дневном свете, существо, которому они первоначально принадлежали - а именно дева - преосуществилась в черного коня, который убежал в пустыню. Черный маг следовал за ним все дальше и дальше, и нашел там, претерпев много превратностей и трудностей, потерянные ключи от рая. Этим завершается его история, а вместе с ней, к сожалению, и заканчивается сновидение.

Белое одето в черное, черное – одето в белое. Один имеет ключи от Рая, но не знает, как дойти, второй знает, как дойти, но не имеет ключи от Рая. Вот это все вместе архетип Духа. Не то, что Белый Маг — это архетип Духа, а Черный – это его Тень, это вместе они. И сюда очень изысканно вплетается фигура Девы Анимы, в виде этого коня. И мы имеем Деву, которая внутри себя имеет коня, и конь, который внутри себя имеет деву. Для того, чтобы войти в какое-то состояние нужно куски этой физической материи, принять внутрь себя, для того чтобы пресуществиться.

Часто архетип Тени, который появляется в сновидениях, или в сказках задает вопрос: «кто»? или «почему»? Эти вопросы мы могли бы задать и сами себе: Кто я?

Для чего я? Почему я это делаю? Просто у нас есть уже некоторые шаблоны нашего сознания. Есть большое количество сказок, где либо магические животные, либо какие-то старики просто задают вопрос: Кто ты? Что ты делаешь? Нередко в сказках задаются такие вопросы, для того чтобы подготовить к раздумью о себе. И часто в награду дают какое-то волшебное средство. После того, как человек подумал, кто он, он его получает. И таким образом представляется вмешательство старика, спонтанная активация архетипа совершенно неизбежна, так как одна лишь сознательная воля едва ли в состоянии объединить личность в той мере, чтобы последняя могла достигнуть чрезмерного преуспеяния. Для этого необходимо не только в сказке, но и в жизни вообще, объективное заступничество архетипа, который умиротворяет чисто аффективное реагирование, связывая в единую цепь процессы внутренней конфронтации и реализации. Тенденция старика – побудить к размышлению – выражается также в форме призыва сначала просто «обмозговать». Так старик говорит одной девушке, которая ищет своего брата: «Ложись. Утро вечера мудренее. Иногда старик высказывает моральные суждения. В одной кавказской сказке о младшем принце, который намеривался унаследовать царство намеревался, построить своему отцу безупречную церковь. Он строит её, и никто не может обнаружить ни единого огреха, однако появляется старик и говорит: «Ах, что за прекрасную церковь они построили! Жаль только, что фундамент немного кривоват». Принц велит снести церковь и строит новую. Однако и здесь старик обнаруживает ошибку, и так три раза. Вот оно – архетип Смысла, архетип Значения – это не некое моральное значение, когда безусловно кривая стоит церковь, а все говорят прекрасно, но архетип Значения подсказывает, что-то не так, в символическом смысле. Иногда, в сновидениях или в сказках, часто архетип Значения появляется в виде услужливых зверей, которые каким-то образом помогают главному герою.

В одной балканской сказке старик дает бездетной царице волшебное яблоко, съев которое, она становится беременной и рождает сына; как было заранее условлено, старик становится его крестным отцом. Мальчик, однако, рос бедовым, колотил детей и убивал у пастухов скот. В течение десяти лет он жил без имени. Наконец появился старик, всадил ему в ногу нож и нарек его «ножевым принцем». Теперь мальчика потянуло к приключениям. Отец после долгих колебаний наконец

разрешил ему отправиться в путь. Нож, торчавший у мальчика в ноге, являлся залогом его жизни: если бы кто-нибудь вытащил его, мальчик умер бы, если бы он вытащил нож сам, то остался бы в живых. Этот нож стал для мальчика роковым, так как старая ведьма во время сна вытянула его. Мальчик умер, однако вновь возвратился к жизни благодаря помощи закадычных друзей. И старик дарит ему вторую жизнь.

В сказках звери ведут себя по-человечески: говорят человеческим языком, обнаруживают ум и знания, в которых даже превосходят человека. В одной немецкой сказке, рассказывается как юноша, разыскивающий свою исчезнувшую невесту, встречает с волка, который ему говорит: «Не бойся! Скажи, куда ты держишь путь?» Юноша рассказывает свою историю. Самое главное надо не испугаться, потому что встреча с архетипом Духа оказывает нуминозное влияние. Архетип Смысла, архетип Значения, архетип Духа дает нам принципиально новое видение, или ось знания, того же самого, что мы знали. за что волк даёт ему магический подарок, а именно: несколько своих волосков, с помощью которых юноша сумеет призвать волка к себе на помощь в любое время.

Для наглядности можно привести сказку: когда юноша пас свинью, то обнаружил большое дерево чьи ветви затерялись в облаках. «Как было бы здорово, — сказал себе юноша, — посмотреть с его верхушки, что там, на краю света?». (вот оно любопытство - архетип Значения, он пас свиней, и пас бы себе дальше, но в какой-то момент перед ним это дерево, и тут мысли что там наверху. Ему предписано на роду — пасти свиней, и мы ведь такую жизнь можем прожить — без архетипа Значения, без архетипа Духа, просто не задумываясь, как и все работать до пенсии). Он карабкается вверх в течение целого дня, но так и не достигает ветвей. Настал вечер, и он вынужден переночевать на сучке. (он ползет и не задается вопросом: куда? И этот в каком-то смысле отвечает архетипу Смысла, потому что архетип Смысла — это не решение системы уравнения, когда мы получаем сразу ответ. Мы не знаем, где остановится). На другой день он карабкается дальше, и к полудню добирается до кроны. Только под вечер он достигает деревни, которая возведена на ветвях. Там живут крестьяне, которые его потчуют и дают на ночь приют. На утро он карабкается дальше и к полудню достигает дворца, где живет девушка. Здесь он узнаёт, что выше-то идти некуда. Она — королевская дочь, которую злой волшебник

заклучил в тюрьму. Итак, герой остается у принцессы. Ему разрешается входить во все комнаты замка. Только в одну-единственную принцесса запретила ему заходить. Однако любопытство сильнее. Он отпирает комнату и обнаруживает там ворона, прикованного к стене тремя гвоздями. Один гвоздь проходит через шею, два других — через крылья. Ворон сетует на жажду, и юноша, тронутый состраданием, дает ему попить воды. С каждым глотком выпадает по гвоздю, и после третьего глотка ворон освобождается и вылетает в окно. Когда принцесса услышала об этом, она очень испугалась и сказала: «Это был чёрт, который меня заколдовал. Теперь уж недолго осталось ждать, скоро он меня настигнет». В одно прекрасное утро она на самом деле исчезла». (Вот здесь проявляется архетип Смысла – он добрый, он дает попить ворону, он ослушался принцессу, просто любопытство оказалось сильнее, и здесь можно еще увидеть архетип Трикстера, когда говорят везде можно, иди, кроме одного места – это самый верный способ, что человек туда пойдет).

Теперь юноша отправляется на поиски, где ему, встречается волк. Точно так же он встречает медведя и льва, от которых тоже получает волосы. Он бродит, бродит, находит принцессу, находит ведьму, жеребят, коней.

В одной сказке старик представляет себе Знание, Размышление, Мудрость, Интуицию, а также моральные качества. В сказке гонимому герою является во сне старик и дает ему хороший совет, как тот мог бы справиться с возложенными на него невыносимыми задачами.

Например, когда крестьянин уселся на ствол дерева, из него выполз маленький старичок, он был совершенно сморщенным и зелёная борода свешивалась у него до колен. «Кто же ты?» - спросил крестьянин. «Я – лесной король Ох», - сказал человечек. Крестьянин отдал ему в услужение своего безалаберного сына. И лесной царь с ним удалился, он повёл юношу в тот другой мир под землёй и привёл его в зелёную хижину... В хижине было всё зелёное... Стены были зелёные и скамьи, жена Оха была зелёная и дети... И ундины, которые ему служили, были такими же зелёными. Даже еда была зелёная. Лесной Царь описан здесь, как растительный мир, который наш разум может понять.

Тот оказывается в безнадёжной ситуации, в которой казалось нет никакого выхода. И вот этот мальчик-сирота погрузился в глубокий сон, когда он пробудился, то ему показалось, что во рту у него что-то жидкое, и он увидел, что перед ним стоял

маленький старичок с длинной седой бородой, который собирался заткнуть пробку своего бочонка с молоком. «Дай мне ещё попить», - попросил мальчик. «На сегодня с тебя хватит, - возразил старик, - если бы мой путь меня сюда случайно не вывел, то это был бы твой последний сон, ибо, когда я тебя нашёл, ты был уже наполовину мёртв». Потом старец спросил мальчика, кто он такой и куда он держит путь. Мальчик рассказал всё, что пережил (из того, что он мог вспомнить), вплоть до побоев вчерашнего вечера. Тогда старик сказал: «Моё дорогое дитя! На твою долю выпало совсем не лучшее, а худшее, как и на долю многих, чьи любимые опекуны и утешители покоятся в гробах под землёй. Вернуться назад ты уже не можешь. Ты уже ушёл, и тебе следует искать своё новое счастье в мире. Так как у меня нет ни кола, ни двора, а также нет, ни жены, ни детей, то я впредь не смогу о тебе позаботиться, но один добрый совет я хочу тебе дать».

Юнг говорит, что старик произносит то, что человек сам мог подумать про себя. Вот он архетип Ребенка, оказывающийся в безнадёжной ситуации, выхода нет. И вот здесь первый этап в освоение архетипа Значения понять, что ты сделал, от чего ты убежал. И после того, как ты понял, пересказывая старику от чего ты убежал, что с тобой было, чего ты испугался, ты начинаешь понимать или осваивать свои новые внутренние силы. Где-то ты справлялся, где-то не справлялся, а сейчас ты просто бежишь.

Мальчику, герою сказки, в состоянии аффекта, нужно было сообразить про свое пропитание, и настает момент поразмыслить о своем положении. И тут на ум ему приходит вся его жизненная история. Теперь мальчик, понимает, что все пути к отступлению отрезаны, понимания того факта придаст его поступкам необходимую решительность.

Можно посмотреть сколько людей, приходит в терапию после развода, или после принятого решения о разводе. И по жизни их сопровождали жизненные невзгоды и казалось, что так всегда и будет, и казалось, что после развода будет только хуже, не важно мужчина это или женщина. И вдруг само решение о разводе, только лишь решение, дает какие-то дополнительные силы. Например, человек может найти новую работу, и психолог ничего с этим человеком не делает, порой он даже в этот период отодвигает приемы на несколько месяцев, и в такой период приходит решительность, потому что путей к отступлению нет. Иногда для того,

чтобы придать эту решительность себе, соприкоснуться с этой энергетикой, и мы совершаем такие поступки, когда путей к отступлению нет. Глупость какую-то делаем: взять кому-то нахамить. И после этого надо уходить. А потому что так человек не решался уйти. Но если ты приносишь жертву, то она должна быть действительно жертвой, иначе вступит в силу Трикстер.

Архетип Духа по-разному проявляется у мужчин и у женщин. У мужчин архетип Духа, Смысла и Значения он очень тесно связан с архетипом Отца. И если он имеет позитивный опыт отца, позитивный комплекс отца у мужчин, то архетип Духа проявляется в том, что мужчина готов подчиняться каким-то ценностям. А женщины открыты духовному устремлению. [31, ч.2]

МАНА-ЛИЧНОСТИ – ДУХОВНАЯ ЭНЕРГИЯ

Юнг, описывая архетип Духа использует понятие мана: «мана это есть некоторая духовная энергия, эта духовная энергия, которой обладает каждый человек». Он у каких-то австралийских аборигенов это слово выискал. Когда человек умирает из него эта Мана выходит. Есть даже ритуалы, когда у умирающего человека берут последнее дыхание, забирая его ману. Это означает, что человек обладает не только своей индивидуальной маной, а и маной других людей или мира в целом. Очевидно, что это сознательная Я, и Я берет себе эту ману. И это сознательное Я становится маной–личностью. «Мана-личность является доминантой коллективного бессознательного, хорошо известного архетипа могущественного человека, являющегося в виде героя, лидера, руководителя, колдуна, мага, целителя, святого, властелина людей и духов, друга Божьего». Но у нас могут и женские фигуры такие – ведьмы, колдуньи, шаманьи, провидицы. «Отныне это коллективная фигура, выступающая на темном фоне и завладевающая сознательной личностью. Опасность, здесь грозящая душе щекотливого свойства посредством инфляции сознания она может погубить все, что едва достигнуто разбирательства. Поэтому практически немаловажно знать, что в иерархии бессознательного анима — лишь самая низшая ступень и, что после этого только можно перейти к постижению фигуры колдуна. В жизни же фигура колдуна — для краткости я назову ее здесь, — которая притягивает к себе мана, т. е. автономную ценность. Лишь поскольку я

бессознательно отождествляю себя с этой фигурой, то фигура колдуна может нас вдыхать что-то, или давать нам. Все мистерии преобразования, все мистерии инициации, все мистерии посвящения куда-то они все имеют дело с маной. Потому что вот это колдун может завладеть нашим Я, завладев нашей маной он завладевает нашим Я.» Любой диктатор, любой тоталитарный лидер он несомненно завладевает маной своих подчиненных. Юнг говорит, что человек, который является маной-личностью, он понимает не только язык людей, он понимает язык цветов, животных и всего мира. Если мы успешно преодолели ассимиляцию, или прошли через архетип Анимы и Анимуса, то следующий важный шаг интеграция архетипа, который называется Маной – личностью. "Мана" у примитивных народов есть некое оккультное качество, мана-личность, или же лицо, наделенное особыми оккультными силами и знаниями. Интеграция этого содержания - есть архетип Мага, или Старого Мудреца. Когда анима (соответственно анимус) утрачивает свою фасцинирующую силу, т.е. когда их "мана" ослабевает, из бессознательного всплывает облик мана-личности. Если выражаться менее образно: архетип, который можно обнаруживать при посредстве описанных выше образов, заявляет о своем притязании на обладание психикой. Он – доминанта коллективного бессознательного. Как, однако, ведет себя Я в этой ситуации? Юнг говорит: «В этом отношении наше плачевно ограниченное Я, если оно обладает хоть искрой самопознания, может только отпрянуть назад и отказаться от всякой иллюзии силы и значения. Это обман: Я не преодолело аниму и потому не овладело ее маной. Сознание не стало господином.» Осознание содержания, которое выстраивает архетип маны-личности означает для мужчин второе истинное освобождение от отца, для женщин – освобождение от матери, а вместе с тем и первое ощущение собственной индивидуальности, это влечёт за собой ощущение определенного превосходства и мудрости. В следствии интеграции маны-личности Юнг описывает следующим образом: мана-личность с одной стороны – это тот, кто знает больше всех, с другой стороны, тот кто хочет больше всех. Посредством осознания содержания лежащих в основе этой личности мы оказываемся перед необходимостью считаться со следующим фактом: со одной стороны, мы узнали нечто большее по сравнению с ближними и с другой стороны мы хотим больше по сравнению с другими. Это превосходство в мудрости и в волеии каким-то образом

вмонтировано в психику. Индивидуации способствует стремительному переходу на более высокие ступени расширения сознания.

Это может привести к тому, что происходит изоляция от людей. Это такое жесткое заявление.

В результате становления цельности, человек становится непохожим на других людей: "Человек, узурпировавший новый вид познания, претерпевает изменение или расширение сознания, из-за чего его сознание становится непохожим на сознание его ближних. Он возвысился, правда, над тем, что сегодня слывет за человеческое ("вы будете, как боги"), но тем самым отдалился также и от человека. Мука этого одиночества есть возмездие богов: он уже не может вернуться назад к людям. Он, как говорится в мифе, прикован к уединенной скале Кавказа, покинутый богами и людьми". [31, ч.2]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Человеческий опыт или отдельное переживание, которые каждый человек осуществляет своим специфическим образом, отличным от других, издавна являлись основой и предпосылкой для многочисленных систем типологии. С ранних времен культурной истории делались попытки категоризировать индивидуальные установки и поведенческие образцы (паттерны) для того, чтобы объяснить само различие между людьми.

Наиболее древняя известная нам система типологии — это система, разработанная восточными астрологами. Они классифицировали характер в терминах четырех тригонов (треугольников). Соответствующих четырем элементам — воде, воздуху, земле и огню.

С этой древней космологической схемой близко соседствует физиологическая типология греческой медицины, согласно которой индивиды были расклассифицированы как флегматики, сангвиники, холерики и меланхолики. [18, с. 9]

Собственно, юнговская типологическая модель выпестовалась из широкого исторического обозрения (обзора, изучения, просмотра, проверки) типологических вопросов в литературе, мифологии, эстетике, философии и психопатологии. В

предисловии к одной из наиболее известных книг Карла Густава Юнга «Психологические типы», представляющей глубокое научное исследование, Юнг пишет:

Эта книга плод более двадцатилетней работы в области практической психологии. Она выростала в моем сознании постепенно, обретая форму из многочисленных впечатлений и психиатрических наблюдений при лечении нервных болезней, из взаимодействия с людьми — мужчинами и женщинами — всех социальных уровней, из моих собственных отношений с друзьями и, так называемыми, недругами, и, в конце концов, из критического осмысления моих собственных психологических особенностей.

В то время как более ранние классификации строились на основе наблюдений за темпераментом или эмоциональными поведенческими образцами, модель Юнга связана с движением психической энергии и воплощена в определенном специфическом направлении, на котором тот или иной человек более привычно или предпочтительно ориентируется в мире. [18, с. 10]

Юнг настаивает, что мы не начинаем жизнь как *tabula rasa*, чистая грифельная доска, предназначенная для записей существующего вне нас. Скорее, новорожденный возникает изначально как отдельная и уникальная личность с его или ее собственным определенным способом восприятия и реагирования на переживаемое. Это мнение подтверждается юнговской теорией психологических типов. Интроверсия и экстраверсия являются двумя радикально отличающимися способами восприятия и оценки переживаемого — один с опорой преимущественно на внутренние реакции и ценности, другой с опорой на аналогичные явления во внешнем мире — однако они предполагаются в качестве врожденных установок каждого индивидуума. Это верно и для так называемых функций сознания: мышления как противоположности чувству (функциям суждения) и ощущению как противоположности интуиции (функциям восприятия). Эти сущностные установки и функции могут быть подавлены или искажены в ответ на принуждение культуры или среды, и поэтому в результате не будет полноценного развития и процветания подлинной природы индивидуальности. Эта подлинная природа является заданным, определенным от рождения потенциалом. [5, с. 145]

С этой точки зрения Юнг выделил восемь типологических групп две личностные установки интроверсию и экстраверсию — и четыре функции и или типа ориентации — (о которых было написано ранее), каждая из которых может действовать либо интровертным, либо экстравертным образом.

Интроверсия и экстраверсия являются психологическими способами адаптации. В интроверсии движение энергии осуществляется по направлению к внутреннему миру. В экстраверсии интерес направлен во внешний мир. В одном случае, сам субъект (внутренняя реальность), а в другом, сам объект (предметы или другие люди, внешняя реальность) оказываются изначально более важными.

Интроверсия, пишет Юнг, “в норме характеризуется колеблющейся, рефлексивной, застенчивой, стремящейся к уединению натурой, которая сохраняет себя для самой себя, склонна удаляться от объектов и всегда пребывать в несколько оборонительной позиции”.

Соответственно, Экстраверсия — “нормально характеризуется подвижной, чистосердечной, сговорчивой, уживчивой натурой, легко приспособляющейся к данной ситуации; такая натура быстро образует связи и привязанности и отбрасывает в сторону любые возможные дурные опасения и предчувствия, и часто в незнакомой ситуации предпринимает рискованные начинания с беззаботной уверенностью”.

В экстравертной установке внешние факторы являются преобладающей движущей силой для суждений, чувственных восприятия, аффектов и действий. Это остро контрастирует с психологической природой интроверсии, где внутренние или субъективные факторы оказываются ведущей мотивацией. [18, с. 11-12]

Никто, конечно, не является интровертированным или экстравертированным в чистом виде. Хотя каждый из нас в процессе следования своей доминантной склонности или, адаптируясь к своему непосредственному окружению, неизменно развивает одну установку более, нежели другую, противоположная установка в нем потенциально все же сохраняется.

В действительности, семейные обстоятельства могут заставлять кого-либо в раннем возрасте принимать какую-то установку, которая оказывается неестественной, насилуя, таким образом, индивидуальный врожденный склад такого человека. “Как правило, — пишет Юнг, — везде, где такая фальсификация типа

имеет место позже индивид становится невротичным и может быть вылечен развитием в нем той установки, которая созвучна его натуре.

Это определенно усложняет вопрос о типе, так как каждый, в некоторой степени, невротичен — то есть односторонен. В общем, интроверт попросту не осознает свою экстравертную сторону из-за привычной ориентации по отношению к внутреннему миру. Интроверсия экстраверта дремлет аналогичным образом, дожидаясь выхода. [18, с. 30-31]

Решающим фактором в определении типа в противоположность упрощенному общепринятому описанию установки, как таковой, является не то, что человек делает, а скорее, сама мотивация к деланию — само направление, по которому течет энергия человека, течет естественно и привычно: для экстраверта самым интересным и привлекательным является объект, в то время как сам субъект или сама психическая реальность оказываются более важными для интроверта. [18, с. 36]

Что до того, был ли Юнг экстравертом или интровертом, то только интроверт мог сказать то, что выразил Юнг в прологе к своей автобиографической книге “Воспоминания, Сновидения, Размышления”:

Отсутствие внутреннего ответа на проблемы и сложности текущей жизни делает внешние события малозначащими. Внешние обстоятельства не могут заменить внутренние переживания. Вероятно поэтому моя жизнь удивительно бедна внешними случаями. Я не могу сколь-нибудь полно рассказать о них, поскольку они представляются мне пустыми и малосущественными. Я могу понять себя только в свете внутренней событийности. Она то как раз и составляет особенность моей жизни.

— хотя, по правде, тоже самое во многом мог бы сказать и впавший в отчаяние экстраверт. [18, с. 42-43]

И теперь рассмотрим здесь юнговскую модели психологических типов.

Экстраверсия и четыре функции.

Экстравертный мыслительный тип.

Когда жизнь индивида управляется главным образом рефлексией, а его действия строятся на основе интеллектуально осмысленных мотивов, мы говорим о мыслительном типе.

Мыслительная функция не имеет обязательной связи с рассудком или качеством мысли, это просто процесс. Мышление может быть экстравертным или интровертным, в соответствии с тем, куда оно ориентировано на объект или на самого субъекта.

Экстравертные мыслительные типы настолько увлечены объектом, что без него они просто не могут существовать. Их рефлексия все время вращается вокруг внешних условий и обстоятельств. Согласно Юнгу, экстравертный мыслительный тип-человек, который, — конечно лишь постольку, поскольку он представляет собою чистый тип, — имеет стремление ставить всю совокупность своих жизненных проявлений в зависимость от интеллектуальных выводов, в конечном счете, ориентирующихся всегда по объективно данному, — или по объективным фактам, или по общезначимым идеям. Человек такого типа придает решающую силу объективной действительности, или, соответственно, ее объективно ориентированной интеллектуальной формуле, — и, притом, не только по отношению к самому себе, но и по отношению к окружающей среде.

В лучшем случае, мыслители-экстраверты становятся государственными деятелями, адвокатами, учеными-практиками, почтенными академиками, успешными антрепренерами. Они превосходны в организации любого дела, будь то проект на бумаге, повседневная жизнь или деловая встреча. Владея хорошим чувством реальности, они вносят ясность в эмоциональные ситуации. Они составляют положительное качество любой организации, любого комитета — ибо знают букву закона и знают как эту букву применять на практике.

Согласно Юнгу, в своем крайнем выражении, экстравертные мыслительные типы подчиняют как себя, так и других интеллектуальной “формуле” системе правил, идеалов и принципов, которые, в конце концов, становятся жестким моральным кодом. Их отметкой являются справедливость и истина, основанные на том, что они рассматривают, как чистейшее постигаемое описание объективной реальности “Обязан” и “должен” — типичные наиболее выпуклые аспекты их интеллектуальной точки зрения. Все окружающее их должно, для всеобщего блага, подчиниться “универсальному закону”.

Если формула достаточно широка, то такой тип может сыграть в общественной жизни чрезвычайно полезную роль в качестве реформатора,

общественного обвинителя и “очистителя совести”, а также пропагандиста важных новаций. Но чем уже формула, тем скорее этот тип превращается в брюзгу, резонера и пустослова, самодовольного критика, который хотел бы втиснуть и себя, и других в какую-нибудь схему.

У человека этого типа в первую очередь подвергнутся подавлению все, зависящие от чувства жизненные формы, как, например вкус, эстетические представления, художественное чутье и понимание культ и переживание дружбы и т. д. Иррациональные формы — религиозный опыт, страсти и т. п. — зачастую бывают полностью вытеснены из сознания.

У данного типа, интровертное чувство бесспорно окажется подчиненным. Это означает, что всякая деятельность, зависящая от чувства, — эстетический вкус, чувство артистизма, приобретение друзей, время, проводимое с семьей, любовные взаимоотношения и так далее, — по большей части, будут страдать.

В той степени, в какой мышление экстравертно, чувственная функция остается инфантильной и подавленной (вытесненной). “Если подавление успешно”, — пишет Юнг, — то чувство исчезает из сознания и на подпороговом уровне развивает свою деятельность, противоборствующую сознательным намерениям и, при известных обстоятельствах, достигающую таких эффектов, происхождение которых представляется для индивида полнейшей загадкой. Так, на пример, осознанный альтруизм пресекается тайным и скрытым от самого индивида самолюбием, которое накладывает печать своекорыстия на бескорыстные, по существу, поступки. Чистые высоконравственные намерения могут при вести индивида к критическим положениям, в которых более чем вероятным оказывается, что решающие мотивы суть вовсе не этические, а совсем другие. Таковы, например, добровольные спасители или блюстители нравов, которые вдруг сами оказываются ищущими спасения, или скомпрометированными. Их ненасытное стремление спасти заставляет их же самих прибегать к таким средствам, которые способны понести именно к тому, чего хотелось бы избежать. Есть экстравертированные идеалисты, которые так стараются над осуществлением своего идеала для блага человечества, что не боятся даже лжи и других нечестных средств... И все это по формуле: цель оправдывает средства. Только подчиненная функция, действующая бессознательно и

вводящая в соблазн, может довести до таких заблуждений людей, в других отношениях стоящих на высоте.

Подчиненное интровертное чувство этого типа также проявляется в том, что оказывается малоприятным, а для постороннего наблюдателя, сбивающим с толку: внезапные и необъяснимые вспышки любви; неистовая и длительная “беспричинная” преданность; сентиментальные привязанности или мистические интересы, которые начисто отменяют всякую логику.

В таких случаях сознательный мыслительный процесс ниспровергается примитивными реакциями, имеющими свой источник в бессознательном субъекта и в недифференцированном чувстве. [18, с. 53-60]

Экстравертный чувствующий тип.

Чувство экстравертного типа, как и экстравертное мышление, ориентировано объективными данными и обычно пребывает в гармонии с объективными ценностями.

Экстравертное чувство отделило себя насколько это возможно от субъективную фактора и всецело подчинило влиянию объекта. Даже там, где экстравертное чувство обнаруживает свою видимую независимость от свойств конкретного объекта, оно, тем не менее, остается под обаянием традиционных и каких-нибудь других общепринятых ценностей.

Например, экстравертный чувствующий тип будет восхвалять нечто, как “прекрасное” или “хорошее” не из-за субъективной оценки, но потому, что это подходит другим и находится в согласии с общественной ситуацией. И это не претензия, и не лицемерие, но подлинное выражение чувства в своей экстравертной форме акт приспособления к объективному критерию.

Без экстравертного чувства “цивилизованная” общественная жизнь была бы, фактически, невозможной. Коллективные выражения в культуре всецело от этого зависят. Экстравертное чувство ведет людей в театр, на концерт, в церковь и в оперу, люди принимают участие в деловых встречах, пикниках, именинах и т. п., посылают друг другу рождественские и пасхальные открытки, посещают свадьбы и похороны, празднуют годовщины, отмечают Первомай или День Независимости.

Экстравертные чувствующие типы обычно очень добродушны и легко приобретают друзей. Они быстро оценивают требования внешней ситуации и с

готовностью жертвуют собой для других. Они буквально “излучают” атмосферу теплого одобрения, именно они чаще других “получают” мяч, перебрасываемый в компании. Исключая крайние случаи, чувство несет в себе определенное личностное качество — непосредственную связь (раппорт) с другими — несмотря на то, что субъективный фактор, в основном, подавлен. Преобладающее впечатление о таком человеке говорит, что он хорошо приспособлен к внешним условиям и общественным ценностям.

Опасность для этого типа кроется в подавлении его объектом — традиционными и общепринятыми стандартами, — в этом случае утрачивается любое подобие субъективного чувства, т. е., то, что происходит в самом субъекте.

Экстравертное чувство, лишенное личностных параметров, теряет весь свой шарм и, как и в случае крайней экстраверсии, делается бессознательным относительно скрытых самоцентрированных мотивов. Оно сталкивается с требованиями или ожиданиями, представленными внешними ситуациями и в них застревает. Оно удовлетворяет требуемой эстетической стороне момента, но остается бесплодным. Обычно сердечное выражение чувств здесь делается механическим, эмпатические жесты выглядят театральными или расчетливыми.

Если этот процесс прогрессирует, то наступает любопытная противоречивая диссоциация чувства все становится объектом чувственных оценок, так что завязывается множество отношений, которые внутренне противоречат друг другу. Поскольку это было бы совсем невозможно при наличии сколько-нибудь ярко выраженного субъекта, то подавляются и последние остатки действительно личной позиции. Субъект до такой степени всасывается в отдельные чувственные процессы, что наблюдателю кажется, будто бы перед ним был представлен только один чувственный процесс, а субъекта чувства, как такового, уже и не нет. В таком состоянии чувство утрачивает всю свою человеческую теплоту; оно производит впечатление позы, непостоянства, ненадежности, а, в худших случаях, впечатление истерического состояния.

Для данного типа крайне важно установить хорошую чувственную связь с окружающей средой. Но когда это переходит в разряд “слишком важно”, субъект — лицо чувствующее — оказывается поглощенным ею. Тогда чувство теряет свое личностное качество и делается чувством ради самого чувства. Сама личность

растворяется в последовательности моментальных чувственных состояний, часто конфликтующих друг с другом. Для наблюдателя это представлено в виде различных настроений или расположении духа и утверждений, которые оказываются явно противоречивыми.

Экстравертный чувствующий тип может уделять мыслям значительное время и, фактически, быть чрезвычайно умным, но мышление, тем не менее, всегда будет подчинено чувству. Следовательно, логические умозаключения, процессы мысли, способные привести к расстройству чувства, здесь отвергаются начисто. “Все, что пребывает в согласии с объективными ценностями, — пишет Юнг — является хорошим и любимым, а все прочее кажется, существующим в отдельном мире”.

Хотя мышление экстравертного чувствующего типа подавлено как независимая функция, само вытеснение неполное, а лишь постольку, поскольку его беспощадная логика принуждает к выводам, не подходящим для чувства. Однако мышление допускается как слуга чувства или, лучше сказать, как его раб. Его хребет сломлен, оно не может провести само себя согласно со своим собственным законом. Но так как все же логика и неумолимо верные выводы где то существуют, то возникает вопрос, где они осуществляются? Разумеется, вне сознания, а именно, в бессознательном. Поэтому бессознательное содержание данного типа является прежде всего своеобразным мышлением. Это мышление инфантильно, архаично и негативно. До тех пор, пока сознательное чувство сохраняет личный характер или другими словами, пока личность не поглощается отдельными состояниями чувств, — бессознательное мышление остается компенсаторным. [18, с. 61-66]

Экстравертный ощущающий тип.

Экстравертное ощущение превосходит остальные функции в стремлении ориентироваться на объективную реальность. Как способ восприятия с помощью органов чувств, функция ощущения, — естественно, зависит от объектов.

Данный тип выискивает те объекты, и людей, и ситуации, — которые возбуждают самые сильные ощущения. Результатом оказывается мощная сенсорная связь с внешним миром.

Хотя у таких людей недостает терпения или понимания абстрактной реальности их ощущение объективных фактов развито крайне хорошо. Они хозяева деталей (“мелочей”) жизни, они могут читать карты, легко находить дорогу в

незнакомом городе, их жилища опрятны и весьма аккуратно обставлены, они не забывают о назначенных встречах и всегда пунктуальны, они не теряют ключи, помнят о том, что надо закрыть трубу в печи и не забывают гасить свет на ночь. Их можно встретить среди инженеров, редакторов, атлетов и людей, работающих в бизнесе.

Экстравертные ощущающие типы обращают внимание на внешнюю сторону жизни. Они сознательно придерживаются моды в одежде и любят быть одетыми безупречно, организуют хороший стол с множеством превосходных вин, окружают себя изысканными вещами и красивыми людьми. Они любят вечеринки и активный спорт, встречи и собрания. Они из той породы людей, которые взбираются на Эверест “потому что это там.” Те, кто не разделяют их типологические пристрастия, получают пуританистские прозвища и слывут робкими, застенчивыми.

Этот тип ориентирован на конкретное наслаждение “реальной жизнью”, — жизнью “на полную катушку.”

Его постоянный мотив в том, чтобы ощущать объект, иметь чувственные впечатления и, по возможности, наслаждаться. Это — человек, не лишенный любезности, напротив, он часто отличается отрадной и живой способностью наслаждаться, по временам он бывает веселым собутыльником, иногда он выступает, как обладающий вкусом эстет.

Идеалом экстравертных ощущающих типов является способность быть хорошо приспособленным к реальности, к существующим вещам, в том смысле, в каком они понимают и переживают эти вещи и эту реальность.

Ахиллесовой пятой данного типа является интровертная интуиция. Все, что не оказывается фактическим, что невозможно увидеть, услышать, понюхать, до чего нельзя дотронуться, мгновенно попадает под подозрение. Все, что приходит изнутри, кажется нездоровым или патологическим. Только в области осязаемой реальности они могут дышать свободно. Их мысли и чувства объясняются объективными причинами или влиянием окружающих. Изменения в настроении без колебания списываются на погоду. Психические конфликты здесь нереальны “ничего кроме” воображения, — какое-либо нездоровое состояние дел легко поправить, когда вокруг собираются друзья.

Внутри самого субъекта подчиненная интуиция проявляется в дурных предчувствиях, подозрительных мыслях, возможностях несчастья, катастрофы, дурных фантазиях и так далее.

Наиболее неприятные черты данного типа проступают до такой степени, что погоня за ощущениями делается всепотребляющей самоцелью. В своих крайних проявлениях люди этого типа становятся грубыми искателями удовольствий, беспринципными эстетамы, вульгарными гедонистами.

В более тяжелых случаях развиваются разного рода фобии, и, в особенности, симптомы навязчивости. Патологические содержания имеют заслуживающий внимания характер ирреальности, нередко с моральной и религиозной окраской. Развивается мелочная — до смешного — мораль и примитивная суеверная и магическая религиозность, отбрасывающая назад к диким ритуалам. Все это возникает из вытесненных, менее дифференцированных функций, которые в таких случаях резко противостоят сознанию и проявляются тем ярче потому, что они, по-видимому, бывают основаны на нелепейших предположениях, в полной противоположности с сознательным чувством действительности. В этой второй личности вся культура чувства и мышления оказывается извращенной в болезненную примитивность; разум становится умничанием и расходуется на мелочные различия; мораль оказывается праздным морализированием и явным фарисейством, религия трансформируется в нелепое суеверие; а интуиция, этот высокий человеческий дар, вырождается в надоедливые вмешивания в чужие дела, в обнюхивание каждого угла, и, вместо того, чтобы двигаться вширь, она [вся культура чувства и мышления] опускается на самый низкий уровень человеческой посредственности.

Как и с любой из функций, достигающих ненормальной степени односторонности, здесь также всегда есть опасность, что сознание будет подавлено бессознательным.

Конечно, психологическая ситуация становится патологической сравнительно редко. Гораздо чаще компенсаторная подчиненная функция попросту передает самой личности очаровательный воздух несообразности, несовместимости. У этого типа, например, интровертная интуиция выражается в наивном присоединении к

религиозным движениям, в детском интересе к оккультным вещам или во внезапном духовном прозрении. [18, с. 68-73]

Экстравертный интуитивный тип.

В экстравертной установке интуиция направлена на внешние объекты и ими обусловлена. У экстраверта, у которого интуиция ориентирована в направлении вещей и других людей, наблюдается необычная способность ощущать то, что происходит “за сценой”, под поверхностью, интуиция “видит” через внешний слой. Там, где сравнительно мирское восприятие ощущающего типа видит “вещь” или “лицо” интуитив прозревает душу.

Об экстравертном интуитивном типе Юнг пишет: В сознании интуитивная функция представлена в виде известной выжидательной установки, созерцания и всматривания, причем всегда только последующий результат может установить, сколько было “всмотрено” в объект и сколько действительно было в нем “заложено.”

Когда интуиция доминирует, мышление и чувство оказываются более или менее подавленными, в то время как ощущение — другая иррациональная функция, но настроенная на физическую реальность — пребывает в наибольшей недоступности к сознанию.

Так как интуиция, при экстравертной установке, направляется преимущественно на объект, то она, в сущности, очень приближается к ощущению, ибо выжидательная установка, обращенная на внешние объекты, может почти со столь же большой вероятностью пользоваться и ощущением. Но для того, чтобы интуиция могла осуществиться, ощущение должно быть в значительной степени подавлено. Под ощущением в данном случае надо понимать простую и непосредственную физиологическую и психическую данность. Это важно с самого начала отчетливо установить, так как, если спросить интуитива, как он ориентируется, тот начнет говорить о вещах, которые, как две капли воды похожи на ощущения. Он будет даже пользоваться термином “ощущение.” И действительно, ощущения у него есть, но он ориентируется не по ним самим, — ощущения являются для него лишь точкой опоры для созерцания. Они выбраны им на основании бессознательной предпосылки.

Там, где экстравертное ощущение ищет высшего уровня физического реализма, экстравертная интуиция страдает постигнуть самый широкий спектр

возможностей, заложенных в объективной ситуации. Для первого, объект всего тишь объект и только, для второго истина начинается по ту сторону внешнего вида и связана с тем, что может быть сделано с объектом, каким образом он может быть использован.

Ощущающие типы обзревают только то, что находится перед ними. Интуитивы ту же самую сцену видят трансформированной, как бы во внутреннем зрении.

Экстравертная интуиция постоянно высматривает новые возможности, новые области для завоевания и подчинения. Существующие ситуации интересны для нее очень недолго; интуитиву быстро наскучивают “вещи, как они есть”. Интуиция может разыскивать (“разнюхивать”) возможности, но, чтобы актуализировать их, требуются сфокусированные способности ощущения и мышления.

Так как экстравертная интуиция ориентируется по объекту, то заметна сильная зависимость от внешних ситуаций, однако, род этой зависимости вполне отнимается от зависимости ощущающего типа. Интуитивный человек никогда не находится там, где пребывают общепринятые реальные ценности, но всегда там, где имеются возможности. У него тонкое чутье для всего, что зарождается и имеет будущее. Он никогда не находится в условиях устойчивых, издавна существующих и хорошо обоснованных, имеющих общепризнанную, но ограниченную ценность. Поскольку он всегда пребывает в поисках за новыми возможностями, то в устойчивых рутинных условиях он рискует задохнуться. Правда, он очень интенсивно берется за новые объекты и пути, подчас даже с чрезвычайным энтузиазмом, но как только размер их установлен и уже нельзя предвидеть в дальнейшем их значительного развития, так он тотчас же хладнокровно бросает их, без всякого пиетета и, по-видимому, потом даже не вспоминает о них. Пока существует какая-нибудь возможность, интуитив прикован к ней как бы силой рока.

Главная дилемма для экстравертных интуитивов заключается в том, что сами ситуации, которые, кажется, сулят волнительную свободу, быстро ведут — как только их возможности истощаются — к чувству заточенности, несвободы. Очень тяжело оставаться верным чему-либо сколь-нибудь долгое время. И как только перестает просматриваться возможность дальнейшего развития, интерес данного типа иссякает, и он начинает искать для себя что-то новое.

Отмечается заметный недостаток способности суждения, так как зрелое суждение возникает из хорошо развитых мыслительной и чувственной функций. Но крайне выраженные интуитивы находятся совершенно вне в таяния мыслей или чувств, как своих собственных, так и других людей. В той степени, в какой их видение оказывается всеохватывающим, они становятся равнодушными ко всему остальному. Другие видят их бессердечными эксплуататорами, хотя, в действительности, они попросту слишком односторонне преданы своему типу.

Тем не менее такие люди незаменимы в определенных областях культуры и экономики. Их особые таланты делают их хорошо приспособленными для тех профессии, где сама способность видеть возможности во внешних ситуациях имеет большую ценность. Их можно встретить среди директоров предприятия индустрии, биржевиков аналитиков, в изобретательских фондах, наблюдателями в государственных структурах и т. п. В социальной сфере они обладают сверхъестественной способностью образовывать “правильные” связи.

Когда ориентация данного типа более направлена на людей, нежели на предметы, интуитивы демонстрируют исключительную способность к диагностике потенциальных возможностей человека. Именно они зачастую открывают лучшее в других людях и могут быть превосходными свахами. Никто не может лучше интуитива подбодрить своих близких или воодушевить их на новое дело, даже если он сам бросит его уже на следующий день.

Экстравертный интуитив, работающий в качестве творческого специалиста, психологически хорошо приспособлен видеть коммерческие возможности своего ремесла и добиваться в нем успеха. Творческие люди, как правило, интроверты сами по себе и настолько заняты своим творчеством, что у них нет времени заниматься реализацией продуктов своего творчества. Сама работа отнимает так много энергии, что уже нет никаких сил думать еще и о том, как ее оформить для показа, как организовать рекламу и пр. И здесь очень часто на по мощь приходит экстравертный интуитив. И, естественно, если он занимается этим всю жизнь, то начинает проектировать свою собственную слабую творческую способность в художника, здесь его поджидает опасность потерять самого себя. Рано или поздно такие люди должны обратиться к своей собственном подчиненной функции и к тому, что может из этого получиться.

В этом кроется большая опасность для экстравертных интуитивов, так как они тратят свое время и энергию на возможности, в особенности, на возможности других людей, и никогда ничего не реализуют сами. Они не могут оставаться неизменными, они начинают дело, но не могут поддержать в себе интереса его закончить. По этой причине они часто представляются другим типам как ведущие праздный образ жизни или же как беззаботные искатели приключений. Они имеют видение того, что может быть, но не способны постараться воплотить видимую потенцию в жизнь. Зачастую они начинают дело с нуля и оставляют его на пороге успеха, следовательно, другие пожинают урожай, посеянный ими.

Чем более обнажается крайность данного типа — чем больше эго такого человека идентифицируется со всеми воображаемыми возможностями — тем более активнее становится бессознательное в смысле компенсации.

Мышление и чувство у интуитива сравнительно вытеснены и образуют в бессознательном инфантильно архаические мысли и чувства. Они проявляются в форме интенсивных проекций и оказываются нелепыми, касаются конкретных, квазиреальных вещей, как-то сексуальных, финансовых и других предвосхищений, например, предчувствия болезни.

Другие паталогические симптомы этого типа включают невротические фобии и бессознательную компульсивную (навязчивую) привязанность к ощущению, возникающему от объекта, будь то другой человек или материальные предметы.

Поскольку интровертное ощущение, в данном случае, функция сама подчиненная, то наблюдается заметный раскол между сознанием и собственным телом. Даже “нормальные” экстравертные интуитивы склонны обращать мало внимания на свои физические потребности. Например, они просто не замечают, когда они устали или проголодались. Такая небрежность субъекта, в конце концов, отражается на его здоровье, приводя к различного рода физическим недомоганиям, как реальным, так и воображаемым. [18, с. 74-81]

Интроверсия и четыре функции.

Интровертный мыслительный тип.

Мышление в интровертной установке ориентируется прежде всего субъективным фактором. Фокусируется ли мыслительный процесс на конкретных или абстрактных объектах, его мотивация исходит изнутри.

Внешние факты не являются причиной и целью этого мышления, хотя интровертный мыслительный тип очень часто хотел бы придать своему мышлению такой вид, — но это мышление начинается в субъекте и приводит обратно к субъекту, даже если оно делает широкие экскурсии в область реальных фактов. Такое мышление выдвигает вопросы и теории, открывает перспективы и направляет взор вглубь, но к фактам оно относится со сдержанностью. Оно принимает их в качестве иллюстрирующих примеров, однако, последние не должны преобладать. Оно собирает факты лишь в качестве доказательств, но никогда не ради них самих. Для этого мышления факты имеют второстепенное значение, а преобладающую ценность имеет для него развитие и изложение субъективной идеи, изначального символического образа, который более или менее туманно вырисовывается перед его внутренним взором.

Интровертные мыслители, по определению, не являются практически мыслящими, они склонны быть теоретиками. Интенсивность, напряженность, сила и энергия — вот их цель, а не экстенсивность, не распространение. Они следуют своим идеалам, обращенным внутрь, а не наружу.

Недостаток ориентации на внешние факты, интровертные мыслительные типы легко компенсируют в мире фантазии. Их субъективная ориентация может свратить на создание теорий ради самих теорий, с очевидностью, основанных на реальности, но в действительности привязанных к внутреннему образу.

Как и следовало бы ожидать эти типы склонны проявлять безразличие к мнениям других. В той степени, в какой они не поддаются влиянию, они не стремятся влиять и на других. Они лишь представляют свою оценку реальности — как ее видят — и совершенно не заботятся о том, как это будет воспринято.

Самым слабым местом у данного чипа является подчиненная функция, т. е., экстравертное чувство, связанное с внутренним миром мыслей и идеалов, оно склонно быть рассеянным, забывчивым к объективным требованиям, скажем, межличностных взаимоотношений. Это не значит, что такие люди не любят, но они попросту в затруднении, не зная, как это выразить. Их чувства стремятся быть причудливыми и капризными — сами типы часто не знают вообще, что они чувствуют — но когда эти чувства оказываются на поверхности, обычно зараженные аффектом, то могут стать непреодолимыми и неконтролируемыми. (В таких

случаях бывает необходимо различать между эмоциональной реакцией и чувством, как функцией психологической).

Такое бессознательное чувство может быть восхитительным и удивительным, равно как и совершенно тягостным, когда оно направлено на другое лицо.

Юнг отмечает: Интровертный мыслительный тип находится под решающим влиянием идей, которые вытекают, однако, не из объективно данного, а из субъективной основы. Он, как и экстравертный, будет следовать своим идеям, но только в обратном направлении, — не наружу, а вовнутрь. Он стремится к углублению, а не к расширению. По этому качеству он в высшей степени отличается и характеристически от параллельного ему экстравертного случая. То, что отличает другого, а именно, его интенсивная отнесенность к объекту, отсутствует у него иногда почти совершенно, как, впрочем, и у всякого интровертного типа. Если объектом выступает человек, то этот человек ясно чувствует, что он, собственно говоря, фигурирует здесь лишь отрицательно, т. е., в более мягких случаях, он просто чувствует себя лишним, в более крайних случаях он начинает понимать, что его, просто отстраняют. Это отрицательное отношение к объекту, — от безразличия до устранения, — характеризует всякого интровертного и делает само описание интровертного типа вообще крайне затруднительным. В нем все стремится к исчезновению и к скрытности.

Случайные знакомые интровертных мыслителей могут посчитать их невнимательными к другим и высокомерными, но те, кто понимает и принимает проницательный ум, оценит их дружбу весьма высоко. В поисках своих идей они обычно упрямы, не податливы для каких-либо влияний. Это сильно контрастирует с их суггестивностью (внушаемостью) в личных вопросах; как правило, они совершенно наивны и доверительны, так что другим ничего не стоит захватить у них преимущество и пальму первенства.

Поскольку они скупы на внимание к внешней реальности, то данный тип вошел в поговорку как “рассеянный профессор”, или “забывчивый Иван”. Определенный шарм такого качества уменьшается по мере того, как его носители становятся однодумцами, прикованными к собственным идеям или внутренним образам. Тогда их убеждения делаются жесткими, негнушимися, а суждения холодными, капризными, непоколебимыми. В самом крайнем случае они могут

утратить всякую связь с объективной реальностью и совершенно изолироваться от друзей, семьи и коллег.

Дальнейшее психологическое развитие подавляется и — обычно положительный — мыслительный процесс узурпируется бессознательными эффектами других функций: ощущением, интуицией и чувством. В норме они представляют здоровую компенсацию одностороннему мышлению. Но в крайних проявлениях, где их компенсаторному влиянию противостоит сознание, целостная личность искажается негативностью и примитивным аффектом, горечью, сверхчувствительностью и мизантропией. [18, с. 90-96]

Интровертный чувствующий тип.

Чувство в интровертной установке принципиально определяется субъективным фактором. Данный тип труден для понимания, поскольку мало что появляется на его поверхности. Согласно Юнгу, к таким людям применимо выражение “тихие воды текут глубоко”. В той степени, в какой они оказываются односторонними, они кажутся совсем бесчувственными и бессмысленными. Здесь легко впасть в неправильное понимание, посчитав это, с одной стороны, холодностью или безразличием, а с другой — глупостью.

Юнг описывает цель интровертного чувства как “не приспособить себя к объекту, а подчинить его себе в бессознательном усилии реализовать лежащие в нем образы”:

Поэтому оно [интровертное чувство] постоянно ищет образ, который в действительности не существует, но который оно представляет в своем видении. Это чувство как бы без внимания скользит над объектами, которые никогда не соответствуют его цели. Оно стремится к внутренней интенсивности, для которой объекты, самое большее, дают некоторый толчок. Глубину такого чувства можно только предугадать, — но ясно постигнуть нельзя. Интровертное чувство делает людей молчаливыми и труднодоступными; ибо оно подобно мимозе, — сморщивается от грубости объекта, чтобы заполнить сокровенные глубины субъекта. Для обороны оно выдвигает отрицательные чувственные суждения или глубокое равнодушие.

Так как интроверсия данного типа подавляет внешнее выражение, такие люди редко высказываются по поводу того, что они чувствуют.

Интровертные чувствующие типы, например, очень часто образуют этический костяк группы; не раздражая других моральными или этическими поучениями, они сами несут в себе такие правильные стандарты этических ценностей, которые они незримо эманерируют, оказывая, тем самым, положительное влияние на окружающих. И любой вынужден или обязан вести себя корректно, поскольку они владеют мерой ценностного стандарта, который всегда суггестивно принуждает человека быть приличным и сдержанным в их присутствии. Их дифференцированное интровертное чувство видит “в уме” то, что действительно является важным фактором.

Люди данного типа не блистают и не стремятся обнаруживать самих себя. Их мотивы, если таковые имеются, в большинстве случаев остаются глубоко запрятанными. Они несут в себе загадочную атмосферу независимости, самостоятельности. Они склонны избегать вечеринок и больших собраний, не потому что они судят тех, кто ходит на них, как незначительных или неинтересных, но просто из-за того, что их оценочная чувственная функция немеет, когда в одно и тоже время появляется слишком много людей. Юнг пишет:

В большинстве случаев они молчаливы, труднодоступны, непонятны, часто скрыты под детской и банальной маской, нередко также отличаются меланхолическим темпераментом. Так как они преимущественно отдают себя руководству своего субъективно ориентированного чувства, то их истинные мотивы, в большинстве случаев, остаются скрытыми. Вовне они проявляют гармоническую ступенчатость, приятное спокойствие, симпатичный параллелизм, который не стремится вызвать другого, произвести на него впечатление, переделать его или изменить. Если эта внешняя сторона выражена несколько ярче, то возникает легкое подозрение в безразличии или холодности, которое может дойти до подозрения в равнодушии к радостям и горестям других. Тогда ясно чувствуется отворачивающееся от объекта движение чувства. За настоящими эмоциями объекта данный тип не следует, он подавляет их и отклоняет или, лучше сказать, “охлаждает” их отрицательным суждением чувства. Хотя и имеется постоянная готовность спокойно и гармонично идти рука об руку, тем не менее, к объекту не обнаруживается ни любезность, ни теплая предупредительность, а проявляется отношение, которое кажется безразличным: холодное, подчас даже отклоняющее обращение. Иногда объект начинает чувствовать, что все его существование излишне. По отношению к

какому-нибудь порыву или проявлению энтузиазма этот тип сначала проявляет благосклонный авторитет, иногда с легким оттенком превосходства и критики, от которого у чувствительного объекта легко опускаются крылья. Напористая же эмоция может быть подчас, резко и убийственно холодно отражена, если только она случайно не захватит индивида со стороны бессознательного, т. е., иными словами, не оживит какой-нибудь, окрашенный чувством исконный образ и тем самым не полонит чувство этого типа.

Интровертное чувство имеет противовесом примитивное подчиненное мышление, склонное быть пониженным — конкретным, рабски ориентированным на факты. Фактически это нормальная и здоровая компенсация, которая работает, чтобы смягчить и уменьшить важность субъекта, так как этот тип так же склонен к эгоцентризму, как и другие интровертные типы.

Оставаясь бесконтрольным, эго интроверта способно присваивать себе всю полноту личности. В этом случае, пишет Юнг, “таинственная сила интенсивного чувства превращается в банальное и претенциозное властолюбие, тщеславие и тираническое принуждение”. Там, где подсознательные компенсаторные процессы полностью подавлены, бессознательное мышление становится открыто враждебным и негативным, и оказывается спроектированным в окружающую среду. [18, с. 97-101]

Интровертный ощущающий тип.

В интровертной установке ощущение изначально основано на субъективном компоненте восприятия. Хотя сама его природа делает его зависимым от объективных стимулов, ощущаемый объект стоит на втором плане по отношению к ощущающему субъекту.

Интровертный ощущающий тип напоминает высокочувствительную фотографическую пластинку. Физическая чувствительность к объектам и другим людям включает каждую малейшую тень и деталь как они выглядят, как они чувствуют прикосновение, их вкус и запах, и звуки, которые они издают.

Когда кто-нибудь входит в комнату, такой тип замечает манеру, с которой человек вошел, волосы, выражение лица, одежду, походку человека каждая деталь усваивается. Впечатление переходит от объекта к субъекту, как будто камень упал в глубокую воду — впечатление падает глубже и глубже, и тонет. Внешне интровертный ощущающий тип выглядит крайне глупо. Он просто сидит

установившись, и вы не знаете, что происходит внутри него. Он выглядит как кусок дерева без какой-либо реакции, но внутренне впечатления усваиваются. Быстрые внутренние реакции продолжаются внизу, а внешний ответ приходит со значительной задержкой. Это те самые люди, которые, услышав утреннюю шутку, начинают смеяться в полночь.

Интровертные ощущающие типы, если они художники творцы, обладают способностью вносить жизненные картины в живопись или литературу.

Юнг пишет: субъективное ощущение больше постигает глубокие планы психического мира, чем его поверхность. Решающей вещью является не реальность объекта, а реальность субъективного фактора, а именно, реальность изначальных образов, которые в их совокупности представляют из себя психический мир зеркальных отображений. Но такое зеркало обладает своеобразным свойством — изображать наличные содержания сознания не в знакомой и привычной нам форме, но, в известном смысле, с точки зрения вечности, т.е., примерно так, как видело бы их сознание, прожившее миллион лет. Такое сознание видело бы становление и исчезновение вещей одновременно с их настоящим и мгновенным бытием, и не только это, но одновременно и другое, — то, чтобы то до их возникновения и будет после их исчезновения. Настоящий момент является для этого сознания неправдоподобным. Само собою разумеется, что это лишь уподобление, которое, однако, мне нужно для того, чтобы хотя бы до некоторой степени наглядно пояснить своеобразную сущность интровертного ощущения. Последнее передает образ, который не столько воспроизводит объект, сколько покрывает его осадком стародавнего и грядущего субъективного опыта. От этого простое чувственное впечатление развивается в глубину, исполненную предчувствий.

Без способности к художественному выражению, впечатления погружаются в глубины психического и держат сознание зачарованным, в собственном плену. Поскольку мышление и чувство также относительно бессознательны, впечатления внешнего мира организуются только архаическим путем. Способности рационального суждения о вещах либо очень мало, либо она вовсе отсутствует. Такой человек, согласно Юнгу, “лишь с чрезвычайным трудом доступен для объективного понимания, да и сам он в большинстве случаев относится к себе без всякого понимания”.

Подчиненная экстравертная интуиция этого типа, имеет очень нечистое, жуткое, мрачное, сверхъестественное, фантастическое качество, занятое безличностным коллективным внешним миром. Ощущение имеет тенденцию фактически подавлять интуицию, поскольку она вмешивается в восприятие конкретной реальности. Следовательно, интуиция у данного типа, когда она проявляется, носит архаический характер.

Архаически экстравертная интуиция обладает способностью пронюхать все двусмысленное, темное, грязное и опасное на задних планах действительности. Перед этой интуицией — действительное и сознательное намерение объекта не имеет никакого значения, ибо она подозревает за ним все возможности архаически предшествующих ступеней такого намерения. Поэтому в ней есть нечто прямо-таки опасно подкапывающееся, что нередко стоит в самом ярком контрасте с доброжелательной безобидностью сознания.

Интровертные ощущающие типы более склонны иметь темные профетические фантазии о том, что может случиться во внешнем мире — с их семьей или “с человечеством”. Они также склонны, к душеизвергающим озарениям (инсайтам), которые противоречат их обычной заземленной природе.

Аккуратная в регистрации физической реальности, ощущающая функция склонна быть медлительной, вялой, инертной. В той степени, в какой другие функции бессознательны, этот тип легко увязает в привычной рутинной колее текущего момента. Настроенные на то, чтобы быть здесь и теперь, на то, что есть, люди этого типа испытывают огромные трудности, пытаясь вообразить, что могло бы быть, сами возможности, представляющие естественное поле деятельности для интуитива.

До тех пор, пока ощущающий тип не будет держаться слишком в стороне от объекта, пишет Юнг, — “бессознательная установка действует, как благотворное компенсирование к установке сознания, которая является несколько фантастичной и склонной к легковерию”:

Но как только бессознательное становится в оппозицию к сознанию, архаические интуиции всплывают на поверхность и развивают свое пагубное влияние, насильственно навязываясь индивиду и вызывая у него навязчивые идеи самого отвратительного толка. Возникающий из этого невроз есть обыкновенно

невроз навязчивости, в котором истерические черты замаскированы симптомами истощения. [18, с.103-109]

Интровертный интуитивный тип.

Интровертная интуиция направлена на содержания бессознательного. Хотя она и может стимулироваться внешними объектами, пишет Юнг, “но сама по себе совершенно не озабочена внешними возможностями, а фокусируется на том, что было вызвано внешним внутри субъекта”. Интровертный интуитив видит происходящее за сценой, устремляет туда свой взор, очаровывается теми внутренними образами, которые приносятся в его жизнь.

Интровертный интуитивный тип, обладает сверхобычной способностью вынюхивать будущее, еще не проявленные возможности и ситуации. Интуиция направлена вовнутрь, следовательно, такие люди прежде всего обнаруживаются среди видящих (сиеров) и пророков, поэтов, художников — среди первобытных людей таковыми являются шаманы, которые передают сообщения от богов своему племени.

На более светском уровне люди-этого типа склонны быть мистическими мечтателями. Общаются они с трудом, постоянно пребывая в недоразумении и имея недостаточно хорошее суждение, как о себе, так и о других; ничего не доводят до конца. Они “переходят от образа к образу, - пишет Юнг, — гоняясь за всеми возможностями, заключенными в творческом лоне бессознательного, не устанавливая никаких связей между явлением и собой”.

Этот тип особенно расположен пренебрегать обычными физическими нуждами. Такие люди мало осведомлены о своем собственном телесном существовании или о его воздействии на других. Часто оказывается, что реальность для них совершенно не существует — они просто затеряны в бесплодных фантазиях.

Характерно, что интровертные интуитивы имеют смутное представление о подробностях “реального” мира. Они легко теряются в незнакомых городах; вечно кладут свои вещи не на место; забывают прийти на назначенную встречу; редко приходят вовремя; приезжают в аэропорт в самую последнюю минуту. Их рабочая среда обитания обычно находится в беспорядке; они не могут отыскать нужную бумагу, необходимые принадлежности, чистую одежду. Редко, когда что-то вокруг них оказывается в чистоте и порядке. Они имеют привычку доводить дело до конца

кое-как, в зависимости от терпения и добрых намерений друзей, ориентированных на ощущение.

Их поведение часто, в лучшем случае, раздражает другие типы, в худшем, — становится для них тягостным. Сами же они остаются беззаботными и равнодушными, отговариваясь, при соответствующем нажиме, что “детали не такое уж важное дело”.

Равнодушие этого типа к осязаемой реальности очень легко истолковать неправильно, как безразличие, с одной стороны, и неверность, с другой. Они верны не внешним фактам, а внутренним образам. Они могут неосознанно солгать, но их память или воскрешение события едва ли совпадает с так называемой объективной реальностью. В своих крайних проявлениях человек данного типа делается совершенной загадкой для друзей, и, в конечном счете, — поскольку они не чувствуют, что их ценят и к их мнению прислушиваются, — друзья имеют все основания постепенно исчезнуть с горизонта.

Если посмотреть с высшей точки зрения, то такие люди являются живыми свидетелями того факта, что богатый и полный движения мир, и его бьющая через край упоительная и пьянящая жизнь живут не только вовне, но и внутри. Конечно, такие типы суть лишь односторонние демонстрации природы, но они поучительны для того, кто не позволяет духовной моде данного момента ослеплять себя. Люди такой установки являются своего рода двигателями культуры и ее воспитателями. Их жизнь поучает большему, чем их слова. Жизнь людей данного типа и не в последней степени их величайший недостаток — неспособность к нормальному общению, — объясняет нам одно из великих заблуждений нашей культуры, а именно, суеверное отношение к слову и изображению, безмерную переоценку обучения путем слов и методов. [18, с.110-115]

Любая система типологии не более, чем грубый показатель того, что имеется общего у людей, и какова разница между ними. Юнговская модель в этом смысле — не исключение. Она отличается лишь своими параметрами — две установки и четыре функции. То, чего она не делает и не может продемонстрировать, и даже не может на это претендовать, — это выявить уникальность индивида, его особенность.

Ни один человек не представляет тип в чистом виде. Было бы глупо даже пытаться свести индивидуальную личность к тому или иному типу, словно ту или

иную вещь. На языке юнговской модели каждый из нас составляет конгломерат, смесь установок и функций, которые в своей комбинации не поддаются классификации. Все это не только признается самим Юнгом, но многократно и настойчиво им утверждается. Невозможно дать описание типа, — неважно, насколько полное, — которое было бы применимо более, чем к одному индивиду, несмотря на тот факт, что, некоторым образом, оно способно характеризовать тысячи других. Сходство — это одна сторона человека, его уникальность, неповторимость — другая, — но вовсе не устраняет практической ценности его модели, в особенности, в клинических ситуациях, где человек пребывает в затруднении — “на мели” — по поводу своей собственной психологии. Без определенного рода модели мы вынуждены попросту дрейфовать в трясине индивидуальных мнений — потерявшись в джунглях без компаса. [18, с.116]

ЮНГОВСКИЙ АНАЛИЗ

Юнговский анализ — это долгосрочные, насыщенные полемическим содержанием диалектические взаимоотношения между двумя людьми: аналитиком и пациентом. Эти взаимоотношения направлены на исследование бессознательного у пациента, на изучение содержаний и процессов этого бессознательного с целью облегчения психического состояния, которое нельзя больше считать удовлетворительным, поскольку оно препятствует нормальному течению сознательной жизни. Проявляющееся расстройство может быть невротическим по характеру или служить выражением более глубоких психотических тенденций. Начав с лечения самого расстройства, юнговский анализ потом может включить в себя практику содействия индивидуации. Но элементы этой практики, может, удастся, а может, и не удастся объединить так, чтобы пробудить подлинный процесс индивидуации. Проводя различие между анализом и психотерапией, практикующий аналитик должен отличать их по критериям интенсивности, глубины, частоты сеансов и продолжительности работы наряду с оценкой психологических возможностей и ограничений пациента. [5, с.20]

В 1929 г. Юнг писал о четырех аспектах анализа, которые он рассматривал как «стадии» аналитического лечения. Эти четыре стадии не обязательно следуют друг за другом, но они характеризуют различные стороны аналитической работы.

Первая из четырех стадий — катарсис, или очищение. Юнг говорил о ней как о современном варианте древней практики исповеди и связывал с обрядами и действиями инициации. Чтобы высказать все то, что накопилось, чтобы «отвести», что называется, душу другому, человек должен прорваться сквозь личную защиту, границу и невротическую изоляцию, прокладывая таким образом путь к новой ступени духовного роста и другому состоянию.

Вторую стадию Юнг определял как разьяснение. Здесь раскрываются связи с бессознательными процессами, и узнавание этих связей приводит заметному изменению исходной установки, требуя от индивида определенного жертвоприношения, отречения от верховенства сознательной части интеллекта.

Третья стадия — воспитание, стадия «вытягивания» пациента навстречу новым возможностям, что само по себе близко психоаналитической иде работы с пациентом через (часто очень длительный) процесс интеграции.

Четвертая стадия — этап трансформации, преобразования. Не следует думать, что трансформация относится только к пациенту. Аналитик тоже должен изменять или трансформировать свои установки, свое отношение к происходящему для того, чтобы полноценно взаимодействовать со своим меняющимся пациентом. Юнг настаивал на том, что взаимоотношения при анализе нельзя рассматривать в терминах медицинской или технической процедуры. Он относился к анализу как к «диалектическому процессу», имея в виду равное вовлечение обоих участников в двустороннее взаимодействие между ними. Поэтому аналитик не может просто пользоваться своим влиянием, каким бы авторитетом он не обладал: аналитик столь же глубоко вовлечен в лечение, как и пациент, и решающую роль в успехе здесь будут играть не столько его знания врача, сколько его развитие как личности. По этой причине Юнг первым ввел обязательный учебно-тренировочный анализ для всех желающих профессионально заниматься анализом. [13, с.22]

ПЕРЕНОС И КОНТРПЕРЕНОС

Как и во всей аналитической терапии, наиболее важной функцией является перенос и контрперенос, то есть все, что чувствуется, во что верится, что проецируется и интроецируется в отношениях между пациентом и терапевтом. Перенос — это «мост жизни» между я и другим, между прошлым, настоящим и будущим, между, с одной стороны, бессознательным, представляющим из себя отколотые части психики, и, с другой стороны, сознательным и рациональным. Другими словами, перенос создает «присутствующее прошлое». С помощью процесса проекции персоны и персонажи реальные, исторические, фантазийные или архетипические, представлявшие внутренний мир пациента в прошлом, накладываются на или вкладываются в терапевта. Таким образом, при переносе страхи, надежды, стремления, настроения и чувства, которые были пережиты, но затем утрачены — подавлены, отрицаемы — вновь проявляются, открываются и переживаются. [5, с.321]

Акцент Юнга на отношение равенства между врачом и пациентом отчасти идеалистичен, скорее здесь предпочтительнее говорить об аналитической взаимозависимости: признавая эмоциональную вовлеченность аналитика, мы в то же время сознаем, что роли обоих участников процесса все же неодинаковы.

Согласно Юнгу, аналитик занимает гибкую позицию по отношению к ходу лечения и эволюции взаимоотношений при анализе. Большое значение придается необходимости учиться у пациента и приспосабливаться к его психической реальности. Юнг сосредоточен на том, что теперь бы назвали реальными взаимоотношениями или терапевтическим содружеством аналитика и пациента, которое отличимо от явлений переноса и контрпереноса. В современном психоанализе существует сходное направление мысли, где особо выделен не-невротический, рациональный разумный контакт между аналитиком и пациентом, обеспечивающий им возможность целенаправленно работать в аналитической ситуации.

Отношение Юнга к переносу было весьма неоднозначным. С одной стороны, перенос рассматривался им как характерная, всегда неизбежная черта анализа,

которая в смешении возвышенного и низменного приносит значительную терапевтическую пользу.

С другой стороны, перенос иногда рассматривался исключительно как нечто эротическое, как «помеха» («вы лечите несмотря на перенос, но не благодаря ему»). Сложное отношение Юнга к переносу отразилось в многообразии школ аналитической психологии, появившихся после его смерти в 1961 г. Некоторые аналитики считают, что анализ переноса только отвлекает от более важных объяснений символического содержания материала пациента. Другие усматривают в нем возможность обнаружить те детские травмы или «утраты», которые продолжают «работать» у пациента и во взрослом состоянии. Эти другие не только не стремятся преодолеть перенос в интересах «реальности», но даже позволяют ему стать глубже и работают с ним и в нем. Не так давно это разделение стало менее заметным, так как практикующие психотерапевты поняли, что анализ содержания (символы) и анализ процесса (перенос) — это две стороны одной медали.

Концепция переноса, возникшая в аналитической психологии, существенно отличается от бытующей в психоанализе. Юнг выделял в переносе личные и архетипические компоненты аналогично личному и коллективному бессознательному. Личностный перенос включал не только те аспекты взаимоотношений пациента с фигурами из прошлого, такими, как, например, родители, образы которых он переносит на аналитика, но и свой индивидуальный потенциал и свою Тень. Это означает, что аналитик несет в себе и олицетворяет для пациента те стороны его психического, которые в нем, в пациенте, еще не проявились в полной мере, а также те аспекты его личности, от которых сам пациент, скорее всего, отречется. Архетипический перенос имеет два значения. Во-первых, это проекции переноса, базирующиеся не на личном, внешнем — общественном и природном — опыте пациента. К примеру, бессознательная фантазия может представить аналитика магическим целителем или угрожающей сатанинской фигурой, и этот образ будет иметь большее воздействие, чем реалии повседневного опыта.

Второй аспект архетипического переноса относится к обычно ожидаемым результатам анализа, к тому, как сам анализ сказывается на взаимоотношениях пациента и аналитика. В анализе аналитик для понимания пациента приближается к

своему собственному бессознательному и сталкивается здесь с тем, что превращает его в раненого целителя. Здесь свое влияние оказывает собственный анализ; представляет начальную стадию осознания пациентом своих проблем, чему мешает сопротивление самого пациента и его увлеченность собственной персоной; и отражают влияние аналитического взаимоотношения на бессознательную жизнь каждого участника; межличностное общение ведет участников процесса к определенной конфронтации с возможными изменениями в структуре личности; предполагает прямую связь между бессознательным аналитика и пациента. Последнее предположение подводит фундамент под различные представления о контрпереносе. Юнг чувствовал, что в алхимии он нашел подходящую и убедительную метафору для этой составляющей архетипического переноса. [13, с.22-24]

Когда аналитик и пациент впервые встречаются для того, чтобы взаимно оценить друг друга, очень вероятно, что какая-то часть их коммуникации управляется переносом. Но на протяжении большей части сессии они общаются друг с другом как взрослый со взрослым. Пациент изучает личность и профессионализм аналитика, он ищет ключи к характеру аналитика в расположении комнаты и особенно в ее обстановке, вещах и книгах. Манера аналитика проводить интервью говорит о его профессионализме, намерениях, чувствительности и эмпатии.

Задача аналитика – не только войти в глубокий контакт с болью пациента, но и найти сильные стороны и возможности личности пациента, которые могли бы помочь выдержать практические и эмоциональные требования, предъявляемые анализом. К числу сильных сторон и возможностей личности пациента нужно отнести его желание продолжать анализ несмотря на то, что дальнейшее продвижение вперед приносит боль, и чувства ненависти, гнева и разочарования заполняют аналитическое пространство. Как говорил Юнг:

«*Ars requirit totum hominem*» («Искусство требует всего человека») – читаем мы в старинном трактате. Это в высшей мере верно для психоаналитической работы.

Сказанное выше относится как к пациенту, так и к аналитику. Этот аспект их отношений стал известен как «терапевтический альянс», союз, заключаемый между сознательными, взрослыми частями обеих сторон главным образом в интересах

развивающегося поля сознания пациента и усиления его сознательного выбора по мере продвижения анализа. [5, с.214-215]

Это глубина и таинственность переноса может привести к его игнорированию в начальном периоде юнгианской работы – т. е. аналитик просто принимает его силу и эффективность, ибо знает, что в работе происходит трансформация. Аналитические отношения предполагаются в качестве того самого основания, на котором возможно осознание и, следовательно, возникающая трансформация, ведущая к целостности. Но это возможно и в индивидуальной психике: в любом случае, при анализе или без него, благодаря интроспекции и осознанию себя процесс индивидуации происходил. И любое событие – «внутреннее» или «внешнее» – понимается как «зерно на мельницу» этого процесса. Все происходящее служит основанием психологического роста, и когда планируются перерывы в аналитических сессиях, потому что наиболее важные события происходят в отпуске.

То, что работа по достижению целостности отражена в алхимическом символизме, следует из постоянно обнаруживаемого в ее образах конъюнкции (соединения противоположностей): бракосочетание солнца и луны, огня и воды, короля и королевы. Последний образ конъюнкции составляет основу учения Юнга о внутренних процессах переноса, того таинственного и уникального процесса, в который облекается работа индивидуации, происходящая при анализе. Перенос не является ни односторонним событием, ни просто проекцией родительских образов клиента на аналитика. На самом деле, это поистине символическое событие, в котором происходит обмен между его участниками, заключается внутренний «брак», приводящий, вероятно, к новому, третьему существу, заключающему в себе обе индивидуальности и даже превосходящему их. [5, с.153]

Юнг был одним из пионеров терапевтического использования контрпереноса. До 50-х годов психоаналитики, следуя Фрейду, рассматривали контрперенос как нечто невротическое, как активацию детских конфликтов аналитика и помеху его действиям. В 1929 г. Юнг писал: «Вы можете не оказать никакого влияния, если сами невосприимчивы к влиянию... Пациент воздействует [на аналитика] бессознательно... Наиболее известный симптом такого рода — это контрперенос, вызванный переносом». В итоге Юнг определял контрперенос как «очень важное средство информации» для аналитика. [13, с.24]

Юнг говорит о контрпереносе разными способами. В своих ранних работах он описывает его в прямолинейной клинической манере. Позже он акцентирует важность эмоциональной вовлеченности и аналитика и пациента в трансформирующий их обоих архетипический процесс. Юнг освещал это сложное аналитическое взаимодействие с помощью идей и примеров из химии, антропологии, алхимии, медицины (инфекция, заражение), мифологии и шаманского исцеления («раненый врач»), а также восточной религии (даосизм — «заклинатель дождя»). В дополнение к тем областям, где вовлеченность аналитика прямо утверждается или подразумевается, идеи Юнга об интуиции, эмпатии, интерпретации сновидений на объективном уровне, аналитическом стиле или синхронии также содержат в себе понимание значения контрпереноса.

Что касается его раннего отношения к контрпереносу, Юнг был первым аналитиком, настаивавшим на том, что аналитики должны сами пройти анализ, прежде чем начинать практическую работу.

Первое — это идея о том, что пациент может продвинуться лишь настолько, насколько эффективно прошел анализ сам аналитик. В негативном смысле это означает, что «слепые пятна» аналитика способны ограничивать или даже уводить в сторону ход лечения. Таким образом, терапевт «в той же степени отвечает за чистоту своих рук, что и хирург». Здесь имеется в виду даже не столько ограничение, сколько опасность — аналитик может занести инфекцию пациенту во время психологической хирургии. Он может сделать его больным.

Но Юнг говорит больше. Динамический и потенциально позитивный аспект образа «чистых рук» состоит в том, что пациент идентифицируется с аналитиком на глубоко личном уровне. Юнг раскрывает «открытый секрет», что пациенты каким-то образом глядят «в душу» аналитика, обнаруживая, таким образом, как аналитик сам справляется со своими проблемами, и использует ли он на практике то, что проповедует.

Юнг тут говорит об очень тонком психологическом взаимодействии между аналитиком и пациентом. Эта идея затем была расширена и переработана в его более поздних трудах. Обладая настроенной на аналитика «эмпатией», пациент может почувствовать некоторые вещи, касающиеся аналитика и его внутреннего мира. Таким образом, Юнг имеет в виду, что эмоциональная вовлеченность аналитика

неизбежна, хотя и потенциально опасна. Более того, он утверждает, что эта деликатная вовлеченность имеет важное значение для «разрешения переносной» стадии анализа. Соответственно, он также впервые говорит о том (и позднее будет говорить об исключительной важности этого обстоятельства), что «личность аналитика является одним из главных факторов лечения».

Эти первые предположения стали краеугольным камнем отношения Юнга к контрпереносу. На основе идеи учебного анализа и необходимости иметь «чистые руки» возникает более позднее положение Юнга о том, что во время лечения «врач настолько же в анализе, как и пациент». Таким образом, учебный анализ переходит в непрерывное обучение, происходящее на каждой сессии. Признание того, что пациент может интуитивно почувствовать, как сам аналитик обращается со своими проблемами, приводит к выводу, что аналитик не должен, да в действительности он и не может, избегать эмоционального воздействия пациента. Описывая «взаимовлияние» аналитика и пациента, Юнг отмечает, что основанная на персоне «дымовая завеса отцовского или профессионального авторитета» лишь удерживает аналитика от использования «крайне важного органа информации» т.е. его контрпереноса. [10, с.18-20]

Такова судьба аналитика — быть психологически зараженным пациентом, и это просто следует принять как факт. Другими словами, в юнгианском анализе обычно ожидается возникновение сильного контрпереноса. Аналитик должен суметь привнести в анализ не только свою восприимчивость, но также профессиональные навыки и свою (надо надеяться) относительно здоровую душу. Временами аналитик также будет испытывать смятение, физическую угрозу, чувствовать себя захваченным тем же «туманом», что и пациент (туманом, который теперь окутал и аналитика). [10, с.23]

Юнг развивает тему контрпереноса, заметно перенося акцент с «чистоты рук» на уязвимость аналитика. Уже более не открытость, «психическое здоровье» или «знание» аналитика является главной детерминантой; скорее «мерой его способности лечить служит его собственная раненость». Юнг впервые приводит миф об Асклепии, — «раненом враче», в котором есть мотив целителя с неизлечимой раной, и как показывает цитата Юнга, парадоксальным образом именно эта рана необходима для его целительского дара. [10, с.25]

Юнг возвращается к архетипу «раненого целителя» в своей последней большой работе, *Mysterium Coniunctionis* (1955—56), и в своей автобиографии, где он делает своего рода окончательный вывод: «Только раненый врач лечит». В этой поздней работе Юнг впервые предлагает нам примеры и простой практический совет по контрпереносу. «Терапевт должен все время наблюдать себя», — говорит Юнг, — «как он реагирует на своего пациента». Его ранние выражения протеста по поводу того, что аналитики сопротивляются влиянию пациентов, теперь становятся прямыми рекомендациями: «Что значит для меня данный пациент? ...врач эффективен только тогда, когда он чувствует себя лично затронутым». Важно, чтобы терапевт и пациент «стали проблемой друг для друга». Можно прочесть эти слова почти как предписание контрпереноса. [10, с.26]

Внутренний мир аналитика является *via regia* (царской дорогой) во внутренний мир пациента». И аналитик, и пациент вносят свой вклад и являются частью общего образного мира, в котором телесные реакции, чувства и фантазии могут рассматриваться как метафоры. [5, с.239]

Сложность контрпереноса во многом связана с тем, что терапевт берет на себя несколько или все бессознательные состояния пациента одновременно. [10, с.86]

Бессознательное пациента не только индуцирует и заражает аналитика, оно способно видеть его насквозь. Именно в этом причина того, что трудным пациентам иногда приписываются особые качества: они обладают сверхъестественной, шокирующей нас способностью обнаруживать слабости аналитика. Иногда это вопрос выдержки. Как говорит Юнг: «Трудные случаи — это настоящие испытания». Готовность и склонность терапевта к определенным переживаниям может быть использована пациентом, зачастую очевидно безжалостно. [10, с.77]

Чем лучше учебный анализ, тем больше широта и глубина эмоционального отклика и понимания себя. Нужно отказаться, к примеру, от такой цели как устойчивая свобода от зависти, или вины, или чего бы то ни было... Человек в ходе созревания или выздоровления в процессе психоанализа не становится свободным от чувств; напротив, человек становится способным гораздо более свободно переживать любые чувства.

Это не означает, что патологические комплексы аналитика не следует обуздывать и прорабатывать. Но это означает, что они никогда не прорабатываются

полностью, и иногда могут вновь конstellлироваться под воздействием бессознательного пациента. Кроме того, возможно (и даже весьма вероятно в рамках юнгианской теоретической модели) что ранее не поддававшийся осознанию материал может в любое время возникнуть из бессознательной матрицы.

Ни один анализ не способен убрать все бессознательное навсегда. Аналитик должен никогда не переставать учиться, и не забывать, что каждый новый случай выносит на свет новые проблемы и пробуждает бессознательные идеи, никогда ранее не возникавшие.

Работа, основанная на контрпереносе, по крайней мере, те ее виды, которые ориентируются на «взаимную трансформацию», в значительной степени основываются на отношении такого рода. Можно сказать, что трансформация происходит там, где не только пациент чувствует, что у него есть проблемы, но где и аналитик чувствует то же самое.

Внутри аналитика происходит нечто вроде параллельного движения вглубь и иногда параллельного замешательства. Таким образом, источник трансформации для аналитика заключается не просто в использовании своего знания себя через тщательный самоанализ, но в том, чтобы по-настоящему стать «используемым» клиентом. Для этого нужно нечто большее, чем эмпатия, основанная на временной идентификации, сколь бы глубокой она не была. Аналитик должен каким-то образом почувствовать, что и у него есть проблемы, или, по крайней мере, что он разделяет с пациентом его проблему. [10, с.160-161]

Чем более «личностным» станет контрперенос, тем больше пользы для исцеления он сможет принести. Если говорить в юнгианских терминах: для того, чтобы работа «раненого целителя» была целительной, аналитик должен быть по-настоящему ранен пациентом, и чем глубже, тем лучше. [10, с.162]

Пациент должен найти или создать области «ранености» внутри аналитика, параллельные своим. Пациент делает это не сознательно. Это выглядит так, как будто бессознательное хочет привнести раны пациента прямо в аналитическую ситуацию, или индуцировать эмпатический отклик «здесь и сейчас», обходя «замещающую интроспекцию» аналитика.

Похоже, что это процесс, происходит на более глубоком уровне, чем простая эмпатия. Помимо сдвига в фокусе (от пациента к аналитику), раны контрпереноса

часто отличаются от эмпатии эмоциональным тоном, специфичностью или глубиной. Рана контрпереноса может обеспечивать основу для эмпатии, но обычное эмпатическое состояние кажется более поверхностным и менее «зацепленным крючком». Эмпатию обычно легче переживать, нежели контрперенос. Хотя интроективную идентификацию с пациентом можно считать своего рода «крайней эмпатией», очевидно, существует фундаментальное различие в степени и качестве между «раной контрпереноса» и эмпатией, в обычном смысле этого слова. [10, с.163]

В зависимости от психологической уязвимости аналитика — насколько он склонен отстраняться, сопереживать, сомневаться, тревожиться, и т.д. — он соответствующим образом будет реагировать на слова пациента. Существуют моменты, когда аналитик может «заземлить» переносны; проекции, признаваясь пациенту, хотя и с неохотой, в чем они могут быть точными. [10, с.164]

Одно из достоинств метода «слушания» Гудхарта состоит в том, что он заостряет внимание аналитика на этих констеллированных теневых компонентах или «крючках». Другие в равной степени важные для аналитика сигналы: прямые или косвенные образы аналитика во снах или фантазиях (его самого или пациента), прямые высказывания клиента, необычное поведение аналитика, которое он замечает за собой и, часто стоящие за ним, чувства дискомфорта или сопротивления, возникающие на сессии.

Важно то, что аналитик делает со своими ранами после того, как он уже осознал их. Эти «крючки» создают основу для работы, ориентированной на контрперенос. Они являются теми зернами, из которых и прорастает перенос. Так что, когда пациент (или его сигналы) говорят нечто вроде «Вы также ригидны и бессердечны как мой отец», то, этому следует верить. Приходится периодически получать эти проекции. Такой стиль можно назвать «интроективной идентификацией». Однако его важное отличие заключается в задействовании тех самых специфических «крючков». Так что, на практике в этом попадании на крючки нет условности игры (если не считать игрой весь анализ в целом). Не является оно также временным или преходящим, как нам бы того хотелось. Другими словами, в аналитической ситуации я таков, каким пациенты меня считают.

В идеале реакция аналитика на это трудное положение должна быть не защитной, а принимающей. Аналитик допускает это „добровольно и сознательно

беря на себя психические страдания пациента“— и только тогда начинает с ними работать. Такая работа возможна, поскольку они есть и у него. Что касается пациента, он должен „отыскать“ такой крючок в аналитике, сколь бы бессознательным ни было это действие. У аналитика достаточно теневых компонентов, образующих основу для крючка. В случае, когда пациент не может найти ни одного и, следовательно, повлиять на аналитика, аналитик может исследовать себя сам (или проверить свое сопротивление). Если это не получится, то анализ, основанный на контрпереносе, не будет достаточно глубок или возможно даже окажется неудачным.

Центральный момент тут состоит в том, что „раны“ аналитика стимулируют, а не мешают проявлению бессознательных содержаний пациента. Раны пациента обычно называют „патологическими“, вкладывая разный смысл в это слово. В таком случае, следуя идее тени и крючков, можно сказать, что патология пациента констеллирует патологию аналитика. Соответственно, аналитики не должны немедленно устранять свою патологию, но должны знать ее и уметь использовать. Это означает не отыгрывание ее, но гибкое осознание новых и старых теневых компонентов, а также внимание к тому, чтобы не рационализировать или не проецировать их на клиента. [10, с.166-167]

Идентификация аналитика с пациентом основывается на реальных компонентах его (аналитика) собственной личности и, таким образом, они с пациентом связаны взаимной раненостью. Именно поэтому работа, которую аналитик проделывает над собой и способна оказывать прямое воздействие на комплексы пациента. Этот процесс начинается с допущения аналитика о том, что приписываемое ему пациентом в какой-то степени является верным. Окажется ли это верным в конечном итоге —не так важно. Главное, что сейчас аналитик переживает в реальности какой-то компонент их взаимодействующих комплексов. Он делает это, слушая и исследуя то, что называет «ядром реальности» — крючки для проекций клиента.

Размывание границы пациент — аналитик можно назвать регрессивным, но это регрессия на службе исцеления. Терапевт переживает это как собственную регрессию, осознавая, что она нужна «для» пациента и лечения. По мере того, как аналитик постепенно интегрирует внутренние реалии клиента, которые теперь

получают основу во внутренних реалиях аналитика, клиент также медленно синтезирует их. Сформировавшийся образ «пациента», общий для них, в адрес которого направлены психологические усилия обоих, постепенно выправляется. В зависимости от развития пациента значительная часть этой работы может принадлежать аналитику. В действительности уровень стресса аналитика может варьировать пропорционально уровню защит и сознания пациента. То есть, чем сильнее нарушена и не интегрирована самость пациента, тем в большей степени аналитик получает от него, так сказать, бессознательный «лобовой удар». Бессознательный материал в зависимости от эго-защит клиента более или менее «неотфильтрован». Чем меньше преград для бессознательных процессов пациента, тем легче аналитику взаимодействовать с ними напрямую. Соответственно, будет меняться и уровень «работы» аналитика.

Тонкие эмоциональные процессы, которые больше переживаются, чем интерпретируются. Для пациента это выглядит так, как будто его бессознательные проекции действительно начинают проявляться в реальности аналитика. Целью интерпретации в меньшей степени является обратная связь или сам по себе инсайт, хотя на другом уровне (эго, сознания, «взрослого») он также может быть важным. Скорее, интерпретация нужна самому аналитику, чтобы что-то прояснить для себя, а также для сообщения клиенту, что аналитик относится к нему с эмпатией и активно участвует во взаимном процессе. Но воплощение проекций клиента важнее, чем интерпретация как таковая. [10, с.168-169]

Пациент начинает видеть в терапевте все фигуры из своего прошлого, и эти восприятия теперь становятся настолько свободны от тревоги, что пациент может (частично путем идентификации с терапевтом, который способен принять в себе то реальное ядро, которое ему приписывают) открыть их и в себе, со свободой, которая дает ему возможность непосредственно переживать их как вполне приемлемые части своей личности.

Можно сказать, что со временем аналитик «берет на себя» больше, чем только прошлые конфликты или части личности пациента. Он несет на себе то, что в юнгианском смысле называется Самостью другого человека со всеми ее сознательными и бессознательными образами. Удерживание (holding), выполняемое аналитиком в ходе лечения, помогает возникновению этих образов, во многом

подобных образу родителя, прижимающего к себе ребенка, пеленающего и кормящего его (буквально и символически).

Через некоторое время аналитик может увидеть ребенка в пациенте. Точнее, это «внутренний ребенок», потенциал пациента, который нужно поддерживать и развивать. В довольно наивном, лишенном защит впитывании пациента в себя аналитиком проявляется способность стирать границы и некоторое детское качество; следовательно, в игру вступает «внутренний ребенок» аналитика со всей своей раненостью, надеждами и так далее. Так что можно с уверенностью предположить, что вышеупомянутого «внутреннего пациента» в них обоих можно охарактеризовать как «внутреннего ребенка». У него множество признаков «ребенка»: и связь с фактами истории жизни и направленный в будущее вечный символ Самости. Другими словами, пациенты приходят, чтобы лечить своего «ребенка», и неважно, окажется ли он связан с их детством или с новым развитием (или и тем и другим, как это обычно и бывает).

Эти размышления о смешении внутреннего ребенка, Самости и внутреннего пациента в обоих участниках поднимают довольно важный вопрос о Самости. Поскольку в работе такого рода, основанной на контрпереносе, от аналитика требуется «воплощение» проекций, то особое значение здесь приобретает его связь с собственной Самостью. «Воздействие» бессознательного пациента, само по себе или в сочетании с затронутыми «ранами» аналитика, может периодически отбрасывать аналитика от его внутреннего центра. Поэтому для аналитика иногда может быть даже необходимо «терять» себя и связь с пациентом для того, чтобы затем «находить» вновь. Исход работы (и состояние пациента) целиком зависят от того, насколько аналитик связан или способен успешно восстанавливать связь с Самостью.

Таким образом, путем работы над собой и непрерывного контакта с осью эго-самость, аналитик проводит терапию. В начале важно предпринять надлежащие меры предосторожности, чтобы не оказалось, что аналитик работает, по большей части вслепую, над сугубо своими личными проблемами, которые не связаны с пациентом. Когда они приняты, тогда первостепенное значение приобретают векторы затронутых ран в контрпереносе и отношениях. А уже следом проявляется другой аспект архетипа раненого целителя — «исцеляющая» сторона.

На одном уровне аналитик всегда старается отделять принадлежащее ему от исходящего от пациента. Это остается верным на протяжении всего анализа и связано с принципом «чистых рук» у Юнга. Тень необходимо отслеживать и сдерживать, насколько это возможно, чтобы предотвратить отреагирование на пациента, отмщение ему, или неэффективность работы терапевта. Желательно, чтобы аналитик как можно меньше мешал процессу исцеления. Здесь необходима функция различения, которая на самом деле прокладывает путь для «заражения» клиентом. Это только одна половина работы, основанной на контрпереносе.

Существует другой уровень, на котором, парадоксальным образом, аналитик более полно вовлечен в проекции, «принимая» и воплощая их. Он относится к переживаниям слияния, связанным с принципом Эроса.

Когда происходит сдвиг внутри аналитика на этом уровне бессознательного взаимопроникновения и слияния, параллельный сдвиг происходит внутри пациента. Подлинное «возвращение» уже состоялось путем эмпатии, основанной на идентификации. В эмпатии уже присутствует идентичность аналитика и пациента, и, следовательно, бессознательный взаимообмен. Детоксикация задетых ран аналитика происходит на раненых уровнях пациента через реальные переживания — таким же образом, как и заражение пациентом. Столь глубока взаимная идентификация. В то же время есть уровни, находящиеся ближе к поверхности, к царству «эго», где идентичность уменьшается и происходит разделение. [10, с.168-172]

В архетипе раненого целителя полюс аналитика, таким образом, оказывается тесно связанным с идеей (и идеалом) делателя дождя.

Это была любимая притча Юнга, которую имеет место здесь привести: «В месте, где жил Вильгельм, была великая засуха; в течение нескольких месяцев не выпало ни капли дождя, и ситуация становилась катастрофической. Католики устраивали процессии, протестанты молились, а китайцы зажигали пахучие палочки и стреляли из ружей, чтобы напугать демонов засухи, но все безрезультатно. Наконец китайцы сказали: „Мы приведем делателя дождя“. И из другой провинции явился иссохший старик. Единственным, о чем он попросил, был тихий маленький домик, в котором он и закрылся на три дня. На четвертый день собрались тучи, и началась огромная снежная буря в то время года, когда никто не ожидал снега. Его выпало

необыкновенно много, и город до того исполнился слухами о чудесном делателе дождя, что Вильгельм отправился к старику, чтобы спросить, как он это сделал. Как настоящий европеец, он сказал: „Они называют вас делателем дождя, расскажите мне, как вы сделали снег?“ И маленький китаец ответил: „Я не делал снег, я за это не в ответе“. „Но что вы делали в эти три дня?“ „О, это я могу объяснить. Я пришел из другой страны, где вещи находятся в порядке. Здесь порядок нарушен и вещи не таковы, какими они должны быть по установлению небес. Таким образом, вся страна находится вне Дао, и я тоже пребываю вне контакта с естественным порядком вещей, поскольку я нахожусь в стране беспорядка. Так что мне пришлось ждать три дня, пока я не вернулся в Дао, и тогда сам собой пошел дождь“». [10, с.40]

Подобно даосскому мудрецу, чтобы вызвать поток целительных вод, аналитик должен обратиться внутрь себя. Засуха должна быть помещена, так сказать, внутрь аналитика и проявить его собственную внутреннюю засуху (или раны). Он постигает Дао (прорабатывая свои синхронные, параллельные раны), и тогда изменения происходят и с пациентом. Важный момент здесь заключается в том, что идеал заклинателя дождя достигается, а не «дается». И когда человек обретает силу заклинателя дождя, у него появляется волнующее контрпереносное чувство — обычно чего-то впечатляющего и значительного. Каждый компонент переноса и контрпереноса, по-настоящему «цепляющий» аналитика, вновь и вновь запускает этот процесс.

Этот контрпереносный процесс можно рассматривать как локально, так и на общем уровне. То есть, существуют специфические элементы контрпереноса, которые можно прорабатывать от сессии к сессии — отдельные части общей проработки, эмпатии и так далее. Но в каждый момент времени, на другом уровне, существует общая картина или образ пациента. Он медленно видоизменяется и развивается в ходе анализа — идея и «ощущение» данного пациента перерабатываются в бессознательном аналитика. Зачастую эти изменения долго не осознаются. В определенные моменты аналитик вдруг замечает, что «пациент в целом» воспринимается им как-то иначе. Например, что пациент «стал» здоровее или лучше. [10, с.174]

Если мы не способны вообразить их здоровье, улучшение или, что еще лучше, их целостность, то и они не смогут этого себе представить. Тогда потерпит неудачу

зеркализация. В то же время такое видение труднодостижимо и в некоторых случаях обретается очень медленно. Это не вопрос оптимистичного взгляда или доверия аналитическому процессу. Это результат психотерапии, рожденный из состояния слияния в переносе и контрпереносе и идентичности с первоначальным, «поломанным» состоянием «пациента».

В целом можно сказать, что терапевт «заболевает» пациентом для успеха глубинного процесса исцеления. Затем он излечивает себя и тем самым излечивает пациента. С этой точки зрения можно сказать, что феномен переноса фактически состоит в том, что болезнь пациента «переносится» на врача — ситуация, в которой Юнг видел профессиональную опасность анализа. Такой перенос делается не на чистый экран. На самом деле именно «крючки» и активированные комплексы аналитика позволяют переносу «зацепиться» и затем быть проработанным самостью аналитика (имеется в виду целостность сознательно-бессознательных процессов).

Аналитик, несомненно, получает выгоду от своей работы, и не только потому, что пациент дает ему возможность осуществлять свое призвание, получать за это деньги и исследовать, и снова исследовать свои внутренние процессы. Юнг говорит о том, что оба участника «изменяются» и «трансформируются» в этом процессе. [10, с.175]

Даже если пациента еще нет, психологически аналитическая сессия начинается в назначенное время. И ожидание опаздывающего пациента может быть плодотворно использовано для отслеживания контрпереноса, который все равно возникает. Гипотезы терапевта, его состояния и фантазии заполняют вакуум отсутствия пациента, создавая образ, точный или неточный, того, что у пациента на уме. [10, с.82]

Большое количество людей по понятным причинам интересуются Юнгом как духовным наставником. Иногда тут есть тенденция не замечать того, что Юнг называет «тенью», или даже серьезная патология из-за увлечения всякими экстраординарными явлениями. Это может создавать своего рода «юнгианскую» защиту от личных проблем — против *prima materia* анализа — личного бессознательного. Такие клиенты относятся к тем, которые «приходят в юнгианский анализ и с удивлением обнаруживают, что аналитик является довольно приземленным и почти лишенным культового или мистического качества». Такие

клиенты иногда вызывают у аналитика контрпереносные переживания ностальгии (по тем временам, когда «Юнг» означал для них Религию), зависти, циничности по поводу их духовных поисков, иронии (чтобы погасить их претенциозность), компенсаторной приземленности (становишься сенексом для их пуэра), и т.д. Все эти чувства могут быть весьма информативными. [10, с.208]

Цель аналитика — быть слугой аналитического процесса, а не хозяином его... Эффективность аналитика лучше всего проявляется в обучении тому, как следовать аналитическому процессу, не пытаясь его контролировать. И когда аналитическое пространство наиболее явно сохраняется для пациента... можно увидеть, что аналитический процесс живет своей собственной жизнью. Нельзя предугадать, куда он поведет. [10, с.190]

Следует подумать об отношении к интуитивным догадкам, появляющимся у аналитика в результате прямого использования контрпереноса или сновидений. Вопрос самораскрытия здесь является первостепенным, поскольку их воздействие может быть сильным. Терапевту очень приятно, когда его видят исполненным инсайтов или даже своего рода волшебником. Однако главным тут является вопрос времени, или понимания, что сейчас нужно пациенту. Великое искусство анализа состоит в том, чтобы вовремя «заткнуться». Вспыхнувшие инсайты иногда можно держать при себе до тех пор, пока пациент не будет готов к ним, или даже ими вообще можно пожертвовать. Не повредит сосчитать до десяти и еще важнее дважды перепроверить свою интуицию. Нужно проявлять осторожность в вопросе быстрых контрпереносных раскрытий пациентам — необходимо подождать, пока материал пациента состыкуется с тем, что аналитик уже «знает». [10, с.214]

Внутренняя свобода аналитика в переживании чувств, фантазий и изменений в его личной идентичности, связанных с переносом пациента... желательна и необходима. Но в равной степени очевидно, что только его терапевтическая интуиция вместе с накопленным клиническим опытом могут быть лучшими советчиками в вопросе о том, когда это раскрытие будет своевременным и полезным — а когда, наоборот, время неподходящее, и было бы неразумно выражать свои внутренние переживания. [10, с.215]

Человек, который решил стать аналитиком более важными и вдохновляющими могут оказаться различные признаки того, что в нем присутствует

довольно активный архетипический образ раненого целителя; и нужно стремление идентифицировать себя с этим интрапсихическим персонажем и позволить ему руководить собой и вдохновлять его.

Современная аналитическая психология проявляет глубокий интерес к проблемам контрпереноса, развивая идеи Юнга. Аналитик способен до того настроиться на внутренний мир пациента, что начнет чувствовать или вести себя в манере, которую позднее может осознать, как продолжение внутриспсихических процессов пациента, спроецированных на аналитика. Такой контрперенос назван «синонным». Ему противопоставляется «иллюзорный» контрперенос (подразумеваются невротические реакции на пациента со стороны аналитика). Характерной чертой такого подхода и его сходства с современным психоанализом является то, что объектом исследования становятся не только эмоции и поведение пациента, но и аналитика. [13, с.25]

Вопреки распространенному мнению Юнг всецело опирался на клиническую практику и вносил в нее новшества. Например, он предпочитал встречу лицом к лицу с пациентом, а не использование аналитической кушетки. Он прилагал все свои усилия к тому, чтобы привести пациентов к полному осознанию их настоящих проблем, и стремился помочь людям смотреть без страха в лицо вызовам повседневной жизни. Исторически, он был первым, кто отметил тот факт, что развитие приостанавливается не только из-за травмы, которая была в прошлом, но также из-за обычного страха сделать шаги, необходимые для развития. Он делал особенное ударение не на подавленных желаниях, а на событиях текущей жизни как особо важных для регрессии, переживаемой по ходу анализа. Материал, полученный с помощью этой регрессии, был использован для того, чтобы вернуть пациента к реальности с новой ориентацией, полезной для практического использования. [5, с.99]

СИМВОЛЫ – СЕРДЦЕВИНА ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Теоретический разрыв Юнга с Фрейдом был частично связан с вопросом, что понимать под «символом»: само понятие, его намерение или же цель и содержание.

Слово «символ» происходит от греческого *symbolon*, «опознавательный знак».

Психика создает символы.

Юнг объясняет концептуальное различие следующим образом: «Те сознательные содержания, которые дают нам ключ к бессознательной сфере, неправомерно названы Фрейдом символами. Они не являются подлинными символами уже постольку, поскольку, согласно его теории, просто выполняют роль знаков или симптомов сублиминальных процессов. Настоящий символ существенно отличается от этого и должен быть понят как интуитивная идея, которую нельзя сформулировать каким-либо иным более адекватным образом».

Еще раньше, давая определение Символу, он писал: «Символ всегда предполагает, что выбранное выражение является наилучшим возможным описанием или формулировкой относительно неизвестного факта, который тем не менее известен как существующий или который постулируется существующим».

В другом месте, правда уже без ссылки на Фрейда, Юнг трактует Символ как вызывающеутонченный, являющийся чем-то большим, нежели «простым» выражением подавленной сексуальности или любого другого безусловного содержания. Рассуждая о предметах искусства, по самой своей природе открыто символических, он говорит:

«Их творчески насыщенный язык всегласно заявляет, что в них скрыто больше, чем говорится. Мы можем тотчас же, что называется, указать пальцем на символ, даже и тогда, когда не можем, к вящему удовольствию, с полной убедительностью разгадать его смысл. Символ остается вечным вызовом нашим мыслям и чувствам. Возможно, этим объясняется столь стимулирующий характер символической работы, почему она захватывает нас столь интенсивно, а также и то, почему она так редко доставляет нам чисто эстетическое наслаждение». [13, с.137]

Подвижки в психике можно переживать с помощью символов или воспринимать как бы со стороны, видеть их. В символах проявляется творческая энергия, которая пропитывает все на этом свете.

Творческое развитие проявляется в символе и доходит до сознания с помощью символа. Работа над символом и с символами является сердцевинной юнгианской психотерапии. [4, с.5]

Концептуальные баталии вокруг проблемы символизации с разрывом Юнга и Фрейда отнюдь не завершились; они продолжились (и продолжаются) уже в рамках

самой аналитической психологии. Сама дисциплина, как целое, демонстрирует широкий спектр теоретического и практического понимания символической концептуализации, цели и содержания Символа. И тем не менее, даже в тех случаях, когда кто-то склонен к буквальной интерпретации господствующего образа или стремится увидеть сам символизм как проявление сексуальности, даже тут обнаруживаются широта и многообразие смысла, созвучные с юнговским определением, обеспечивающим несмешивание самого Символа с его содержанием и тем самым предполагающим, что Символ имеет интеллектуальную, объяснительную и аллегорическую функцию в большей степени, чем выполняет психологически посредническую и промежуточную роль.

Что касается конечного замысла Символа, то Юнг рассматривал его в виде целей, которые хотя и действуют некоторым определенным образом, но довольно трудно выражаются словами. Символы выражают себя в аналогиях. Символический процесс есть опыт в образах и образов. Его развитие соответствует закону энантиодромии (т.е. согласуется с принципом, согласно которому некоторая данная позиция в конечном итоге смещается в направлении своей противоположности и свидетельствует о компенсации работы как таковой (т.е. сама установка сознания уравнивается движением, происходящим в бессознательном). «Из деятельности бессознательного возникает теперь новое содержание, в равной мере образованное тезисом и антитезисом и находящееся в компенсаторном отношении к обоим. Это образует в результате усредненную точку зрения, общую позицию, на которой могут быть объединены противоположности». Символический процесс начинается с ощущения человеком некоего тупика, «зависания», силы, препятствующей ему в достижении его целей, а заканчивается просветлением, видением, что называется, «сквозь», позволяющими ему двигаться дальше новым, измененным курсом.

То, что объединяет противоположности, содержит качество обеих сторон и может быть легко обсуждено как с одной, так и с другой стороны. Но, занимая ту или иную позицию, мы тем самым тотчас же утверждаем существование противостояния. И Символ здесь оказывает помощь, поскольку он помимо всякой логики подводит итог самой психологической ситуации. Его природа парадоксальна, а сам он представляет третий фактор или состояние, которое не существует в логике, но обеспечивает перспективу, посредством которой может быть осуществлен синтез

противоположных элементов. Столкнувшись с подобной перспективой, Эго оказывается свободным осуществлять рефлексии и делать выбор. [13, с.138]

По Юнгу, конфликты не просто присущи психологическому устройству человека, но и существенны для психологического роста. Если взять противоположные тенденции и наклонности, то становится очевидным, что работа по повышению сознательности означает появление конфликта. Простым, но важным примером может служить часто испытываемое противоречие между "головой" и "сердцем" или мышлением и чувствами. Каждый из этих противоположных полюсов может действовать законно, и конфликт может оказаться неразрешенным. В такой ситуации подлинно жизнеутверждающим путем будет выдерживать, насколько возможно - сознательно, напряжение этих противоположностей - не подавляя ни ту, ни другую, но оставляя их противоречие неразрешенным. Благодаря этой болезненной, но честной работе, энергия, наконец, удалится от конфликта как такового и погрузится в бессознательное и из этого источника породит совершенно неожиданное решение в виде Символа, который откроет новую, объединяющую перспективу, уравнивающую обе стороны первоначального конфликта. Поэтому символ не является продуктом сознательного мышления, и его даже нельзя полностью объяснить. Он обладает свойствами сознательной и бессознательной сфер одновременно и является движущей силой психологического и духовного развития. Любой образ или идея могут функционировать в качестве символа в индивидуальной или коллективной жизни, а также могут терять свою символическую силу и становиться просто "знаком", обозначающим нечто полностью известное. Например, христианский крест обычно является духовным символом, но крест, изображающий пересечение дорог, является просто знаком. Первый изображает реальность, которую нельзя объяснить полностью, другой понимают сразу.

Человеческая психика не только спонтанно производит образы, которые изображают эти присущие внутреннему миру противоположности (крест является одним из них), но также открывает способы, которыми внешне конфликтующее символическое содержание может быть собрано в единую структуру. Юнг заимствовал на Востоке термин мандала, чтобы описать такой образ, как круг,

вещающий все стороны психической жизни в *complexio oppositorum* (лат. - соединение противоположностей). [5, с.151-152]

Символ является видимым знаком невидимой реальности идей. Таким образом, в символе всегда видны два уровня: в чем-то внешнем может открыться нечто внутреннее, в видимом - невидимое, в телесном - духовное, в частном - общее. При толковании мы всегда ищем невидимую реальность, стоящую за видимой, и их соединение. При этом символ всегда обладает избытком значений - мы никогда не сможем исчерпать его смыслы.

Символ и то, что он репрезентирует, обладают внутренней взаимосвязью, они неотделимы друг от друга, и в этом состоит его отличие от знака. Знаки — это договоренности, установленные гласно, они не обладают избытком значений, их также можно заменить другими знаками. [4, с.17]

В отличие от знаков, символы нельзя заменить один на другой по общей договоренности. Например, возьмем красный цвет - различные цвета, помимо своей основной функции, являются также носителями значений. Мы связываем красный цвет с красной кровью, которую переживаем экзистенциально, поэтому красный получает значение жизни, жизненной силы, страдания, страсти и так далее. Невозможно представить себе конвенциональную договоренность, согласно которой все, что связано со страданием, страстью, теплыми эмоциями, будет символизировать, например, зеленый цвет. Мы не можем, условившись, придать символу новое значение, поскольку это значение непосредственно связано с образом. [4, с.18]

Чтобы по-настоящему переживать символы как символы — в конечном счете, все зависит от переживания — а не видеть в них лишь знаки, мы должны быть готовы к тому, чтобы «впустить» их в себя на эмоциональном уровне. [4, с.23]

Символ, которому активно поддаются, может оживить целую палитру психических переживаний — от воспоминаний до ожиданий — но это происходит, только если мы эмоционально вступаем с ним в контакт. Вся та сила влияния, которая содержится в символе, энергия, которая в нем «связана», может высвободиться, только если мы сможем поддаться ему эмоционально.

Если же символ стал значимым или удалось эмоционально ему поддаться, то сначала нас занимает многозначность символа. Невозможно сформулировать

простое и точное соответствие символа и его значения. Даже если одно из толкований кажется нам очевидным, то есть было найдено относительно однозначное соответствие, в голову могут прийти и другие толкования, также почти очевидные, или другой человек найдет символу иное толкование. Все это типично для символов. [4, с.24]

Символы — это категории «сгущения»: символ «связывает» в себе целый ряд ассоциаций, но в связи с потребностью в определенности это вызывает у нас раздражение, а в связи с потребностью в тайне и наполненности смыслом это переживается как сокровище.

Однако в связи с символом также оживают воспоминания из тех сфер нашей жизни, о которых мы не хотели бы помнить, и ожидания, которые нас пугают, потому что они не соответствуют тому образу себя, который мы выработали. Поэтому поддаваясь символам и обдумывая их, необходимо принимать во внимание защитные механизмы психики.

Несмотря на эти трудности и защитные механизмы, бесспорно, если символ стал для нас эмоционально значимым и интересует нас, то мы замечаем его каждый раз, когда он попадает в литературу, в разговорах, в искусстве, и т. п. В свете ожившего символа мы начинаем вспоминать что-то из нашей жизненной истории, в связи с символом нам становится видна большая часть прошлого - и не только нашего личного прошлого, но и прошлого человечества, которое нам знакомо из мифологии, сказок, искусства, литературы. Возникновение символа также всегда связано с ожиданием и даже с надеждой, надеждой - вопреки доводам рассудка - на то, что нам откроется новое и настанет лучшая жизнь. [4, с.24-25]

Символ поэтому не является ни альтернативной точкой зрения, ни компенсацией. Он привлекает наше внимание к другой позиции, которая, будучи понята надлежащим образом, добавляется к уже существующей личности, а также служит разрешению конфликта. За этим следует, что, хотя, вне всякого сомнения, существуют Символы всеобщности, они оказываются явлениями другого порядка. Возможно, что все Символы до известной степени становятся символами всеобщности.

Символы представляют собой чарующие, живописные выражения. По своей сути это неотчетливые, метафорические и загадочные портретные зарисовки

психической реальности. Смысл Символа, оказывается далеко не ясным; напротив, оно выражено уникальным и индивидуальным языком, использующим одновременно и универсальный язык образов. По признаку воздействия на нас их можно опознать как аспекты тех образов, которые контролируют, направляют наше поведение и придают смысл нашей жизни. Поэтому их источник, может быть прослежен вплоть до самих архетипов, которые с помощью Символа находят более полное выражение.

Символ есть бессознательная выдумка, своего рода изобретение в ответ на появление сознательной проблемы. Отсюда аналитические психологи часто говорят об «объединяющих символах», которые сводят воедино разрозненные психические элементы; о «живых символах», которые сплетены с ситуацией, осознаваемой индивидом; и о «символах всеобщности», имеющих отношение к реализации Самости. Символы не являются аллегорией, поскольку в этом случае они могли бы быть уже чем-то знакомым, но они оказываются выражением чего-то напряженно переживаемого, живого (можно сказать, «волнующего») в самой душе. [13, с.139]

Особенно важной является взаимосвязь формирования символа с аналитическими отношениями, переносом и контрпереносом.

Если символы становятся доступными переживанию в терапевтическом процессе, то мы ощущаем себя более живыми, более эмоциональными; это означает, что происходит противостояние сознания и бессознательного.

В символе выявляются не только специфические актуальные трудности, но и наши совершенно особенные жизненные возможности и возможности развития; в трудностях всегда заложены возможности развития.

Это становится понятно именно в символическом образе: в нем выражены жизненные «зажимы», активированные символом, - зачастую они показаны во взаимосвязи с препятствующими воспоминаниями из прежнего жизненного опыта. Тем не менее, они также поднимают жизненную тему, указывающую на будущее. Символ является, так сказать, поворотным моментом в развитии психики, носителем потенциала творческого развития в терапевтическом процессе. Кроме того, в символе становится доступен переживанию и восприятию процесс индивидуации. [4, с.38]

Символы возникают не только во время длительного психотерапевтического процесса, они могут спонтанно прорываться в тех или иных жизненных ситуациях. Вопрос только в том, ожидаем ли мы этого и обращаем ли на них внимание.

Хотя и общепринято, что символические содержания, возникающие в анализе одних пациентов, имеют сходство с символами других пациентов, сам вопрос заключается не в этом. Регулярные и повторяющиеся психические образы могут быть представлены разнообразными и многочисленными образами и Символами. Отдельно от клинического использования Символы можно подробно интерпретировать в историческом, культурном или обобщенно-психологическом контексте. [13, с.139]

Человек становится собой благодаря работе с Символами, состоящей из маленьких актов творчества.

СНОВИДЕНИЯ И АКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Бессознательное проявляет себя посредством языка символов. Мы можем соприкоснуться с бессознательным не только в ходе произвольных поступков. Бессознательное может преодолеть пропасть между ним и осознающим разумом двумя способами. Один способ — это сновидения; другой - воображение. Душа создала эти сложные системы связи для того, чтобы бессознательное и сознание могли общаться друг с другом и вместе работать. Бессознательное изобрело специальный язык, который используется в снах и воображении: язык символизма. [2, с.9]

Каждый человек должен в той или иной форме жить внутренней жизнью. Осознаем мы это или нет, хотим мы этого или нет, но внутренний мир придет к нам и потребует отдать должок. Если мы хотим осознанно добраться до этого царства, то мы делаем это посредством внутренней работы: молитв, медитаций, разгадывания снов, церемоний и Активного Воображения. Если мы игнорируем внутренний мир, а именно так и поступает большинство людей, то бессознательное проберется в нашу жизнь через патологии: психосоматические симптомы, депрессии, навязчивые идеи и неврозы. [2, с.18]

Если мы не идем к духу, то дух сам приходит к нам в образе невроза.

Суть внутренней работы заключается в том, чтобы построить сознание. Научившись делать нашу внутреннюю работу, мы приобретаем понимание конфликтов и испытаний, которым подвергает нас жизнь. Мы обретаем способность исследовать потаенные глубины нашего бессознательного, чтобы отыскать силу и ресурсы, ожидающие нас в этих глубинах.

Формы внутренней работы, основаны на учении и блестящих догадках Юнга. А истоки работы со снами находятся, конечно, в разработанной Юнгом методике анализа сновидений. Работа со снами включает в себя знание символического языка снов. [2, с.23]

В природе энергия никогда не растрачивается, и сны – тоже часть саморегуляции природных систем. Юнг считал, что сны перерабатывают вторжения повседневной жизни, помогают их усваивать, компенсируя ту односторонность, которую она от нас требует. [16, с.58]

Исследования показали, что при нормальном цикле сна мы видим в среднем шесть снов за ночь. Многие отмахиваются от этих ночных образов, считая их следствием дневных событий, продуктом информации, которую мы получили во время бодрствования. Однако даже скромное наблюдение за сновидениями доказывает, что они имеют целенаправленную, иногда компенсаторную, а порой даже направляющую и развивающую природу. Оставаясь наедине со сном и позволяя его образам воздействовать на нас, мы обычно обнаруживаем, что он начинает просачиваться сквозь слои сознания и обретать важность. Когда мы обращаем внимание на нить темы, осмыслием силу конкретного образа, прислушиваемся к резонансному звучанию, достигающему сознания эго, мы начинаем выстраивать совершенно иные отношения с нашей собственной глубинной реальностью. Тогда мы приходим к пониманию, что внутри каждого из нас есть что-то – некий локус наблюдения и перспективы, – что создает наши сны, ища смиренного диалога с нами. Это означает, что наши внутренние императивы и наша обязанность отвечать их требованиям станут постепенно уходить от шума внешнего мира и подключаться к уважительной беседе с реальностью мира внутреннего. [15, с.88]

Мы уделяем сновидениям столько внимания именно потому, что восходят они не к Эго. Если кто-то полагает иначе, то пусть попробует заказать себе этой ночью

сон так же, как он делает заказ в ресторане, и попробует посмотреть, что на это ответит бессознательное. [16, с.70]

Старая немецкая поговорка гласит: «Сны пеной полны». Природа не тратит свою энергию впустую. Несколько раз за ночь, независимо от того, обращаем мы на это внимание или нет, психика дает важную повествовательную реакцию на то, что происходит в нашей жизни, и как эти события воспринимаются чем-то большим, что выходит за рамки нашего эго. Если мы будем отслеживать эти повествования и изучим их язык, мы получим жизненно важный источник мудрости, недоступный обычному сознанию. Если мы знаем, что бесконечная мудрость природы доступна нашему беспокойному, измученному эго, разве не имеет смысла время от времени останавливаться и прислушиваться к ней? Со временем диалог с загадочным источником, порождающим наши сны (и наши протестующие симптомы), станет переключать наше внимание с внешних отвлекающих факторов на более глубокие ориентиры. Если бы мы повстречали мудреца, знающего нас лучше, чем мы сами, заинтересованного в нашем благополучии и в том, чтобы мы научились брать на себя ответственность за наше путешествие по жизни, разве не имело бы смысла обратиться к нему за советом? То самое «Я», выходящее за рамки нашего эго, и есть тот «мудрец», который выступает для нас локусом личных ориентиров. Оторванные от него, мы идем на поводу у наших комплексов, ран и культурных или семейных стереотипов, вместо того чтобы служить устремлениям собственной души. Анализ снов позволяет нам заглянуть внутрь себя, увидеть, как центр тяжести смещается от нашего стремления приспособиться к внешнему миру в сторону понимания, что внутри каждого из нас есть что-то такое, что знает и может указать правильную дорогу. Желание научиться доверять этому аналитическому процессу, ценить этот диалог и не бояться рисковать, полагаясь на свои внутренние ориентиры, – вот что возвращает нас на путь, ведущий навстречу самим себе и нашим собственным душам. [15, с.47-48]

Активное Воображение — это особый способ использования силы воображения с целью установления рабочих отношений между осознающим разумом и бессознательным. Юнг трансформировал этот вековой процесс в технику, которой могут пользоваться современные люди.

Активное Воображение — это не то же самое, что некоторые современные методы «мысленного представления», когда человек представляет себе что-то с определенной целью. В данном случае никакого "сценария" не существует: Активное Воображение находится с бессознательным в совершенно других отношениях, основанных на признании реальности и силы бессознательного. При Активном Воображении мы отправляемся к нашему бессознательному для того, чтобы понять, что там находится, и узнать, что оно может предложить осознающему разуму. Бессознательное не годится для того, чтобы им манипулировали в угоду осознающему разуму, - оно является равным партнером в диалоге, который ведет к большей зрелости человека.

Многие люди догадываются, что бессознательное общается с нашим осознающим разумом посредством снов. Многие люди ознакомились с различными теориями толкования снов. Но, когда дело доходит до работы с нашими конкретными снами, многие из нас становятся совершенно беспомощными. События разворачиваются по такому типичному сценарию: мне приснился очень яркий сон, я принимаю решение разобраться с ним "своими силами" и старательно записываю содержание сна в записную книжку, собираясь приступить к его "толкованию". Но мой разум не может выдать ни единой мысли, Я спрашиваю себя: "Что мне делать? С чего начать?" - и смотрю на исписанную страницу. Сон выглядит либо абсолютно ясным, либо совершенно бессмысленным.

Иногда мы пытаемся найти какие-то ассоциации с образами из наших снов. Но быстро теряем терпение. Мы чувствуем, что это не тот путь, и принимаем решение вернуться к этому сну на следующий день, но к тому времени на нас наваливаются другие дела.

Каким-то образом, вне зависимости от того, сколько мы прочитали материалов по теориям символики снов, когда дело доходит до практической, непосредственной работы с нашими собственными сновидениями, мы тут же заходим в тупик. [2, с.23-24]

Исходная точка для работы над своими собственными снами представляет собой проблему не только для любителей, то же самое происходит и со многими психологами.

Каждый сон сообщает информацию, которую сновидящий просто не осознает. Таким образом для того, чтобы понять смысл сна, от нас требуются настоящие усилия, определенное напряжение наших способностей. Если толкование сна далось нам легко, то, скорее всего, оно - неточное или недостаточно глубоко.

Большинство людей нужно научить тому, с какого конца подходить к своим снам, к своему бессознательному, своему источнику. Но для того, чтобы получить такую возможность, мы должны сначала овладеть определенными практическими навыками: умением проделать серию физических и умственных "шагов", которые сделают нас способными приближаться к нашим снам, разбивать их на символы и открывать, что эти символы значат конкретно для нас.

Чрезмерная увлеченность теорией является основным препятствием в работе со снами.

В своей работе "Воспоминания, сны и размышления" Юнг писал: "Конечно, каждый врач должен ознакомиться с так называемыми "методами". Но он должен остерегаться применять только какой-то один, специфический, рутинный подход. Вообще, следует осторожно относиться к теоретическим предположениям... Мне кажется, что каждому отдельному человеку следует применять только индивидуальный подход. С каждым пациентом следует говорить на особом языке. В ходе одного и того же анализа, я могу говорить и на языке Адлера, и на языке Фрейда». [2, с.25]

Человек должен верить в свое собственное бессознательное, в свои собственные сны. Если мы хотим, чтобы наши сны чему-нибудь нас научили, тогда нужно работать с ними. Жить с символами из наших снов так, словно они являются физическими спутниками нашей повседневной жизни. И если мы так и поступим, то мы откроем, что они действительно являются нашими спутниками во внутреннем мире.

Люди извлекают наибольшую пользу из анализа, когда они ежедневно выполняют свое домашнее задание и приходят к терапевту со своими снами, фантазиями и Активным Воображением только после того, как поработают над ними и отчасти их "переварят". Сеанс у психоаналитика может быть посвящен оттачиванию результатов уже проделанной нами работы. Это позволит психоаналитику наиболее продуктивно использовать время пациента. [2, с.26]

Мир снов, если только мы в него вникнем, оказывает на нашу жизнь более практическое и конкретное воздействие, чем внешние события. Ибо именно в мире снов бессознательное приводит в действие свою мощную динамику. Именно в этом мире великие силы сражаются друг с другом или объединяются, чтобы породить идеалы, убеждения, верования и порывы, которые являются мотивами большинства наших поступков.

Как только мы становимся более восприимчивыми к нашим снам, то обнаруживаем, что динамика любого сна по-своему проявляется в нашей практической жизни: в наших действиях, отношениях, рутинных процедурах, желаниях и чувствах. Мы верим, что вполне осознанно контролируем эти элементы жизни. Но эта вера является великой иллюзией об эго-контроле. На самом деле, эти аспекты нашей жизни управляются из гораздо более глубоко скрытого места. Именно в мире снов мы можем увидеть их корни в понятной для нас форме.

Сны выражают бессознательное. Сны — это динамичная мозаика, состоящая из символов, которые выражают движение, конфликт, взаимодействие и развитие великой энергетической системы бессознательного.

Бессознательное обладает особой способностью к созданию образов и использованию этих образов в качестве символов. Именно эти символы и формируют наши сны, создавая язык, посредством которого бессознательное передает информацию осознающему разуму. [2, с.28]

Образы-символы бессознательного пробираются на уровень сознания, в основном, двумя путями через сны и через воображение. Уловить символизм снов относительно легко, потому что сны зачастую населены существами и наполнены ситуациями, которым нет места в обычной физической жизни. Образы из снов, как правило, приводят людей в растерянность до тех пор, пока люди не узнают, что образы эти символические и их не надо воспринимать буквально.

Поскольку воспринятые буквально образы из снов не имеют никакого смысла, кажутся совершенно бессмысленными, то люди отмахиваются от них, как от чего-то "непонятного", но, на самом деле, сновидения представляют собой абсолютно четко изложенную мысль. И если мы потратим время на то, чтобы изучить их язык, мы обнаружим, что каждое сновидение представляет собой шедевр символического

послания. Бессознательное говорит символами, но не для того, чтобы запутать нас, а просто потому, что этот язык дан ему от природы. [2, с.30]

Сновидения являются первым из двух великих каналов связи с бессознательным; вторым каналом является воображение.

Многие люди поначалу бывают потрясены, когда узнают, что воображение — это орган связи, применяющий высокоразвитый, сложный язык символов для выражения содержания бессознательного. И, тем не менее, это - правда: если мы научимся следить за воображением, то откроем, что оно представляет собой истинный поток энергии и полных смысла образов, почти постоянно хлещущий из бессознательного.

Мы можем образно представить себе два канала, которые тянутся от бессознательного к осознающему разуму. Первый канал — это способность к сновидениям, второй - способность к воображению. Сновидения и воображение имеют одно общее особое качество, способность превращать невидимые формы бессознательного в образы, воспринимаемые осознающим разумом. Вот почему у нас иногда возникает ощущение, что сновидения - это продукт воображения, продолжающего свою работу во время нашего сна, а воображение -это мир снов, посещающий нас в часы бодрствования.

В ночное время бессознательное приводит в действие заряды энергии, которые создают образы на экране спящего разума, но и в часы бодрствования оно не прекращает функционировать. Оно излучает постоянный поток энергетических импульсов, которые находят свой путь к осознающему разуму в форме чувств, настроений, и, прежде всего, образов, возникающих в нашем воображении. Как и в случае со сновидениями, символическое значение этих образов может быть понято только тем человеком, который хочет учиться. [2, с.31-32]

Воображение порождает символы, которые бессознательное использует для самовыражения.

Поэзия, литература, живопись, скульптура, да и вообще любая художественная, философская и религиозная деятельность человека зависят от этой способности к созданию образов, называемой воображением. Если бы не эта наша способность к созданию образов, мы не смогли бы развить ни абстрактное и логическое мышление, ни точные науки, ни даже язык.

Активное Воображение, подобно бессознательному, всегда присутствовало в человеческой жизни. Как и в случае со многими другими аспектами нашей внутренней жизни, человечество вновь обрело это утраченное искусство благодаря Юнгу.

На первый взгляд, Активное Воображение может показаться слишком простым и наивным, чтобы его всерьез принимать за психологическую технику: оно обращено к возникшим в воображении образам и диалогу с ними. А это включает в себя общение с образами. Собственно, осознающий эго-разум входит в воображение и принимает в нем участие. Зачастую под этим подразумевается обычный разговор с возникшими фигурами, но, иногда, это включает в себя принятие участия в действиях, приключениях или конфликтах, история которых разворачивается в воображении.

Вот именно это осознанное участие в воображаемом событии и превращает обычную пассивную фантазию в Активное Воображение. Соединение осознающего разума с бессознательным на нейтральной полосе плана воображения дает нам возможность разрушать определенные барьеры, отделяющие эго от бессознательного, установить подлинную связь между двумя уровнями души, разрешить некоторые наши невротические конфликты с бессознательным, и, стало быть, больше узнать о нашей личности. [2, с.35-36]

Если мы работаем с Активным Воображением, то скоро убеждаемся, что ведем диалог с подлинной внутренней частью нашего "я". Мы сходимся лицом к лицу с могучими личностями, которые живут внутри нас на уровне бессознательного и зачастую находятся в конфликте с нашими осознанными идеями и поведением.

Здесь действует магический принцип: когда мы общаемся с образами, то непосредственно общаемся с внутренней частью нашего "я", облаченной в эти образы. В этом и заключается сила символического ощущения человеческой души, когда она осознанно вторгается в него: насыщенность этого ощущения и его воздействие на нас зачастую бывает таким же конкретным, как воздействие и насыщенность физического ощущения. В его силе изменить наше мироощущение, научить нас чему-нибудь на более глубоком уровне, и его сила гораздо больше силы внешних событий, которые мы можем пережить, даже не заметив того.

Когда мы общаемся с символами, мы одновременно общаемся с комплексом, архетипом, внутренним психическим существом, которое представлено этим символом. Когда образ говорит, он говорит одним из наших собственных внутренних голосов. Когда мы отвечаем ему, то невидимая внутренняя часть нашего собственного "я" слушает и запоминает. Она стоит перед нами в форме воображаемого образа.

Во время Активного Воображения человек говорит не "сам с собой", а с одним из своих "я". Именно в ходе этого обмена между эго и различными образами, поднимающимися из бессознательного и появляющимися в воображении человека, он начинает собирать отдельные части своего "я" в единое целое. Он начинает знакомиться с неизвестными ему дотоле частями своего "я".

Активное Воображение "реальнее реальности". Оно реально не только в том смысле, что имеет практическое и конкретное влияние на наши физические жизни, но также и потому, что связывает нас с миром сверхличностных и возвышенных сил. Оно позволяет нам принять участие в формировании общего потока основных струй энергии, которые, соединяясь в каждом из нас, образуют долговременные схемы наших жизней, наших отношений, наших убеждений. Оно воздействует на нас на гораздо более глубоком уровне реальности и воздействует в гораздо большей степени, чем любое событие местного значения из нашей повседневной жизни.

По сравнению с этими мощнейшими внутренними силами и установленными ими внутри нас приоритетами, проблемы и решения повседневной жизни оказываются, по большей части, лишь мелкой рябью на поверхности огромной реки жизни, которая медленно и неумолимо движется к своей цели. Работа со снами и Активное Воображение настраивают нас на более объемное видение жизни, на видение направления движения этой реки. Они на короткое время отвлекают наше внимание от мелкой ряби и незначительных противопотоков, которые занимают нас большую часть времени.

Таким образом, мы начинаем понимать, что сновидения и воображение связывают нас с уровнем существования, который не просто "реален" в смысле внешней реальности, но и является более реальным, чем сама внешняя реальность. [2, с.37-38]

Необходимо каждый день (утром или вечером) посвящать немного времени изучению процессов нашей психической жизни. Существует несколько способов сделать это. Ведение дневника важно, потому что мы не просто садимся и пишем: «Дорогой дневник, вот что произошло со мной сегодня». Вместо этого мы задаемся вопросами:

- С чем я сегодня соприкоснулась?
- Что дало мне много энергии?
- Откуда взялась эта энергия?
- Как сегодняшний опыт повлиял на мою жизнь?
- К каким дополнительным проблемам это привело?

Возможно, в течение дня мы пережили какой-то конфликт, который продолжает до сих пор пульсировать внутри нас. От этого легко отмахнуться, как от чего-то, что произошло «там, вовне». Но мы можете немного углубиться и спросить: «Каковы его истоки?» Мы можете обнаружить, что такая ситуация создает резонансные кольца влияния, боязнь конфликта или трудности самоконтроля в присутствии другого. В нашем дневнике мы должны спросить себя:

- Что это было?
- В какой точке это активизировало тот или иной аспект моей жизни?
- Что мне нужно знать об этом?
- Как я могу использовать свои взрослые способности для разрешения этого?

Нам вовсе не нужно постоянно концентрировать свое внимание на дневнике: мы можем делать это, когда происходят какие-то значительные события. По дороге с сеанса психотерапии к людям нередко приходят интересные и самые удачные идеи только потому, что во время самого сеанса их материал был активирован. Или они просыпались с озарением в три часа утра на следующий день. Нужно обращать внимание на эти пробуждающие мысли, записывать их. Некоторые из них связаны с нашими конкретными повседневными тревогами, но многие также показывают скрытые на первый взгляд вещи. И наша задача заключается в том, чтобы выяснить, что послужило для них спусковым механизмом и почему.

Время от времени нам также необходимо практиковать технику Активного Воображения. Юнг глубоко проработал данный метод. Допустим, мне снится сон, в котором я нахожусь в доме. Я ощущаю какое-то зловещее присутствие. Мне

кажется, что кто-то пытается меня убить или проявляет ко мне враждебность, и я просыпаюсь в тревожном состоянии. С точки зрения эго, самое естественное в этой ситуации – это выйти из дома и позабыть этот сон, проигнорировать его. Но, думая о своей душе, я должен спросить себя: «Почему мне приснился такой сон?»

Чтобы применить технику Активного Воображения к данному сновидению, следует отыскать для себя тихое место, где нас не будут отвлекать телефонные звонки или внешний шум, а затем вернуться в психическое пространство сновидения, что меньше всего хотело бы сделать нашему эго. Возвращаясь к увиденному во сне, стоит спросить себя: «Что это за ощущаемое присутствие, эта зловещая угроза?» Мы можем войти в эту комнату, в это пространство, подойти к этому человеку и спросить: «Кто ты? Почему ты здесь?»

Когда мы используем технику Активного Воображения первые два-три раза, нам может показаться, что ничего не происходит, потому что это будет из всех сил пытаться вернуть нас в привычное ощущение реальности. Это не хочет находиться в этой комнате. Мы можете сказать себе: «О, да я просто придумываю все это». Но со временем мы начнем понимать, что мы можем все легче и легче погружаться в субъективное переживание сна и спрашивать себя: «Зачем ты пришел? Что ты хочешь от меня?»

За этими вопросами часто приходит откровение, что данное присутствие, данная энергия может быть какой-то частью нас самих, которая откололась и теперь злиться на нас и ищет нашей любви, нашего исцеления, нашего пробуждения. Или это позволяет нам осознать, что, возможно, в нашем окружении существуют определенные силы, которые опасны для нас и требуют нашего внимания.

С точки зрения логики, наше поверхностное чувство реальности думает: «Что это за чушь? Ты просто придумываешь какие-то диалоги в своей голове». Но так как большая часть нашей психической жизни бессознательна; она становится сознательной только тогда, когда активизируется или воплощается в образе, таком как образ сновидения или поведенческий паттерн. Активируя образ, мы придаем невидимому осязаемые черты. Наделяя образ жизнью, что и подразумевает под собой Активное Воображение, мы тем самым делаем его доступным для сознания. Мы здесь не для того, чтобы контролировать и сдерживать его, поскольку это шло бы полностью вразрез работе с нашей психикой.

Ведение дневника, Активное Воображение и работа со сновидениями – все это способы проявления внимания: возможность прислушаться к психике и осознать, что над обычным интеллектом эго стоит нечто большее, превосходящее его по своей силе и значимости. Нечто, что стремится установить с нами связь, что представляет собой, если хотите, мудрость самой природы. Эта идея не обязательно вписывается в просвещенный разум нашей культуры, с которым мы ежедневно имеем дело. Она представляет собой нечто большее, выходящее за рамки этого времени и места. Каким-то образом нечто, скрытое в нас, готово рискнуть и открыться. И как смеем мы тогда не сделать шаг навстречу тому, что ищет своего выражения через нас? Возможно, это будет выглядеть лишь скромной попыткой, но это будет придавать глубокое понимание личной цели, глубины и достоинства нашему путешествию, которое не идет в сравнение ни с какими внешними достижениями и признанием мира. Это будет дарить нам ту внутреннюю убежденность, что мы проживаем нашу жизнь настолько честно и правильно, насколько можем. Все мы приглашены в это путешествие и подготовлены к нему природой. И мы можем поблагодарить глубинную психологию, и, в частности, работу Юнга, за то, что они снабдили нас всеми необходимыми инструментами для выполнения этой задачи. Сделав это, мы обнаружим, что мудрость предков снова присутствует в каждом из нас. [15, с.50-53]

Способность психики исцелять себя, выражать проблему и способы ее решения в символических формах была и остается сродни чуду. Мы не изобретаем и не создаем эти вещи, они присутствуют и функционируют внутри нас, чтобы поддерживать работу самой природы.

Как когда-то утверждал Юнг, если бы мы помнили о том, что внутри каждого из нас живет человек, которому два миллиона лет, – сущность, несущая мудрость природы и указания души, разве нам не следовало бы обратить внимание на этого человека и по-настоящему выстроить отношения с ним? Разве не было бы разумно вырваться из какофонии внешнего шума и внутренней суматохи, чтобы войти в контакт с этой сущностью? Но мы все, как отмечал Юнг, будучи еще студентом Базельского университета, сильно пугаемся встречи с этим умиротворенным, тихим и в то же время знающим голосом души. Гораздо проще увековечить парадигму детства: чего-то крошечного, зависимого и ожидающего «другого», чтобы наделить все происходящее вокруг смыслом.

Это бегство от внутренних императивов является наследием нашего глубокого одиночества и зависимости, и оно полностью игнорирует возможность того, что природа, или Бог, дали нам все необходимые инструменты для выживания и движения вперед. Другие виды животных появляются на свет, «зная» то, что им нужно знать. Это касается и нас, но беда в том, что мы давно социализированы и отделены от этого первичного «знания». Пока мы не исчерпаем наши усилия отыскать императивы где-то «там», мы вряд ли рискнем прислушаться к тому, что волной тихих раскатов грома разливается внутри нас с наших самых первых неуверенных шагов по этой земле.

Даже будучи студентом, Юнг прекрасно осознавал это присутствие внутри себя, осуждая столь пристальное внимание к шуму окружающего мира. Интересно, что бы он сказал о нашей культуре круглосуточного погружения во внешние стимулы?

Юнг говорил: «Каждый момент нашей жизни пытается сказать нам что-то, но мы не хотим слушать этот голос души. Оставаясь наедине с самими собой, мы боимся, что нам что-то нашепчут на ухо, и поэтому мы ненавидим тишину и заглушаем ее при помощи общения».

Мы должны спросить себя, что может быть нашептано нам на ухо, чего мы так боимся? Что могут потребовать от нас? Не проще ли оставаться маленькими, зависимыми, вечно ищущими чего-то «другого», что избавит нас от подобного риска? Проще, но, как мы видим, это не приносит нам удовлетворения.

Для нас, существ, столь цепляющихся за привычки и усиленные защитные паттерны, перемены являются одновременно рискованными и необходимыми. Метафорично здесь то, как мы переносим защитные механизмы одного опыта на другой, и то, в рамки каких ограничений и предубеждений мы загоняем при этом поле нашего выбора. Мы думаем, что реагируем непосредственно на настоящий момент, когда на самом деле разыгрываем сценарий старой истории, переносим старую версию реальности на более позднюю, настоящую действительность. И тогда со временем мы убеждаем себя в том, что именно такими мы являемся и что так выглядит мир вокруг нас, отказываясь признавать, что это всего лишь истории прошлого разыгрывают свои прежние сценарии. Однако мы можем пробудиться к этим устаревшим образам через метафорический язык снов, через символические

послания нашего собственного сознания и тела и через произведения литературы. [15, с.91-93]

ИНДИВИДУАЦИЯ - ПРОЦЕСС САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ПРЕВРАЩЕНИЯ В ПОЛНОЦЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Термином "индивидуация" Юнг называл длящийся всю жизнь процесс превращения в полноценное человеческое существо, каковым, собственно, и должен стать человек. Индивидуация — это осознание нами нашего полного "я", развитие нашей осознающей личности до такой степени, что она включит в себя все основные элементы, присутствующие в каждом из нас на предсознательном уровне.

Почему этот процесс должен называться "индивидуацией"? Потому что этот процесс самореализации и превращения в более полноценного человека обнажает и индивидуальную структуру, свойственную только данному конкретному человеку. Он демонстрирует, как универсальные человеческие черты и способности в каждом конкретном человеке складываются в определенную неповторимую комбинацию. [2, с. 18]

Вводя понятие индивидуации, Юнг не имел ввиду нарциссическое самопотакание, скорее, нечто противоположное. Индивидуация требует смирения. Она призывает нас предстать обнаженными перед дарами жизни, высветиться и сделать свой личный неповторимый вклад в общую картину. Со стороны такой призыв кажется разумным и вполне выполнимым, однако на практике мы пугаемся. Ведь наше благополучие всегда основывалось на способности подстраиваться, адаптироваться, идти на компромисс. Индивидуация же призывает нас совсем к иному. Мы не должны бояться быть собой, даже если это не укладывается в представления других, каким-либо образом угрожает их ценностям. Действительно, кто пойдет на такой риск? [16, с. 179]

Юнг определил индивидуализацию как осознание и интеграцию внутренних конфликтов, осознаваемых и неосознаваемых комплексов, в том числе и комплекса контрсексуальности. Осознание своей внутренней нецелостности приносит осознающему некоторую свободу, понимание сложности своей собственной внутренней природы и дает ему возможность как бы «отстраниться» от отдельных

ее проявлений. Это способность наблюдать, классифицировать и изучать отдельные аспекты собственной личности без их непосредственного проявления. Для этого требуется достаточная степень развития внутренней рефлексии и некоторое освобождение от детских и некоторых других комплексов, чего удастся достичь лишь немногим людям. Как сказал Юнг, дорога открыта для всех, но немногим удастся пройти по этой дороге и достичь индивидуации, то есть ощутить свою «физическую целостность». Дверь на пути к индивидуации открывается перед человеком зачастую через опыт невроза: саморасщепление — это первый смелый рывок. Достаточно сильное разочарование, дефицит активности, неспособность к достижению поставленных целей, какие бы мучительные усилия для этого достижения ни прилагались, мучительные проявления негативных комплексов (например, поступки в стиле подражания агрессивному отцу, своей подавленной матери или в стиле ребенка, играющего роль жертвы) — вот типичные признаки подобного пробуждения, открывающего путь к индивидуации. Реальные цели вытесняются нашими мечтами и фантазиями, а наша сила воли оказывается совершенно подорванной. До тех пор мы не способны ощутить свою раздвоенность, пока наша внутренняя «реальность» опирается на наши детские комплексы, что может происходить либо в результате неосознаваемой идентификации с ребенком, сопровождаемой проецированием родительского образа, либо в результате идентификации с кем-то из агрессивных родителей и сопутствующей проекции беспомощного ребенка. Личность, неспособная ощутить расщепления своего внутреннего Я, вовсе не является психологически целостной («психологическим индивидуумом» — в терминологии Юнга) и поэтому неспособной к внутренней рефлексии и самоанализу. Подобные личности обычно считают, что их состояние полностью обусловлено тем, что «так устроен мир» и «такими уж мы уродились». Спросите подобную личность, и даже откровенно симптоматичную личность (например, алкоголика, наркомана или личность с неутолимым аппетитом), почему она считает разумными свои явно, нерациональные поступки, и вы, скорее всего, услышите ответ: «Потому что это правильно». То есть у подобных личностей полностью отсутствует какое-либо представление о системе отсчета, о существовании некоторых базовых предположений и эмоций, которые и лежат в основании их собственной «правильности». Многие наркоманы и алкоголики,

полностью лишены самосознания и не обладают какой-либо психологической индивидуальностью. Эту индивидуальность они заменяют применением традиций и ритуалов. Хотя в принципе, психологическую индивидуальность возможно приобрести и на пути применения традиций и ритуалов (а для некоторых традиций, например для буддизма, такой путь можно считать даже характерным), большинство живущих согласно традициям на протяжении всей своей жизни все же в психологическом отношении остаются детьми. Они даже не подозревают о присутствии и роли в их личном жизненном опыте субъективных факторов и, естественно, они не ощущают при этом какой-либо ответственности за уже прожитую ими часть жизни. [5, с. 342-344]

Юнг рассматривает индивидуализацию в терминах-символах, используя в данном случае символ-термин внутреннее «бракосочетание» между осознаваемым эго-комплексом и неосознаваемыми комплексами, а именно скрытым я и, прежде всего, анимой или анимусом. И действительно, бракосочетание с собственной анимой или с анимусом сходно с инцестом, так сказать, с бракосочетанием, происходящим в пределах внутренней (Эдиповой) семьи. Поэтому, в конечном итоге Юнг пришел к пониманию инцестных желаний не как изначально сексуальной, а скорее как духовной жажды индивидуума к обретению внутреннего единства, и он стал рассматривать инцест как некий мистический символ процесса индивидуализации. И именно эта идея индивидуализации и является краеугольным камнем психологии Юнга. [5, с. 267]

На протяжении всей своей жизни он был полностью поглощен изучением вопросов, связанных с инцестом. Инцестные образы занимали центральное место в его квазипсихотичных, квазимистических видениях на протяжении нескольких лет, последовавших непосредственно за его разрывом с Фрейдом, и в его мистических видениях после сердечного приступа в 1944 году. В его наиболее значимых работах, вышедших после 1944 года, программа Юнга состояла, несомненно, в пересмотре Эдипова комплекса в трактовке Фрейда, в которой этот комплекс рассматривался в качестве архетипа, необходимого для осуществления процесса индивидуализации. Утверждая это, прежде всего имеется в виду «Психологию Перехода» и его последнюю основополагающую работу «Misterium Ciniunctionis» с подзаголовком «Исследование отделения и синтеза психических противоположностей в алхимии».

Практически все неясные работы Юнга, посвященные алхимии, которые читатели находят столь странноватыми и удручающими, это работы о символическом инцесте. Хотя, как мы уже говорили, синтез психических противоположностей действительно имеет место и, при этом, имеет огромное значение не только внутри, но и вне алхимии, Юнг испытывал огромную потребность произвести ее концептуализацию в качестве алхимического инцестного объединения, произведя в итоге интегрированное Я, аналогично тому, как алхимики стремились произвести золото путем «химического бракосочетания». Он также сконцептуализировал психоаналитическую взаимосвязь как разновидность символически осуществленного инцестного союза, рассматривая этот переход в качестве своеобразной алхимической корочки, из-под которой может показаться золото индивидуализации». [5, с. 268]

Юнг подчеркивает уникальность психологической структуры каждого отдельного человека. Таким образом, он не случайно назвал этот процесс индивидуацией; это название отражает его убежденность в том, что чем ближе человек подходит к бессознательному и чем больше он соединяет его содержимое с содержимым осознающего разума, тем сильнее становится его ощущение уникальности своей индивидуальности.

В то же время, индивидуация не означает изоляции от человеческой расы. Как только человек начинает чувствовать себя более уверенным в себе, более полноценной личностью, он, естественно, начинает также искать многочисленные формы своего сходства с другими человеческими существами: ценности, интересы и исключительно человеческие качества, благодаря которым мы и объединились в племя людей. [2, с. 19]

Цель процесса индивидуации состоит в том, чтобы стать тем, кем мы на самом деле являемся. «Стань тем, кто ты есть», — говорил уже Пиндар, так что эта идея не нова. Аристотель подчеркивал, что каждое сотворенное существо несет в себе образ, присущий лишь ему, и жизнь должна приблизить его к этому образу самого себя. Это значит, что данная нам полнота жизненных возможностей станет во многом доступной для проживания; и то, что нам дано — и, вероятно, только нам — проявится в нас.

В этом смысле процесс индивидуации является процессом дифференциации: должны найти свое выражение особенности человека и его уникальность. При этом очень важно принимать себя — вместе со всеми вытекающими из этого возможностями и трудностями. Трудности являются сущностными: во многом наши особенности состоят из трудностей. Принятие себя вместе со своими возможностями и трудностями — это фундаментальная добродетель, которая может воплощаться в процессе индивидуации.

С процессом индивидуации часто сопоставляют образ дерева: семя попадает в землю и должно стать тем деревом, которое в нем «заложено», должно взаимодействовать со своим местом, с погодой, климатом, и так далее. Если подумать, то ведь шероховатости и покореженность, изгибы деревьев являются в них чем-то характеристическим. «Стать тем, кто ты есть», «стать той, кто ты есть» ни в коем случае не означает стать «гладким», гармоничным и «отшлифованным», напротив, это значит все больше воспринимать себя таким, какой есть, воспринимать то, что соответствует собственной личности, вместе со всеми своими «углами» и «краями». В этом смысле процесс индивидуации — это процесс приближения к себе.

Ведь, в конечном счете, мы не знаем, кто мы есть, и аналитик этого не знает. Любое приближение, каждая трансформация, которую мы переживаем, при необходимости могут быть откорректированы, являются преходящими.

Еще один аспект процесса индивидуации — более практический, но столь же важный и переплетенный с задачей становления собой — нацелен на достижение большей автономии. Человек должен стать отдельным существом, отделиться от родительских комплексов и, соответственно, от коллективного, от норм и ценностей общества, от ролевых ожиданий, от того, «что скажут люди». Стать самим собой также означает обрести свой «голос».

В рамках юнговской философии картина мира также вбирает в себя представление о том, что внешнее является внутренним, а внутреннее является внешним. Поэтому мы должны освободиться не только от захваченности коллективными ценностями, нормами и ролевыми ожиданиями, которые мы интернализировали в нашу Персону, но и от захваченности бессознательным — и осознанно вступить в отношения с ним. Нас не должны определять ни бессознательное, ни ценности, которые имеются в обществе. Освободиться от

захваченности бессознательным означает, например, не позволять себе не замечать, что какой-либо архетип просто определяет нашу жизнь. [4, с. 7-9]

Если мы работаем над индивидуацией, то мы начинаем видеть разницу между идеями и ценностями, порожденными нашим собственным "я", и общественными идеями и ценностями, которые мы впитываем из окружающего нас мира. Тогда мы можем прекратить быть простым придатком общества или группы людей: мы осознаем, что у нас есть наши собственные ценности, наш собственный образ жизни, которые соответствуют данному нам от рождения "я".

Процесс индивидуации порождает великое чувство уверенности в себе. Человек начинает понимать, что ему совсем не обязательно добиваться того, чтобы быть похожим на других, ибо быть самим собой гораздо безопаснее. Мы понимаем, что на то, чтобы полностью познать себя и развить все данные нам от природы способности, уйдет вся жизнь. Нам не нужно превращать нашу жизнь в имитацию жизни других людей. Мы больше ни на что не претендуем, потому что то, что у нас уже есть, превосходит все наши ожидания. [2, с. 20]

Речь идет о чем-то большем, чем желания и удобства, за которые торгуется Эго. И бегство от индивидуации для нас только хуже. Ведь мы остаемся со всеми своими страхами, самоуничижением, продолжаем надеяться и разочаровываться, ошибаться, разувериваться. Остаться в этих застенках – значит снова и снова упираться в наше неподлинное, ложное «Я», а это и есть ад. Во всех великих трагедиях есть эта мысль: покуда мы будем пытаться охватить всю картину целиком, наделяя себя божественными атрибутами, боги будут спускать нас на землю, в этот дольний мир. Если же мы будем вглядываться в тайну природы, друг в друга, то неизбежно вырастим и в награду получим ощущение полноты и целостности нашего пути. [16, с. 182]

Многие прогнулись под ударами судьбы и давлением внешнего мира. Но то, что Юнг назвал Самостью, естественная мудрость психики, ее органическая сила и воля, есть в каждом из нас и ждет, когда мы высветимся, сдержим обещание. Но кто действительно способен на это? Сколько было тех, кто отрекся, найдя формальную отговорку? И тогда внутри всегда что-то саднит, стучится в дверь, обычно в три или четыре часа утра, когда мы уязвимы и открыты. В эти часы одиночества встреча с

непрожитой Самостью кажутся наиболее острыми и живыми. Солнце восходит снова и снова, а наше предназначение неизменно ждет нас. [16, с. 183]

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЦЕЛЬНОСТИ - САМОСТЬ

Средневековые алхимики говорили: "что вверху, то и внизу", современные аналитики добавили бы: "что внутри, то и снаружи", и наоборот.

Юнг представлял себе душу в контексте взаимодействий между интрапсихическими, соматическими и межличностными явлениями; кроме того, для формирования его представлений о душе важными были ее отношения с миром, аналитическим процессом и самой жизнью. Юнг называл эти живые и неразрывные взаимоотношения, берущие свое начало из *unus mundus*, "единого мира" - термина, заимствованного из средневековой философии. Этот мир означает недифференцированное единство, первичный бульон, содержащий в себе все. [13, с.96]

Представление Юнга о том, что все уровни существования и опыта тесно связаны, отражаются в современных открытиях в генных технологиях: все формы жизни, от травинки до человека, строятся на основе одних и тех же четырех компонентов генетического материала, отличающихся только взаиморасположением. Юнг также пришел к заключению, что представления о "едином мире" отражены в символе, который существует в каждой культуре на всем протяжении истории: мандале, или "магическом круге", означающем одновременно и недифференцированное единство, и интегрированную целостность.

У Юнга, в недифференцированной форме "единого мира", "потенциальном мире вне времени", все и вся взаимосвязаны, и не существует разницы между фактами психологическими и физическими, а также прошлым, настоящим и будущим. Это пограничное состояние, где время, пространство и вечность едины, формирует основное из представлений Юнга о структуре и динамике души: существование объективной души, или коллективного бессознательного, которое является резервуаром и актуального, и потенциального человеческого опыта, а также его компонентов - архетипов. На этом магическом, "доэдиповом" уровне души, который не в ладу с рациональными и причинными объяснениями, многие вещи

просто "случаются" одновременно (например, я думаю о своем друге, и тут же звонит телефон), и психологическое значение можно определить по значимым совпадениям. Внутренние и внешние события взаимосвязаны своим субъективным значением. Между душой и материей, между субъектом и объектом существуют неразрывные связи; аффекты, образы и действия сливаются воедино. Юнг придавал большое значение этому магическому уровню души, считал, что он вечно будет основанием, из которого произрастает все остальное.

Но древние представляли также, что единый мир разделен на такие части, как объект и субъект (это было важно, чтобы привести потенциальные возможности в состояние актуальности). В аналитической работе этот процесс разделения, например, узнавание и интеграция проекций - значительное достижение психологии. Юнг также чувствовал, что эти "части", будучи однажды разделенными, должны быть опять соединены в новое целое. Хотя миры субъекта и объекта, сознания и бессознательного разделены ради адаптации, они должны быть воссоединены во имя здоровья, означающего для Юнга целостность. Это потенциальное состояние целостности он называл Самостью (душа целиком, а не только одно эго). Развитие по направлению к нему представляет собой часть процесса индивидуации. Этот акцент на синтезе частей предварительно разделенного целого составляет другую уникальную черту юнгианского подхода. [13, с.97-98]

Идея Самости является фундаментом всего мировоззрения Юнга, ключом к его психологической теории и, очевидно, тем, что более всего задает дистанцию между ним и другими значительными фигурами в глубинной психологии и психоанализе. За последние полвека психоаналитическая теория продвинулась в направлении, в значительной мере обозначенном Юнгом, но все же почти никто из теоретиков психоанализа не отважился углубиться настолько, насколько это сделал он в концепции Самости.

Самость — это целенаправленность организма, телеологическое намерение стать самим собой, насколько это вообще возможно. Как в корневище растения содержится весь цветок, так и единая самость организма выражается в совокупности его корня, стебля, лепестков, пестика и тычинок. Самость непознаваема, хотя её целенаправленность можно увидеть в разных формах телесного выражения: аффектах, мыслях, симптомах, образах сновидений и т. д. «Считывание»

целесообразности Самости — это основная задача юнгианской терапии; предполагается, что оно является ключом к исцелению человека. Поскольку Самость воплощает целостность организма и его таинственную автономную деятельность, мы никогда не сможем познать ее глубже, чем пловец может познать океан или мыслитель постичь Царство Небесное. Следовательно, хрупкое Эго должно наполниться «ощущением» Самости, которая всегда останется непознаваемой и непостижимой.

Поэтому мы всегда обладаем только частью знания, хотя можем искренне полагать, что понимаем себя целиком и полностью. По сути, нет большего безрассудства, чем такое проявление гордыни. В греческой трагедии происходит землетрясение, когда главный герой заявляет, что полностью познал себя. В тот момент можно быть абсолютно уверенным в том, что боги приступили к своей работе — вернуть человека обратно в состояние истинного смирения, звучащего в сократовских вопросах. Юнг говорил, что невроз похож на обиженного или отвергнутого бога, имея в виду, что степень выпячивания той или иной стороны Эго человека отражает степень отрицания им глубины, широты и многомерности проявления Самости.

Несмотря на то, что многие авторы в настоящее время используют термин «Самость» в своих клинических исследованиях и теоретических рассуждениях, никто из них не имеет в виду ту область, которую пытался охватить в своей концепции Юнг. При первом знакомстве юнговская теория Самости может быть неверно воспринята, причем как исторически, так и концептуально. Самость — это не только наиболее фундаментальное понятие его теории, но также и основополагающая идея, и требуется определенная готовность, чтобы вполне охватить ее масштаб и значение.

Для Юнга Самость трансцендентна, и это подразумевает, что она не определяется пределами психической сферы и не содержится в ней, а, скорее, находится вне этой сферы и в значительной мере определяет ее сама. Трансцендентность Самости является той чертой, которая отличает теорию Юнга от других теорий Самости. Для Юнга Самость парадоксальным образом не является чьей-то Самостью. Она больше, чем чья-то определенная субъективность, ее сущность лежит за пределами субъективной сферы. Самость создает основание для

общности субъекта с миром, со структурами Бытия. В Самости субъект и объект, Эго и другой структурно и энергетически объединены в единое поле. [12, с.163-164]

Я не раз в своей работе упоминаю изречение Юнга: «Только поэты будут способны понять меня...» И, в связи с этим можно сослаться на слова известного английского поэта Джона Китса о сущности поэта, мне кажется это в равной степени относится и к Самости. Китс пишет о том, что «...характер поэта лишен определенности. У него нет особенного Я. Он все и ничто. Он одинаково наслаждается светом и тенью, дурным и прекрасным, низким и возвышенным. У него нет собственного облика, но он все время стремится его обрести и вселяется в кого-то другого».

Для Юнга переживание Самости — этого наиболее надличностного архетипа, — было весьма драматичным. Оно возникло из внутренней борьбы и сумятицы чувств в сложный период жизни, когда он часто задавал себе вопрос, не заблудился ли он в дебрях психики. У него не было карты, по которой можно было бы ориентироваться, он на ощупь пробирался сквозь джунгли недоступных пониманию чувств, идей, воспоминаний и образов.

В автобиографии Юнг называет этот период «конфронтацией с бессознательным». К моменту своего важнейшего открытия он уже основательно погрузился в кризис середины жизни. Разрыв с Фрейдом привел его к глубокому душевному разладу и сомнениям в своей профессии, которые он, наконец, стал постепенно преодолевать.

Он описывает первую часть этого срединного возраста (1913–1916) как время, когда произошло открытие им своего внутреннего мира, анимы, всего многообразия бессознательных образов и фантазий. В процессе внутреннего самоисследования Юнг тщательно записывал и иллюстрировал свои сны, фантазии и другие важные переживания в документ, впоследствии названный «Красной книгой». [12, с.165]

Сначала произошло примечательное событие с дверным колокольчиком. Дело было в 1916 году. Юнг рассказывает, как однажды, в воскресенье после полудня, когда он сидел в гостиной своего дома на Зеештрассе в Кюснахте, он ощутил в доме какую-то тяжелую эмоциональную атмосферу. Его домашние показались ему напряженными и раздражительными. Он не понимал почему, но воздух казался ему заряженным присутствием незримых фигур. Неожиданно зазвенел дверной

колокольчик. Он пошел, чтобы открыть дверь, но там никого не было. Тем не менее дверной молоток заметно двигался. Он клянется, что видел, как тот двигался. Сам по себе! Когда горничная спросила, кто звонил, Юнг сказал, что не знает, так как у двери никого не было. Колокольчик зазвенел опять. На этот раз горничная тоже увидела движение молотка. Он не галлюцинировал.

А затем Юнг услышал слова, звучащие как бы сами по себе:

«Мертвые вернулись из Иерусалима, где они не нашли того, что искали. Они жаждали, дабы я допустил их к себе и наставил...»

Он решил записать эти слова. За ними пришли другие:

«Слушайте же: Я начну от ничто. Ничто, по сути, то же, что и Полнота. В бесконечности наполненность не что иное, как пустота. Ничто — и пусто, и полно. Вы можете сказать равным образом и нечто иное о ничто, например, что оно белое или черное, что его нет или что оно есть. Ничто или Полноту мы наречем ПЛЕРОМА».

В течение нескольких последующих дней Юнг записывал, как под диктовку, гностический текст, озаглавленный «Семь наставлений мертвым». Это наставление, переданное словами от имени древнего гностического учителя Василида, стало посланием, которое пришло Юнгу из архетипической области психики.

Конечно, мы знаем, что Юнг интересовался гностицизмом еще до этого случая и был хорошо знаком с древними гностическими текстами, поэтому многое связывало этот визионерский опыт в его гостиной с занятиями в библиотеке. В любом случае это было новое произведение в форме грандиозного религиозного текста, явившееся спонтанно из глубин его души. Он не просто цитировал, извлекая фрагменты текста из памяти, как при криптомнезии. В классических гностических текстах до сих пор не обнаружено ничего подобного. [12, с.166]

Наблюдение влияний бессознательных мотиваций на наши мысли и действия, на наше эго — центр сознательного смысла собственного Я, самоидентификации — знакомит нас с иным миром, в котором действуют совсем другие законы.

В нас присутствует Нечто, о котором мы не знали, что оно здесь. Нечто происходит внутри нас, и мы должны прийти к соглашению с этим фактом.

Если мы будем уделять внимание пространству бессознательного в нашей психической жизни, то оно постепенно констеллируется в постоянное присутствие,

которое будет становиться все более привычным. Например, только лишь запись наших снов в течение некоторого периода времени продемонстрирует нам периодически повторяющиеся мотивы, персонажи и образы, которые, кажется, требуют ответа, вовлекают нас в разговор вокруг центральных тем или конфликтов. Эти основные паттерны впечатляют нас так, как если бы они приходили из некоторой другой объективности, присутствующей внутри нас. И эта определяющая сила в бессознательном и есть Самость.

Самость присутствует в нас как предрасположенность ориентироваться относительно центра. Она является архетипом центра, изначальным образом, схожим с теми, что очаровывают самые различные общества на протяжении многих веков. Она является, также как все архетипы, частью потаенных слоев нашего бессознательного, которое Юнг называл «коллективным» или «объективным», чтобы показать, что оно превосходит границы нашего личного опыта. Мы переживаем существование Самости с участием нашей субъективности, но это переживание не является нашей собственностью, не мы создали его, оно обладает своей собственной, независимой жизнью.

Например, некоторые аборигены Австралии поклоняются Единому. Они ощущают его присутствие в самих себе, хотя говорят о нем не как о моем Едином или нашем Едином, но как о Едином — сердцевине всей жизни. Когда мы обращаемся к нашему стремлению к Самости, то мы, каждый из нас, переживаем ее как центр своей души и более того — самой жизни. Наша частная картина Самости будет создаваться из образов нашей личной биографии, из того, что на психотерапевтическом жаргоне мы называем отношениями с «объектами» — с родственниками или другими людьми, значимо повлиявшими на нас. А то, что мы делаем в этом театре отношений, зависит от нашей обусловленности коллективными образами центральной доминанты нашей частной культуры и исторической эпохи, особым образом включающей наше религиозное образование или его недостаток. Но наши образы Самости не ограничены этими влияниями со стороны нашей личности или культуры. Они также включают множество изначальных универсальных образов Самости, способных поставить нас перед лицом глубинных слоев жизни нашего собственного бессознательного.

Самость не принадлежит целиком сознанию или бессознательному, но упорядочивает нашу психику во всей ее целостности, подобно срединной точке или оси, вокруг которой вращается все сущее. Мы воспринимаем ее как источник жизни для целостной психики, т. е. она входит в отношения с сознательным эго как наиболее значимое присутствие из всех знакомых нам раньше. Если в нашей эго-жизни (ее мы обычно и называем «жизнью»: мысли и чувства, культуру, с которой мы прочно связаны) мы взаимодействуем с приближениями к Самости, то это ощущается как единение с процессом центрирования не только для нашей глубинной Самости, но и для того, что простирается далеко за пределы нас самих, нашей психики, в центре реальности. Если мы игнорируем бессознательное или активно сопротивляемся тем знакам, которые посылает нам Самость, мы воспринимаем этот процесс как разрушающий эго, сокрушающий наши планы и намерения с их высокими целями. [13, с.440-441]

Если мы действительно становимся сознающими и принимаем разделительную черту между эго и Самостью, то она трансформируется в пространство разговора между мирами. Мы переживаем эту взаимосвязь, происходящую в нас самих и во всех аспектах нашей жизни. Смысл этой встречи в том, чтобы привести нас к жизни в одно и то же время захватывающей и полной благоговения. Именно на этой разделительной черте мы открываем свой образ Бога. Этот образ указывает нам сразу два направления: намеренно спрятаться в своей эго-жизни или продвигаться сквозь неизвестность (что там за чертой?) к неизвестному Богу. [13, с.442]

Некоторые необычайные существа, называемых Сиддхами, они жили в далёком прошлом. Эти люди были алхимиками и магами, и имели огромное влияние на Индию во времена, предшествующие арийскому вторжению. Они старались наладить диалог между Эго и Самостью, но вместо представления о самадхи, излагаемого ведантистами, они пытались достичь ещё более глубокого состояния транса, называемого кайвалия. Это слово означает «изолированный» или «отделённый», и подразумевает независимость от Вселенной, и даже от Бога. Сиддхи стремились достичь бессмертия в собственных телах, и использовали для этого алхимические соединения металлов. [11, с.75]

Работы Юнга были написаны одновременно двумя языками, и второй был скрыт под первым, причем, вполне возможно, что он даже не осознавал этого. Так, психоаналитик стал Гуру, Учителем, в то время как пациент становится Чела, Учеником. Если болезнь на самом деле — это расщеплённое или неполноценное состояние, а здоровье — тотальность, тогда юнгианский способ лечения душевнобольных был попыткой проявить иллюзорные фантомы и тени из прошлого пациента с тем, чтобы создать новый смысл реальности или Самости, а этот процесс находит близкие параллели с учениями гуру индуизма. Как бы там ни было, в действительности Юнг добивался установления диалога между индивидом и Вселенной, без разрушения идеи личности или Эго. [11, с. 74]

Имел ли открытый Юнгом процесс индивидуации второй, тайный язык. На прямой вопрос он ответил бы отрицательно. Но всё же, такой язык существует. Он присутствует, как будто ожидая, чтобы его открыли. Есть разница между тем, что человек делает, и тем, что происходит само собой. Эта закономерность открывается во многих уголках мира, в строениях, объектах искусства, в жизнях отдельных людей, достигших величия вопреки самим себе. Человек настраивает себя на некоторую задачу с решимостью и упорством, а затем внезапно из другого мира приходит порыв ветра, и всё меняется. Его, кажется, используют боги; вопреки себе самому, он становится частью Мифа. Работа Юнга была слишком упрямой и драматичной, чтобы не продлиться в будущее. Как человек, ожививший труды гностиков и алхимиков, он сам должен был стать частью их мистерий, даже если изначально хотел отмежеваться от них. Потому что ни гностики, ни алхимики не творили символы ради психологического анализа, но лишь ради магии. А потому, даже сражаясь с этим, Юнг неизбежно должен был стать магом, желающим проникнуть за пределы официальной науки своего времени. Он осознавал это, когда говорил, что только поэты могли бы его понять. В философии алхимии существует идея *Soror Mystica*, Мистической Сестры, которая работает вместе с алхимиком, когда он смешивает в ретортах вещества. Она находится при нём всё время, на протяжении всего длительного процесса слияния, и в конце концов происходит мистическая свадьба, включающая сотворение Андрогина. Свадьба не может произойти без присутствия женщины, то есть, без психической встречи Сестры и Алхимика. В процессах индивидуации, выработанных в лабораториях юнгианства,

между пациентом и аналитиком происходило то же слияние. Между ними появлялись образы и сны, становясь общими для обоих — потом нельзя было вспомнить, кто из них первым создал тот или иной сон или образ. Такой психический союз недостижим в обычной любви, даже если оба любовника жаждут полного слияния: они никогда не смогут видеть общий сон; всегда будет что-то, разделяющее их. Только мистическая свадьба способна закрыть эту брешь. Юнг сказал, что психический союз может пройти только в духе любви, потому что лишь тогда можно без страха идти на риск. Тем не менее, любовь в психическом союзе сложна и опасна; это любовь без любви, противоречащая законам физического творения и истории. Это любовь запретная, достижимая лишь вне брачных отношений. Эта любовь к Царице Савской, таким образом, приводит к рождению дитя не плоти, но духа, или воображения. Это слияние противоположных факторов психе обоих любовников; это процесс магической индивидуации. [11, с.89-90]

Подобно ртути алхимиков и астральному огню оккультистов, Кундалини пробуждает чакры, одну за другой, пока наконец, не оказывается открытым Третий Глаз, Аджна Чакра, и не будет достигнута Финальная Пустота. Это брак между Эго и Самостью, достигаемый через союз Anima и Animus. Из объятий Беатриче Данте нисходит в Ад, а после возносится на Небеса...

«Только поэты будут способны понять меня...». Только теперь можно осознать силу слов Юнга; Юнг, этот маг, почти в одиночку открыл для нас, сегодняшних, возможность принять участие в этих Мистериях, которые, кажется, способны вернуть нас в легендарные земли Человека-Бога. А теперь мы должны ждать появления ученика, способного донести его послание, истолковать скрытый язык его работы, подобный палимпсесту. Такой ученик должен быть священником, магом или поэтом. [11, с. 92]

Человек есть порождение Природы; тем не менее, он восстаёт против неё, потому что она, как кажется, не принимает его. Несомненно, это происходит благодаря другой силе, также существующей в Природе, подталкивающей нас к жертве и восстанию. И всё же эта сила является только фазой, или аспектом центральной силы, которая направляет нас к любви. [11, с. 137]

Есть— последний, решающий цветок, возможно, цветок чистого творения; может быть, вовсе и не природный, но совершенно магический. Это цветок, который

Юнг приписал проходящей через века магической традиции. Этот несуществующий цветок — то, что профессор Юнг назвал Самостью, кругом, чья окружность не имеет пределов, а центр не находится в каком-то определённом месте. Этот центр в личности должен быть измышлен, потому что, хотя он и присутствует, но никогда не осознаётся; он существует только потенциально. Чтобы понять, что это не просто мудрёное представление, нужно рассмотреть наши идеи о вечности и бессмертии — вещах, которые мы придумали. Даже душа — это что-то, созданное человеком. И мы должны верить, что центр и цветок существуют, даже если это и не так, даже если их не было никогда. «Благословенны те, кто поверил, не видя Меня».

Это действие чистого творения, чистого не-существования должно быть настолько фундаментальным, что при его рождении вся Природа ответит ему, склонившись перед его силой. И тогда луч света падёт на дерево, показав, что Природа ощутила прикосновение к центру своей души. [11, с. 138]

СИНХРОНИЯ – СОЗИДАНИЕ ДУШИ

Как может сложиться единое понимание в рамках раздробленной на части современности и особенно нынешней науки, которая, изгнав богов со звезд, планет и природы, оставила нас одинокими странниками посреди 10^{10} галактик в невообразимо огромной Вселенной? [8, с.18]

Исторически мир Запада преуспевал в физике и химии, науках, изучающих внешний, осязаемый мир количественных характеристик. Благодаря Ньютону и другим мы значительно продвинулись в деле обуздания сил природы. Наше восприятие времени и пространства является внешним, измеряемым и якобы предсказуемым. Каждый из нас существует в определенной точке пространства, в определенный момент времени. Более того, у каждого есть имя, свое место и роль в обществе. Все эти характеристики, безусловно, произвольны, но они создают такую систему координат, которая дает нам способность ориентироваться. Как только эти «скрепы» разрываются, человек, племя, культура теряют ориентацию и оказываются в состоянии кризиса. Поскольку «скрепы» нашего общественного устройства были

созданы за последние два столетия и являются сугубо социальными, а не физиологическими построениями (а значит, не такими прочными), то их разрушение приводит к известной общекультурной тревожности, принимающей форму истерии, а также к использованию отжившей риторики и регрессивным, порой даже жестоким, попыткам подавить амбивалентность. Так мыслят хронически неуверенные ни в чем диктаторы.

В свою очередь, культуры Востока от века ориентировались на внутренний мир. Подобно тому как западная физика исследовала внешний мир, в таких хрестоматийных трудах как «И цзин» и «Дао дэ цзин» мы видим примеры методик изучения внутреннего мира. Так, в «И цзин», или «Книге перемен», описывается особый метод выявления внутренней причинности, которую люди западного мира посчитали бы случайной и произвольной. Для западного человека брошенная монетка или палочка тысячелистника – просто бесполезное гадание, но восточный человек знает, что таким образом гадающий проникает в Дао момента, причащаясь к качественному измерению реальности. Так, взаиморасположение и стечение мгновений в конечном итоге не произвольно, оно вплетено в качественную текстуру пространственно-временного континуума. [16, с.41]

Пренебрежение ученых конца 19 века к алхимикам заметно уменьшилось после открытия происходящего в природе превращения элементов. [29, с.58]

Целью алхимиков было достижение интеграции, имитирующей первоначальное единство. [29, с.59]

Алхимики связывали уровни реальности с помощью учения о «знаках» и через воображаемые соответствия. Аналитики всматриваются в психику в поисках скрытых связей между формами опыта, поведения и релятивизации связей между сознательным и бессознательным. Физики фантазируют о суперструнах, которые, в некотором смысле окружают Вселенную и генерируют все силы в природе – в гравитационных струнах, пронизывающих двадцать шесть измерений. [29, с.60]

Физика Ньютона продолжает работать на нас, удерживая (почти всегда) самолеты в небе и не позволяя мостам разрушаться, но вот уже более века мы знаем, что существуют такие явления, которые не ведут себя в соответствии с нашими ожиданиями и прогнозам, что электрон переходит с одной орбиты на другую, не преодолевая никакого расстояния и что одна частица может существовать в двух

точках пространства единовременно. Короче говоря, мы теперь просто не можем не задаваться более сложными вопросами, чем те, что ставил перед наукой материализм. С того самого момента, как датский физик Нильс Бор задал свои вопросы и сделал свои наблюдения, каузальное истолкование времени и пространства ньютоновской физики стало историей. Просто наблюдая за явлениями, мы их видоизменяем – к такому выводу пришел Вернер Гейзенберг, подразумевая, что все мы являемся частями одного силового поля. Теория хаоса демонстрирует нам, что даже явная произвольность, или хаос, являются частью некоего организованного процесса, источник которого трансцендентен обычному сознанию, неподвластен привычным законам причинно-следственной связи.

Подобно тому, как обман зрения понуждает нас пересмотреть свою сознательную точку зрения, взглянуть на объект одновременно с нескольких углов, так и квантовая физика заставляет нас понять, что пространственно-временная закреплённость объекта – это лишь чувственно ощущаемая иллюзия, лишь одна из возможных перспектив, тогда как существуют и другие. Таким образом, новая физика как бы говорит нам: то, что вы воспринимаете как закреплённость объекта есть лишь ваше сиюминутное наблюдение энергетической системы, которая видоизменяется каждую тысячную долю секунды. Источник этого явления остается тайной, в прошлом эту тайну было принято называть Богом. (Вспомним древнюю максиму, известную нам из разных источников: «Бог есть сфера, периферия которой нигде, а центр – везде»). И теперь новая физика использует понятие нелокальности для утверждения и подтверждения этой идеи. Таким образом, некое «сознание», трансцендентное обычному человеческому сознанию, не просто «создает» материю, но также и управляет моделями ее преобразовательных манифестаций. [16, с.47-48]

Синхрония – это проявление энергий, пронизывающих незримый мир, которые порой вторгаются в видимый мир в форме совпадений.

Такие случаи совпадений требующие сопричастности тайне и расширения сознания. Они заставляют нас задуматься о существовании иных систем ценностей, иных осей координат, иных структур, чем те, с которыми свыклось зашоренное шаблонами сознание.

Синхроничность является одной из наиболее эзотерических концепций Юнга, которая приводит мысли в творческое беспокойство начинающих аналитиков. Но по

мере освоения аналитической психологии - теория из абстрактной идеи для многих может стать реальностью и возникнет понимание ее ценности в психотерапевтической практике.

Смысл синхронии связан с объяснением процесса индивидуации – самого сердца взглядов Юнга на глубинную психологию. Синхрония есть созидание души. [8, с.17]

Юнг писал о синхроничности в позднем периоде своей жизни. Главный его труд, на эту тему: «Синхроничность: принцип акаузальных связей», был издан в 1952 году, когда ему было уже более 70 лет. Юнг назвал его попыткой «слитно представить все то, что я могу сказать на эту тему», предпринятой затем, чтобы «положить начало отрасли малоизвестной, но с высочайшим философским значением». Эта работа является сложным, с большим количеством приписок трудом, который был прочитан в виде лекции годом раньше под титулом «О синхроничности». Синхроничность оставалась малоизвестной теорией, возможно из-за трудного языка, возможно потому, что интеллектуальное осознание этой концепции требует значительного участия интуиции.

Юнг ввел понятие синхроничности в 1930 году, в речи, посвященной памяти своего друга Ричарда Вильгельма, сиолога и переводчика многих древних китайских текстов. Однако первый набросок концепции синхроничности появился в 1949 в предисловии к «Книге перемен» (И-Цзин), переведенной Вильгельмом. В течении почти тридцати следующих лет Юнг лишь смутно упоминал в своих работах о синхроничности. Эта концепция долго созревала. [8, с.17]

Позднее Юнг заметил в интервью перед камерой: «Эйнштейн был первым, кто подтолкнул меня к мысли о возможной относительности времени, а также пространства и их психической обусловленности. Более тридцати лет спустя этот стимул привел к моим отношениям с профессором физики В. Паули и моему тезису о психической синхронии». [29, с.40]

Синхроничность — это описательный термин для обозначения отношений между двумя событиями, связанными общим значением. Он определяет связь, не имеющую причинно-следственного характера. Чтобы проиллюстрировать это понятие Юнг описывает событие, произошедшее с его пациенткой «всегда знающей все лучше других», что существенно затрудняло продвижение терапии.

«После множества бесплодных усилий смягчить ее рационализм более человеческим восприятием, мне пришлось ограничиться надеждой, что произойдет нечто неожиданное и иррациональное, что сможет разбить интеллектуальную реторту, в которую она загнала сама себя. Во время одной из наших сессий я сидел напротив ее, спиной к окну, слушая риторический поток ее слов. Она была под впечатлением сна, прошлой ночи, в котором кто-то дал ей золотого скарабея — дорогое украшение. В то время как она рассказывала о своем сне я услышал мягкие удары по стеклу, обернувшись я заметил большого размера насекомое, пытающееся проникнуть в комнату, мне показалось это довольно странным. Я сейчас же открыл окно, впуская его внутрь. Это был жук, а его желто-зеленый цвет напоминал золотого скарабея. Я протянул его пациентке со словами: «Вот ваш скарабей». Это событие пробило столь долгожданную брешь в ее рационализме, ломая интеллектуальное сопротивление. Теперь можно было успешно сконцентрироваться на продолжении терапии».

То, что жук появился именно в этот момент стало для женщины необычайным совпадением. Такого типа значимые совпадения сильно впечатляют глубокие слои психики. Пациентке был необходим эмоциональный опыт, который дал бы ей возможность измениться, и насекомое стало именно таким переживанием. Скарабей — египетский символ возрождения и перемен, которые совершенно необходимы в проведении психоанализа. Присутствие жука в комнате позволило начать процесс трансформации жестких установок.

Синхроничность требует участия человека, поскольку субъективный опыт нуждается в придании значений, возникшему совпадению. Такое значение отличает синхроничность от простых совпадений, которые состоят в том, что определенные события происходят одновременно. Мы синхронизируем часы, планируем старт самолета, люди собираются в театрах в определенное время, но никто не видит в этом совпадения. Однако синхроничность в юнгианском значении — есть значимое совпадение, возникающее в субъективно определяемых временных рамках. Человек связывает события, которые необязательно возникают одновременно, хотя зачастую случается именно так.

Помимо огромного практического смысла в процессе терапии, синхрония имела большое теоретическое значение для Юнга. Клинический опыт с

синхронистичностью позволил ему лучше различать архетипы, лежащие в основе событий синхронистичности, видя их как психоидные, структурирующие паттерны как для психе, так и для материи. [8, с.17]

В случайном, но осмысленном восприятии сближения внутренних и внешних событий – создания или восприятия связи между внутренним переживанием и воспринимаемым извне – обычно ощущается чувство участия в «актах творения во времени». Это похоже на восприимчивость религий, основанную на индивидуальном опыте проявления, таком как у древних египтян или у американских индейцев. [29, с.52]

Юнг описывает три типа синхроничности. Первый состоит в совпадении внутренних смыслов (мыслей или чувств) с внешними событиями. Второй тип синхронических событий — это ситуации, когда человек видел сон или видение и они совпадают с событиями, происходящими где-то далеко, что впоследствии находит подтверждение. В таких событиях возникает знание о происшедшем событии без участия органов чувств. Третья категория касается переживаний, снов и видений того, что должно произойти в будущем и что действительно подтверждается впоследствии. [1, с.20-21]

Юнг ввел термин синхроничность чтобы обозначить определенного вида связи между психикой и внешними событиями при помощи значимого совпадения, причем являются ли они значимыми, решает сам субъект чисто субъективным образом. Для полного понимания того, чем является синхроничность, необходимо приобрести личный опыт необычного совпадения и пережить спонтанную эмоциональную реакцию — удивления, тревоги, восхищения, которая сопутствует этому явлению. Синхроничность обычно трудно объяснить рационально или приписать ее чистому совпадению.

Между синхроничностью и причинно-следственной связью существуют существенные различия. Причинное объяснение связано с объективным знанием: чтобы объяснить, каким образом одно событие вытекает из другого, мы опираемся на наблюдения и логику. Когда в окно запущен камень и стекло разбивается, мы имеем дело с причинно-следственной связью. Не имеет значения, кто бросил камень, когда и где это происходит, и кто наблюдатель. Причинное объяснение принимает, что камень, брошенный с определенной силой, разобьет стекло. Синхроничность —

наоборот —полагается на субъективных переживаниях. Если данный человек неожиданно почувствует, что должен отойти от окна, в которое через мгновение влетает камень, то осознание этого предчувствия делает из разбитого стекла синхроничное событие. Время для такого человека приобретает значение, поскольку его внутренние чувства неким неизвестным образом вошли в контакт с внешними событиями, наступившими потом. [1, с.22]

Юнг считал, что в синхронических событиях посредничает коллективное бессознательное или архетипический уровень бессознательного.

Когда уровень архетипов будет насыщен эмоциями, тогда в снах могут появиться персонажи с очень выразительным символическим значением, а синхронические события будут происходить значительно чаще. Как сны, так и синхронические события, всегда находят символическое выражение, что указывает на их общие корни и связь на уровне архетипов. Это, однако, не объясняет, как и почему происходят синхронические события, доказывая лишь то, что на уровне коллективного бессознательного существуют некие связи между синхроничностью и активированным архетипом.

Об отношениях синхроничности и коллективного бессознательного Юнг высказывался в письме 1945 года, доктору Д. Б. Райни, известному исследователю паранормальных явлений. Он писал, что коллективное бессознательное ведет себя так, как если бы оно было единым целым, а не разделенным на множество частей, проявляясь не «только у людей, но также у зверей и даже в неодухотворенной материи». Юнг приводит для иллюстрации следующий пример: «Я прогуливался со своей пациенткой по лесу, она рассказывала мне о первом в своей жизни сне, который произвел на нее неизгладимое впечатление. Она видела лису-призрака, которая шла по лестнице ее дома. В этот момент на расстоянии менее чем тридцать метров, из-за деревьев появилась настоящая лиса и совершенно спокойно шла впереди нас несколько минут. Животное вело себя так, как будто оно являлось партнером в этой ситуации.»

Это одно из тех удивительных синхронических событий, которое, кажется, сигнализирует, что то, что мы обсуждаем в данный момент, несет огромный эмоциональный заряд и невероятно важно. Лиса, по всей видимости, представляла некую принципиально важную для пациентки проблему. [1, с.25]

Синхроничность является принципом, связующим нашу психику с внешним событием, которое посредством придания значений, вносит с собой таинственное чувство общности нашего внутреннего с тем, что является внешним по отношению к нам. Испытывая синхроническое событие, мы не чувствуем себя отдельными, изолированными от всего мира существованиями, напротив мы испытываем глубокое чувство родства с другими людьми и вселенной. Носителем этого знания является вечное Дао, а синхронические события всего лишь одно из его проявлений.

Синхроничность событий является таким образом указанием на существование некоего объединяющего принципа. Как только возникает синхроничное событие, несчетное количество видимых вещей воспринимается неожиданно как проявление одного целого, а невидимая сущность — как таинственное и непонятное звено существования. Эта необыкновенная тайна и есть Дао. [1, с.41]

Синхронические события напоминают сон наяву — хороший сон или кошмар. Такие происшествия, также как и сны, связаны со смыслами, содержащимися в нашей психике, и являются обычно неким метафорическим комментарием, который если он будет расшифрован, даст возможность заглянуть в сущность данной проблемы. Синхроничное событие может быть «заряжено» значением, которое моментально до нас доходит, но может потребовать долгой работы. Также и со снами: некоторые мы понимаем сразу же, а вот интерпретация большинства из них требует анализа. Более того, интерпретация, как в случае снов, так и в случае синхронических явлений, остается одной и той же.

Синхронические события, также как и сны, различаются в зависимости от людей, с которыми они происходят. Некоторые видят сны каждую ночь, другие утверждают, что вообще их не видят. Некоторые помнят лишь несколько существенных снов и те они видели в детстве. У одних сны полны цвета и символов, у других сны в различных оттенках серого цвета и заполнены тривиальными элементами обыденной жизни. То же самое относится к синхроническим событиям: некоторые видят их проявление на каждом шагу, в то время как другие не могут вспомнить ни одного значимого совпадения в своей жизни. Некоторым пришлось испытать лишь одно или два подобных события, однако они произвели неизгладимое впечатление. Способность запоминать, а также частота, интенсивность и драматизм ситуаций,

отличаются друг от друга как сны, а повторяемость синхронических ситуаций имеет место также часто, как и повторяемость тем снов. В обоих случаях сценарий и «распределение ролей» могут быть одинаково суггестивны и точны. [1, с.42]

Прилежное наблюдение за снами и синхроническими явлениями придает внутренней жизни дополнительное измерение, обогащая наше сознание. Мы намного лучше сможем познать себя и окружающий нас мир если сможем интерпретировать кроме логической еще и символическую информацию. Поскольку мышление и обработка впечатлений, которые дает нам сознание, происходят в одном полушарии мозга, а функции интуиции и перцепции символов в большинстве своем размещены в другом, то лишь когда мы учтем оба этих источника мы получим полный образ. Наше восприятие ситуации и решения о том, как поступать, в значительной мере опираются как на чувства и интуицию, так и на объективное знание.

Раз синхроничность так подобна снам, нет ничего удивительного в том, что к ней можно применить те же самые правила — как например то, что опасно сильно концентрироваться на ней. Односторонняя концентрация на сновидениях и синхронических событиях означает отказ от логического мышления и рациональной верификации реальности. Если мы заблудимся в этом, мы погрязнем в магическом мышлении и начнем везде видеть знаки и предсказания, делая зависимыми от них любые свои действия. Односторонность восприятия всегда ограничивает приходящую к нам информацию. Человек с подобным ограничением будет обходиться лишь линейным мышлением и перцепцией исключительно пяти органов чувств. Это ведет к переживанию с отсутствием эмоциональных значений, воображения и духовной плоскости. Эмоции, интуиция и чувства необходимы при восприятии музыки, искусства и символики. Синхроничность, также как и сны, приглашает нас участвовать в ощущениях на символическом уровне, где до нас доходят более глубокие значения, где мы все участвуем в коллективном бессознательном, где время и пространство становятся относительными, а мы сами в рамках нормальной жизни испытываем существование необыкновенной реальности.

Синхроничность подобна снам наяву; в этом случае нам дано бывает попасть в точку, где сталкиваются время и его отсутствие, где происходят, невозможные на

первый взгляд, слияния всех сфер бытия, и где то, что находится внутри нас, и то, что вовне, становятся нераздельными. Синхроничность, как и сон, приоткрывает в коротких проблесках нечто, существование чего неясно предчувствуется — вездесущее Дао. [1, с.52]

Синхронические встречи как зеркало отражают то, что находится внутри нас. Чтобы мы могли развиваться — мы должны присмотреться к своему отражению. Синхроничность держит свое слово, когда мы изменяем то, что у нас внутри, изменяется также наша внешняя жизнь.

Раз уж мы сами притягиваем людей и события, то оказывается, что кажущиеся случайными ситуации — счастливые и несчастливые — абсолютно не случайны. [1, с.65]

Волфган Паули, который разработал одно из ключевых понятий современной физики: так называемый запрет Паули — принцип математической симметрии — считал, что парапсихологические явления (включая значимые совпадения) являются вещественными доказательствами существования неизвестного до сих пор принципа функционирования вселенной. Именно это было причиной сотрудничества Паули и Юнга, для которого он был своего рода учителем современной физики. Сотрудничество принесло плоды в виде двух публикаций. Паули написал эссе «Влияние концепций архетипов на научные теории Кеплера», где он использовал пример Иоханнеса Кеплера, великого мистика и одного из создателей современной астрономии, описывая процесс рождения науки из мистицизма. А Юнг, как указывалось ранее, работу «Синхроничность: принцип акаузальных связей». Эта общая публикация символически связала физику и психологию. [16, с.48]

Паули искал и исследовал симметрии. Китайцы говорили об инь и о воспринимаемом Дао. Древние египтяне чтили богиню Маат, как олицетворение всеобщего порядка, способную все измерить и уравновесить. Навахо рассказывают о Матери Перемен с ее пучками растений, воссоздающей творение в пространстве-времени. Современные математики пишут: «Да, Бог — геометр, но никогда не забывайте: у него это выходит лучше, чем у нас». [29, с.64]

Новая физика подтверждает догадку Юнга, который говорил о том, что архетипическое энергетическое поле организует хаотичную энергию вокруг смысловых структур, и поэтому все мы движемся в соответствии с ритмами космоса.

То, что Руперт Шелдрейк назвал «морфическим резонансом», древние интуитивно описывали как «музыка сфер». Подобно тому, как природа организует объект, позволяя ему реализовать потенциал, так же и психика организует хаотичные энергии в системы развития, приобщая отдельно взятого индивидуума к драме вселенной. В своих мемуарах «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг писал, что, даже если все желания Эго будут удовлетворены, человек может ощущать себя брошенным и потерянным, пока ему не удастся интуитивно почувствовать свое участие в космической драме, получить опыт нелокализованной связности. [16, с.48]

Римский император и философ Марк Аврелий сказал: «Все многообразие этого мира может гармонично образовывать структурное единство». Отдельные фрагменты этого деятельного мира, легко впадающего в разобщенность и невроз, служат движению глубинных потоков. Эти потоки пытаются вытолкнуть нас на более высокий уровень личного сознания, и они же при этом заставляют нас принять скромную роль одной из частичек всеобъемлющего космического сознания.

Лицезрея величие и беспредельность нашей вселенной, мы можем утраститься, и тогда мы взываем к посреднику, будь то государство, гуру или старательно причесанный проповедник Евангелия. Официальные поставщики религии зачастую называют тех, кто пережил личное соприкосновение с тайной, «гностиками». Что же, гносис означает «знание». Если я могу учиться тайне на собственном опыте, если я чувствую действие вселенских энергий, ощущаю их незримое присутствие, то почему бы мне не жить так, как учит меня непосредственное переживание, без посредничества со стороны других, какими бы искренними ни были их намерения?

Но многие не доверяют подобным единичным откровениям, называют это безумием, избегают встреч с незримыми энергиями, которые в действительности постоянно протекают через нас.

Правда всегда тревожна: если мы признаем существование незримых сил, что бы мы под этим ни понимали, то мы должны поменять и свой взгляд на жизнь, мы должны научиться постоянно пересматривать наши ценности, делать непростой выбор. Наши психологические задачи больше не могут сводиться к изменению моделей поведения или когнитивному перепрограммированию. Открыв себя незримому, динамическому миру, мы заново приобщимся к тайне – одновременно

притягательная и пугающая перспектива для одержимого властью, привыкшего к комфорту, осторожного сознания. Юнг писал: «Самое незначительное в нашей жизни, если оно обладает смыслом, может стать важнее самого существенного». [16, с.51]

С появлением концепции синхроничности, как теоретическая физика, так и психология с парапсихологией стали видеть в основе всех явлений наличие чего-то родственного тому, что всегда видели мистики. Теория и лабораторные эксперименты дали нам возможность представить и признать вероятность такой концепции, согласно которой существуют связи, объединяющие все явления во вселенной. Если, однако такое осознание имеет характер интуитивного опыта, обязательно появляется, духовный фактор. Возможно, что психика человека — единственный во вселенной приемник, который в состоянии понять значение, кроющееся за всем, что существует, которое называют Богом или Дао. [1, с.89]

Природа осознала свое собственное существование, она породила единственного свидетеля этого существования — человеческое сознание.

У Юнга можно найти такие строчки:

«Вы можете спросить: „А какого черта человек должен был лезть из кожи, чтобы достичь высшего уровня сознания“. Поистине, это главный вопрос, и ответить на него нелегко. Вместо ответа я могу предложить только свою веру я верю, что по прошествии тысяч и миллионов лет кто-то должен был осознать, что этот чудесный мир океанов и гор, солнц и лун, галактик и облачностей, растений и животных, действительно существует. Как-то раз, будучи в Восточной Африке, я забрался на небольшую горку и наблюдал оттуда, как на равнине в беззвучном спокойствии огромные стада диких животных паслись так же, как они это делали с незапамятных времен, которых коснулось только легкое дыхание первобытного мира. Тогда я чувствовал себя первым человеком, первым существом, которое осознало все это. Весь мир вокруг меня находился в своем первобытном состоянии; он не знал, что он существует. И тогда, в тот самый момент, когда я осознал этот мир, он стал существовать, если бы этот момент не наступил, этого бы никогда не произошло. Вся Природа стремилась к этому и добилась своего в человеке. Мир увеличивается ровно настолько, насколько мы продвигаемся вперед по пути осознания» [2, с.54]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Г-жа Нихус-Юнг сказала, что по просьбе отца его ценное собрание алхимических текстов будет открыто публике. Затем она провела нас в сад, желая нам что-то показать. Я заметил, что многие старые деревья были недавно срублены, открывая вид на озеро. Она провела нас к дереву, под которым Юнг обычно сживал, и показала нам огромный шрам на его стволе, от верхушки до низу.

«Когда умер мой отец, сказала она, - над Кюснахтом бушевала невероятная гроза – чего никогда не бывает в это время года. И во время грозы в дерево ударила молния. А он всегда сидел здесь в тени, знаете».

Я смотрел на длинный шрам, оставленный небесным огнем, и понял его, как знак того, что Юнг достиг центра вселенских сил. Природа ответила, она была взволнована; это был синхронизм.» [11, с.134]

Вот и подходит к концу мое повествование, которое я решила написать, вдохновившись жизнью и деятельностью великого психолога и психиатра Карла Густава Юнга – создателя аналитической психологии – того, что стало делом всей его жизни. Но не подходит мое изучение его трудов. Знакомство с этим великим человеком началось ещё в прошлом столетии. С детских лет я шла за зовом моей души и из глубин бессознательного открылась великая и прекрасная тайна – книги Юнга. Мне многое тогда было непонятно из прочитанного, но на уровне энергий и вибраций, в которых я находилась – это было воистину прекрасно. Юнга нужно не учить, а проживать. Недаром путь индивидуации – это путь зрелого человека. И какой бы я не была в юности - с пытливым умом, вдохновленной и крылатой душой, - самое ценное открылось только спустя несколько десятилетий. И наступил момент, когда часть души, жаждущая цельности, стала тебя упорно и настойчиво вести. У Джеймса Холлиса – юнгианского аналитика есть прекрасное изречение, так хорошо характеризующее мое состояние: «Встреча с Самостью, которую Юнг назвал *Auseinandersetzung*, а древние греки называли *metanoia*, приводит к изменению мировоззрения, в результате которого может возникнуть новое ощущение Я. Никто из нас — тех, кому довелось пройти через такие грандиозные изменения, — не сделал этого по доброй воле. Нас притащили туда силой, подгоняя пинками и не

обращая внимания на наши стоны, и нет никаких сомнений, что нас притащат туда снова».

Очень жизнеутверждающе об этом сказал известный австрийский поэт Рильке: «Каждый из нас найдет место для второй огромной и безвременной жизни».

Для изучения мною аналитической психологии была создана прекрасна почва – тяга к художественному слову с ранних лет. Всю жизнь я была увлечена поэзией и художественной литературой. Став филологом, я развивала в себе образное видение и мышление. Очень примечательно и символично оказалось не только знакомство с Джеймсом Холлисом доктором философии, известным юнгианским аналитиком и преподавателем гуманитарных наук, но и схожесть прихода к аналитической психологии. Вот как об этом глубоко написал Джемс Холлис в своей книге «Жизнь между мирами»: «... ярко обосновав важность творческих способностей художника, я оставил преподавание литературы и философских культурных традиций ради изучения психологии. Ответ прост и одновременно сложен, как все важные вещи. Посвятив более двадцати пяти лет гуманитарным наукам, я пришел к выводу, что мне необходимо понять источник тех образов, что формируют нашу культуру, выяснить, где берет свои корни эта плеяда архетипов и какой великой цели она служит. Поиск ответов на эти вопросы занял вторую половину моей жизни, и я уверен, что не смог бы открыть всю силу глубинной психологии, равно как и ее инструментов для отслеживания невидимых энергий, не имея в запасе опыта прошлого».

Глубокий и рациональный опыт чтения литературы стал и для меня наилучшей подготовкой к работе с психикой. Серьезное и продолжительное изучение литературы явилось прекрасной базой к погружению в глубины человеческой души.

Еще у Джеймса Холлиса есть так созвучная мне аналогия прихода в аналитическую психологию: «Когда тридцать пять лет назад я спрашивал у книги «И цзин», ехать ли мне в Цюрих (чтобы начать собственный анализ и обучение), мне выпала гексаграмма, означающая путешествие через широкие воды и совет мудреца. Подобный образ можно истолковать по-разному. Конечно же, на уровне эго-сознания широкие воды должны быть Атлантическим океаном, а мудрец – Юнгом. Но на внутриспсихическом уровне речь шла о погружении в глубины бессознательного и поисках источника мудрости, который есть в каждом из нас. Оба образа

подтверждали и подчеркивали, что решение поехать в Швейцарию означало также и более серьезное отношение к избранному пути и к своей скоротечной жизни в целом. Эти события стали для меня, по выражению драматурга Кристофера Фрая, «масштабом души» и требовали соответствующей реакции с моей стороны. Дело было не в том, что я обратился к некоему высшему авторитету, как в детстве, а в том, что я научился искать совета внутри себя, спрашивать себя о том, что мне нужно, что я должен делать. Гексаграмма из «И цзин» показала мне, что правильный путь уже был избран».

Мне же этот путь указала греческая богиня Артемида – мой женский Архетип. Греческие Боги никуда не ушли, став энергией, и ждут своего осязаемого воплощения в нас, людях. Связь с Артемидой прекрасно ощущается на лоне природы. Всегда душа наполнялась и отдыхала, восстанавливаясь в лесу, и я, ведомая синхронистичными событиями обучилась японской технике лесных купаний синрин-йоку, став дипломированным гидом. А ежедневная работа с мандалами меня и привела к юнгианскому анализу, и ряд других синхронистичных событий направили в НУСТ на обучение по программе психолог - психоаналитик. В процессе обучения я создала свой сайт «Марина Рыбкина – глубинная психология» <https://marina-ribkina.ru/>. Стала дипломированным мандалотерапевтом и фототерапевтом. С помощью техник фототерапии можно помочь своим клиентам в решении эмоциональных и межличностных проблем, с которыми они не могут справиться сами. Эти техники помогают находить контакт со своими чувствами и воспоминаниями через взаимодействие с собственными или чужими фотографиями, - даже если они хранятся уже не в альбомах, а в компьютерах. Важно понимать, что фототерапия не является разделом или одним из методов арт-терапии, хотя почему-то такая точка распространена в России. В мировом пространстве это хорошо понимают. Это важно осознавать, даже потому, что фототерапия может успешно использоваться любыми специалистами, занимающимися вопросами психического здоровья, включая тех, кто никогда не слышал об арт-терапии. Да, разумеется, можно сказать, что арт-терапевты чуть лучше подготовлены к использованию методов фототерапии, т.к. их образование позволяет им лучше ориентироваться в темах, касающихся визуально-символической образности. Для меня, как для будущего психоаналитика, техники фототерапии будут важны в совместной работе с клиентом,

в постижении тайн изображения, позволяющих раскрывать неосознаваемые ранее ассоциации и чувства, связанные с конкретной фотографией. Описывая фотографии и реагируя на них, люди зачастую могут добраться до самых глубин своих сильных чувств, которые обычно скрыты за когнитивными барьерами, такими, как отрицание и логика. Техники фототерапии позволяют клиенту избежать сознательных вербальных ярлыков и способствуют появлению образного и символического языков. Да, фотографии имеют свой особенный язык – это язык символов и визуальных образов. А символы – это ведь и сердцевина юнгианской психотерапии.

Также я прошла повышение квалификации по программе «Современная софрология: упражнения для релаксации». В перспективе я планирую учиться на софролога. Это направление мне знакомо, т. к. на протяжении 30 лет постоянно занималась дыхательными практиками, йогой, медитацией, ЛФК. Ссылаясь вновь на Джеймса Холлиса к его книге «Призраки вокруг нас. В поисках избавления» в главе – «Навязчивость комплексов» он говорит о пагубном воздействии энергии комплексов и их проявлении в нашем теле и о важности физических упражнений «...у психотерапевтов есть профессиональное расстройство: из-за того, что во время сеансов их психика напряженно работает, а тело при этом находится в расслабленном состоянии, многие из моих коллег страдают от проблем с шеей и спиной. Поэтому многие из них уже начинают осознавать необходимость физических упражнений, которые помогают избавиться от излишков полученной от комплексов энергии и подготовить тело и дух к новому рабочему дню». Мне очень понравилась так же образовательная программа в НУСТе на «Инструктора йоги» - такой прекрасной программы я не видела ни у кого. Есть желание учиться профессионально. Именно все темы этой образовательной программы созвучны тому, о чем великий Карл Юнг говорил в своей работе «Йога и Запад»: «Я не стану распространяться о том, что значит йога для Индии, поскольку не могу судить о чём бы то ни было, не имея личного опыта. Я могу говорить лишь о том, что она значит для Запада. Отсутствие духовной ориентации граничит у нас с психической анархией, поэтому любая религиозная или философская практика равнозначна хоть какой-то психологической дисциплине; иными словами, это метод психической гигиены. Многие чисто физические процедуры йоги представляют собой также средство физиологической гигиены, намного превосходящее обычную гимнастику или дыхательные

упражнения, так как йога представляет собой не просто механику, но имеет философское содержание. Тренируя различные части тела, йога соединяет их в единое целое, подключает их к сознанию и духу, как-то с очевидностью следует из упражнений пранаямы, где прана — это и дыхание, и универсальная динамика космоса. Если любое деяние индивида является одновременно событием космическим, то «легкое» состояние тела (иннервация) сочетается с подъёмом духа (всеобщая идея), и благодаря такому сочетанию рождается жизненное целое. Его никогда не произвести никакой «психотехнике», будь она даже самой что ни на есть научной.

Практика йоги немыслима — да и неэффективна — без тех идей, на которых она базируется. В ней удивительно совершенным образом сливаются воедино физическое и духовное».

Юнг использовал разные практики, такие, например, как йоговское дыхание, чтобы поддерживать эмоциональное равновесие. Для умиротворения эмоций, когда они угрожали его внутреннему равновесию и даже рассудку, он использовал медитацию.

Также на платформе YouTube у меня есть прекрасный канал, в котором за два с половиной года сама лично записала и смонтировала 500 видео. На нем пока немного видео с медитативными практиками, размещенными в отдельном плейлисте. Я учу людей, как правильно готовить вкусную и здоровую еду. Это еще раз подтверждает теорию Карла Юнга о бессознательном. Бессознательное рода тесно связано с человеком, о чем я писала выше в разделе «Личное и коллективное бессознательное». Для будущего психоаналитика, которой близок всей душой юнгианский анализ, должны быть видны очевидные его проявления. Внутренняя работа с собой, основанная на знаниях, поможет мне в дальнейшем увидеть эту связь из глубин бессознательного и направить к ним моих будущих клиентов. Да, мой канал - кулинарный, но кулинария для меня сродни волшебству. Вытянув на свет в своей жизни, вначале неосознанно, бессознательное рода, а именно мастерство хорошо готовить моей родной бабушки, довела его до совершенства и безмерно рада такому творчеству, доставшемуся мне по наследству. Готовить блюда, как истинный мастер — дает много свободы человеку. Для меня кулинария стала тем, чем для Юнга

по жизни была археология, Для Эйнштейна - игра на скрипке, а для Спинозы - шлифование линз.

Моя личная библиотека пополнилась 19 книгами, которые были основательно изучены, став настольными. Все свободное время я работала с ними не только дома, но и общественном транспорте, на природе и пешех прогулках. Я благодарна авторам, которые открыли для меня жемчужины знаний аналитической психологии.

В процессе изучения форм внутренней работы – анализа сновидений и Активного Воображения, как особого способа использования силы воображения, смогла их применить уже самостоятельно на себе в виде личной практики.

И конечно мандалы, которые я рисовала после медитаций и анализировала свои глубины бессознательного. Юнг, мандалы тоже рисовал на протяжении всей своей жизни. Ведь мандалы – это средство передвижения по жизни. Через индивидуальные мандалы с нами устанавливает связь Самость, в тот момент, когда психическое нуждается в объединении, в основном в периоды психической дезориентации или переориентации. Мандалы – это символы упорядоченности. И в периоды наибольшей дезориентации человек спонтанно рисует мандалы. Компенсаторные символы целостности вырабатываются Самостью тогда, когда психическая система находится под угрозой распада. В этот момент архетип Самости вмешивается, пытаясь объединить психику. Они тоже пришли мне на помощь, в принятии одного из самого важного решения в моей жизни – ухода из системы, которой я отдала 36 лет своей жизни. Это не было выгоранием, это было спасением себя от уничтожения. Но служение людям будет продолжено уже в новом и прекрасном качестве психоаналитика.

Изучая юнгианский материал, я познакомилась вначале через лекции, а потом и лично с уникальным человеком – Ребеко Татьяной Анатольевной- международно признанным юнгианским аналитиком. Она одна из первых российских переводчиков работ Юнга, кандидат психологических наук, заведующая Лабораторией психологии и психофизиологии индивидуальности имени В.Д. Небылицына Института психологии РАН. Я безмерно благодарна судьбе за эту встречу. От Татьяны Анатольевны я получила поддержку, помощь и наставления на пути в изучения аналитической психологии.

Юнг нашел связующий мост, тропу, потерянную со времен Просвещения, если не ранее. Подобно тому Возрождение отыскивало связь с внешним классическим веком, он установил связь с его внутренней стороной. И теперь благодаря ему, сущностные качества могут выжить.

Не за долго до своей смерти Юнг написал: «Я охраняю свой свет и своё сокровище, убежденный в том, что никто не выиграет, а сам я буду отчаянно, безнадежно повержен, если потеряю их. Они – самое ценное не только для меня, но прежде всего, для тьмы Творца, которому нужен человек, чтобы осветить его Творение».

Эта мысль нашла дальнейшее развитие в мемуарах Юнга, изданных уже после его смерти, и проиллюстрирована историей о вожде индейцев Пуэбло, Охвиай Биано, который верил, что он помогает солнцу взойти на рассвете. Юнг старался отыскать для современного человека миф, столь же трансцендентный и исполненный жизненной силы, и в конце концов, после многих лет труда он открыл его в утверждении, подводящем под итог всей его работе а именно в том, что смысл и предназначение человека - освещать мрак Творца. Его желанием было продлить свет сознания в бездонные воды Бессознательного, так сказать, внутрь самого Бога. Таков живой миф, который Юнг вручил современному человеку, хотя миф этот, конечно, не для всех.

В юнгианском смысле проецирование сознания не равнозначно размышлению; скорее, это направленный луч внутреннего света, проистекающий из таинственного «центра» личности, позволяющего ему устремиться к королевству теней в постоянной динамике.

В XIX веке, как известно, психологии не существовало. Эта неоперившаяся дисциплина, рожденная страданием, только нащупывала свою шаткую опору в таких приемлемых «науках», как изучение «разума». Этот акцент на разуме не объяснял всего того, что сегодня мы воспринимаем как само собой разумеющееся – силу бессознательного, роль комплексов, архетипические процессы формирования личности и т. п., но это был первый шаг.

Юнг отмечал, что психология начала развиваться лишь в конце XIX века и стала последней из социальных наук потому, что главным посредником в областях, которые она исследует, когда-то выступали племенные мифы и религиозные

верования. Иными словами, если кто-то хотел узнать правильный курс действий, получить общую картину, то в большинстве случаев ответы на такие вопросы черпались из общепринятых источников – возможно, получались от местных шаманов или других религиозных институтов. Если кто-то сталкивался с внезапными личностными переживаниями или межличностными проблемами, можно было обратиться к священным писаниям, древним историям, где все уже было описано. Глубинная психология в ее современном виде, отмечал Юнг, должна была возникнуть хотя бы потому, что все эти авторитетные источники утратили свою способность связывать отдельно взятых людей и даже целые племена с энергиями, выходящими за рамки личности. И эта смена «авторитета» продолжается и в нашу эпоху, представляя собой величайший в истории человечества переход сил от коллективного к индивидуальному, насколько последнее может справиться с этим. [15, с.42].

Глубинная психология – это попытка выстроить диалог с самим собой на таком глубоком уровне, куда вряд ли доберется эго сознания и большинство методов лечения. Хотя мы можем обнаружить, что жизнь, выбор, ценности и риски, на которые просит нас пойти душа, бросают нам вызов, ставят под угрозу нашу безопасность и разрушают рамки предсказуемости, принятие этого риска станет истинным переживанием смысла. Глубинная психология понимает, что цель жизни не счастье, так или иначе имеющее лишь временный характер, а смысл, который остается.

Глубинная психология погружена в исследование наших формирующих переживаний – тех первичных, пережитых и глубоко спрятанных «историй» или интерпретаций, которые сбили нас с курса, определили наши отношения с другими и завладели нашей повседневной жизнью. Вытащить их на поверхность – значит не застрять в прошлом, а осознать, почему прошлое до сих пор столь сильно влияет на нас, задавая шаблоны, заставляя нас свернуть с пути, ограничивая нашу свободу выбора.

Современная психология находится на перепутье, между двумя перспективами. С одной стороны, существуют психотерапевтические модальности, пытающиеся анализировать модели поведения, корректировать их, перепрограммировать ошибочные мыслительные процессы, выявлять

биологические нарушения и исправлять их. Все эти методы очень полезны и имеют смысл. Однако любой из нас оскорбился бы, если бы его свели только к телу, поведению и мыслям. И любой из нас воскликнул бы: «Но ведь я состою не только из этого. Моя суть этим не исчерпывается. Я – это нечто большее, гораздо большее!» В рамках другого направления современной психологии – психодинамике – человек определяется как существо, постоянно ищущее и создающее смыслы, и страдающее от их отсутствия. Но ведь подобные страдания никак не связаны с количественными характеристиками, поэтому-то современная психология со своими количественными методами паникует перед вопросами поисков и обретения смысла. Глубинная психология поднимает вопросы смысла, ее представители осознают, что главная задача психологии – распознать смысл, разгадать тайну психики во всех ее намерениях, особенно в патологиях и символическом выражении. Вспомнив о том, что греческое слово «психе» переводится как «душа», мы проникаем во внутренний мир своей жизни. Многие в современной психологии и вся поп-психология (завсегдатаев ток-шоу и книжных прилавков) никак не связаны с психикой. О психике забыли. Требование вернуть психику психологии подразумевает обращение к внутреннему миру, который есть ключ к истолкованию внешнего мира. [15, с.43]

Читая лекции в студенческом обществе «Зофинг», Юнг как будто бы пропитывался незримым философским духом Иммануила Канта. «Я признаюсь, что твердо уверен в наличии в мире нематериальной природы, к которой отношу и свою душу». Таким образом, каждый из нас в наш век материализма должен спросить: «У меня есть душа?». Что бы это могло означать? Какой смысл это несет для меня? Чего это от меня требует? Что означает «проявиться»? Смогу ли я услышать свою душу и начать служить ей? Что случится, если мне это не удастся? Этот парадоксальный призыв не так-то просто принять, но, именно отвечая на него, мы становимся людьми, которые способны воплотить намерение духа. И как кто-либо из нас может познать имманентную тайну, если мы не ступим в некую великую открытость жизни? [16, с.187]

Известный философ, писатель и мистик 20 века Георгий Иванович Гурджиев сказал: «Душа – это роскошь, никто еще не родился с полностью развитой душой».

Быть классическим юнгианским аналитиком означает не столько следовать и повторять терминологию Юнга, сколько принимать общий метод анализа,

разработанный Юнгом. Это включает в себя, прежде всего, уважительное отношение к тому, что встретилось неожиданно; уважительное отношение к тому, что неизвестно, что невиданно, что неслыханно. Когда Юнг напоминал себе, прежде чем он начинал рассматривать сновидение пациента, "Я совершенно не догадываюсь, о чем это сновидение", он очищал свой ум от догадок и предположений, которые могли бы разрушить уважительное исходное отношение. На одной из периодических встреч, которые происходили между Юнгом и его дипломниками в Цюрихе, один студент задал ему вопрос об этой процедуре: "Профессор Юнг, когда Вы говорите, что совершенно не догадываетесь, о чем какое-то сновидение — это подобно заклинанию?" Он кивнул и сказал: "Да". Следовательно, его проповедь неведения предназначалась для изгнания демонов высокомерия и высшего знания. [5, с.144]

И еще одна тема, которая интересовала Юнга и интересует меня в том числе, но которая оказалась в процессе моего исследования, и не нашла отражения в данной работе – взаимодействие дзен-буддизма и психологии. На две эти глобальные темы, в процессе моей жизни, но без пересечения, было устремлено мое сознание. И только начав серьезно изучать аналитическую психологию, я, как и Юнг задалась вопросом интеграции буддизма в другие терапевтические дисциплины, особенно юнгианскую психологию. Я намеренно не внесла одну книгу в библиографический список - «Пробуждение и прозрение. Дзен-буддизм и психотерапия» под редакцией Полли Янг-Айзендрат и Шоджи Мурамото), которую только начала изучать и анализировать. Большое место в этой книге уделено встрече Карла Юнга с профессором Шиничи Хисамацу из Японии из знаменитой школы философии при Киотском университете. Их общение состоялась в 1958 году. Результатом их встречи стало обсуждение некоторых важных вопросов, которыми часто задаются те, кто исследует плодотворную, но иногда сбивающую с толку взаимосвязь буддизма и психотерапии в двадцать первом веке. В основе человеческой природы лежит стремление облегчить страдания души и поиск пути к ее спасению. И Юнг видит буддизм разновидностью восточной психотерапии. Буддистские диалоги имеют психотерапевтическое значение и могут выступать в качестве образцов восточной психотерапии.

Азиатская философия и культура никогда не переживали периода интеллектуального переворота, как картезианский раскол разума и тела, в след за

которым в западные страны пришла эпоха Просвещения. Вкупе с научными достижениями она породила в людях низменные личные интересы, и все вместе это привело к появлению психоанализа, психотерапии и психологии личности в Европе и Америке. Без преувеличения можно отметить, что дзен-буддизм, влияющий на психотерапию и одновременно с этим впитывающий ее в себя, сегодня передается на запад через Тихий океан, все больше и больше раскрывая свой глобальный характер, и становится ключом к духовности двадцать первого века.

И именно японский буддизм оказал отклик в моей душе, т.к. он в отличие от индийского и китайского буддизма имеет склонность к эстетике, в нем присутствуют элементы поклонения природе, которые привнес в него синтоизм.

Общий рост осознанности является характерной чертой нашего мира. В основе нашей исторической эпохи лежит космологичность. Вопреки или благодаря повсеместным и серьезным противоречиям, наше еще не пробудившееся понимание исторических процессов, участниками которого мы вольно или невольно являемся, может причинить нам страдания. Теперь мы можем сказать, что Восток и Запад встретились в буддизме, так и в психотерапии. Никакая серьезная современная проблема, будь она политической или философской, не может принадлежать исключительно Востоку или Западу, она должна быть признана мировой проблемой, мы сразу оказываемся взаимосвязаны с людьми по всему миру, большинство из которых мы даже не знаем лично.

В эвристических работах Юнга, его исследованиях человеческой психики нет места страху, суевериям и проекциям. Изучая тайны нашего мира, он приходит к выводу, что все психические феномены существуют не вовне, а внутри нас.

Перед нами стоит задача понять как можно более полно, каким образом нашей жизнью управляют эти невидимые силы, как они существуют в нас и в истории, объяснить их психологически, не сводя к банальному понятию психического состояния.

Жизнь полна тайн, и нам никогда не постигнуть всех ее неизъяснимых измерений. Однако их «психологическое» толкование и понимание чреваты двумя дарами:

личной свободой, которая возникает из понимания природы и источника всего того, что влияет на нашу повседневную жизнь и что может быть нами сознательно использовано или при необходимости приостановлено;

пониманием того, что все чары, держащие наше Эго в рабстве слепого буквализма, насылаются на нас приобретенной, унаследованной, культурно опосредованной энергетической системой, а не «богами» и цельным намерением нашей души. [16, с.12]

Трагическое видение определяет силовое поле влияния, которое проходит сквозь нас, направляя, определяя, ограничивая, оставляя нам набор «данностей», над которыми мы не властны. К этим детерминирующим силам относятся психодинамика семьи, в которой мы росли, полученная генетика, а также социальный, политический и культурный контекст, в котором мы рождаемся. Все это обладает достаточной силой, чтобы сформировать, ограничить и направить нас. И имя этой направляющей силы – Мойра, или Судьба!

Точно так же существует другое силовое поле, которое проходит сквозь нас, ищет свое выражение через нас, стремится войти в нашу жизнь и использовать ее в своих целях. И имя этому стремлению к развитию, живущему внутри каждого из нас, – Прооризмос, или Предназначение! [15, с.99]

Юнг отмечал, что призывы встать на свой путь и обрести свое призвание (vocatus) порой не совпадают с сознательными желаниями. Может быть, Самость, высшая мудрость и целенаправленный поток энергии внутри каждого человека, не обращая внимания на мое мелочное желание отдохнуть, приготовила для меня еще одно задание?

Юнг говорил, что если уничтожить все человечество, кроме двух особей, вся культура и цивилизация восстановится точно таким же образом: сначала воспроизведутся генетически обусловленные истории, архетипические энергии, лежащие в каждом из нас, а затем – все модели, динамические структуры, персоны и развязки старых как мир сюжетов, разыгрывающихся снова и снова и ныне, и присно, и во веки веков. Тот, кто не знает, что сегодняшняя история – лишь перепев старой, тот плохо разбирается в хрониках человечества. Те же эпизоды, те же глупости, те же инфляции и дефляции, и все, что возвращается земле, отыгрывается вновь и вновь. Настоящее заполнено архетипической динамикой, которая постоянно

напоминает нам о том, что даже нерассказанные истории продолжают действовать, пусть и бессознательно. Неосознаваемое настоящее – это история, которая хочет быть рассказанной, которая настойчиво проникает в нашу жизнь. Над входом в свой дом Юнг поместил надпись со словами, принадлежащими Эразму Роттердамскому: «Прошенный или нет, Бог здесь пребудет». [16, с.36]

Юнг до самого последнего момента все еще находился в поиске. Возможно, он шел тропой Мага, который в отличие от Святого, не жаждет слияния или спокойствия Бога, но предпочитает вечный путь со всеми его несчастьями.

Хотя Юнг был человеком науки, способным выразить свои открытия обычным языком людей, он был одновременно и странным существом, повествовавшим о невероятных переживаниях языком, перечившим официальной науке. Он давал свои названия тайнствам, что излучаются вечной традицией человека.

В представлении юнгианцев психика не является ни монархией, как считает Эго, ни даже интеллектуальным центром; наоборот, она является многогранной, полиморфной, многозначной и политеистичной. Поэтому в ней существует много голосов, сообщений, указаний и распоряжений; некоторые из них мы слышим, некоторые — нет, но все они очень настойчивы.

«Какой из этих голосов мой?» — спрашивает Эго.

«Все», — отвечает Самость.

«Но я ищу лицо Дзен, которое было до сотворения мира», — закликает Эго.

А в это время Самость снова перевоплощается подобно тому, как много раз перевоплощался Кришна. [14, с.47]

Когда задумаешь отправиться к Итаке,
молись, чтоб долгим оказался путь,
путь приключений, путь чудес и знаний.
Гневливый Посейдон, циклопы, лестригоны
страшить тебя нисколько не должны,
они не встанут на твоей дороге,
когда душой и телом будешь верен
высоким помыслам и благородным чувствам.
Свирепый Посейдон, циклопы, лестригоны

тебе не встретятся, когда ты сам
в душе с собою их не понесешь
и на пути собственноручно не поставишь.

Молись, чтоб долгим оказался путь.
Пусть много-много раз тебе случится
с восторгом нетерпенья летним утром
в неведомые гавани входить;
у финикийцев добрых погости
и накупи у них товаров ценных –
черное дерево, кораллы, перламутр, янтарь
и всевозможных благовоний сладострастных,
как можно больше благовоний сладострастных;
потом объезди города Египта,
ученой мудрости внимая жадно.

Пусть в помыслах твоих Итака будет
конечной целью длинного пути.
И не старайся сократить его, напротив,
на много лет дорогу растяни,
чтоб к острову причалить старцем –
обогащенным тем, что приобрел в пути,
богатств, не ожидая от Итаки.

Какое плаванье она тебе дала!
Не будь Итаки, ты не двинулся бы в путь.
Других даров она уже не даст.

И если ты найдешь ее убогой,
обманутым себя не почитай.
Теперь ты мудр, ты много повидал
и верно понял, что Итаки означают.

Константинос Кавафис

«Только поэты будут способны понять меня...». Карл Густав Юнг

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Болен Ш. Психология и Дао. Синхроничность: случайны ли совпадения в нашей жизни. Методическое пособие для слушателей курса «Юнгианский анализ». - М.: Центр психологической культуры `Breathe`, 2001, - 112 с.
2. Джонсон Р. Сновидения и активное воображение. Анализ и использование в терапевтической практике и в процессе личностного роста. / Перевод с англ. – М.: Корвет, 2017 – 308 с.
3. Каблучкова Т. Основы аналитической психологии. Архетипический подход. – М.: Независимая фирма «Класс», 2018. – 352 с.
4. Каст В. Динамика символов. Основы юнгианской психотерапии. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 232 с.
5. Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под редакцией Полли Янг-Айзендрат и Теренса Даусона. – 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2021 – 476 с.
6. Корытко О. Homo religiosus: на путях поиска: Авторский курс лекций по "Истории нехристианских религий – М, Сретенский монастырь, 2017, 831 с.
7. Леонарда Л. Эмоциональная женская травма: Исцеление детской травмы, полученной дочерью в отношениях с отцом / Пер. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2013. – 224 с.
8. Мэнсфилд В. Синхроничность, наука и созидание души. – Касталия, 2022. – 332 с.
9. Новосадский Н. Элевсинские мистерии: Исследование в области древнегреческих мистических культов. – М, АФИ, 2022, 184 с.
10. Седжвик Д. Раненый целитель. Контрперенос в практике юнгианского анализа / Д. Седжвик. – М.: Добросвет, КДУ, 2021. – 232 с.
11. Серрано М. Герметический круг, - Тамбов, 2009, - 144 с.
12. Стайн М. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию / Пер. с англ. - М.: Когнито-Центр, 2023, 256 с.
13. Сэмюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. – М.: ЭСИ, 1994, 181 с.

14. Холлис Д. Грезы об Эдеме: В поисках доброго волшебника / Пер.с англ. – М. Когнито-Центр, 2023. – 222 с.
15. Холлис Д. Жизнь между мирами: как найти ресурс в себе, когда все вокруг разваливается / Джеймс Холлис; [перевод с английского В.Д. Баттиста] – Москва: Эксмо, 2022, 224 с.
16. Холлис Д. Призраки вокруг нас. В поисках избавления. – Пер. с англ. – М.: Когнито-Центр, 2017. – 192 с.
17. Цукер Ф. Цукер Д. Толкование сновидений / Перевод с английского Л.А. Борис. – М.: АРТ-РОДНИК, 2011. – 144 с.
18. Шарп Д. Типы личности. Юнговская типологическая модель. Пер. с англ. В. Зеленского. – Москва, ИОИ, 2020, 264 с.
19. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Мн.: ООО «Харвест», 2003 – 496 с.
20. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов/К. Г. Юнг; Пер. А. А. Спектор. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.
21. Юнг К.Г. Конфликты детской души/ Пер. с нем. – «Канон» РООИ «Реабилитация», 2021. – 320 с.
22. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы/Под общей ред. А. И. Белкина, М. М. Решетникова – СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 1994. – 416 с.
23. Юнг К.Г. Очерки по аналитической психологии. – Мн.: ООО «Харвест», 2021. – 480 с.
24. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. – М. АСТ, 2023. – 352 с.
25. Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. С. Лорие. – Мн.: ООО «Харвест», 2022. – 526 с.
26. Юнг К.Г. Психология и алхимия / Пер. с англ. С. Удовика. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 603 с.
27. Юнг К.Г. Символы трансформации / Пер. с англ. В. Зеленского – М.: Академический проект, 2021. – 519 с.
28. Юнг К.Г. Синхрония акаузальный связующий принцип /Пер. с англ. И нем. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 347 с.

29. Юнг К. Г. Паули В. Атом и Архетип. Переписка Паули и Юнга, 1932-1958 / Перевод с немецкого Дэвид Роско – М.: Клуб Касталья, 2018. – 438 с.
30. Якоби И. Путь индивидуации. Ключ, необходимый для понимания Юнгианской психологии – М.: «Касталия», 2021. – 174 с.
31. Ребеко Т. Аналитическая психология Юнга, 3 части. - YouTube, ФНК, 2020, 13ч.19м.